

Даргинский язык
19/5/36

Дагестанский филиал Академии наук СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

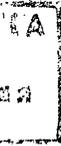
С. АБДУЛЛАЕВ

**ГРАММАТИКА
ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА**

(фонетика и морфология)

МАХАЧКАЛА 1954.

4
A13

50418

ОТ РЕДАКТОРА

Составленная покойным С. Н. Абдуллаевым грамматика даргинского языка отличается от всех предшествовавших научных работ по этому языку, во-первых, полнотой описанного автором материала и, во-вторых, широтой охвата сведений, сообщаемых в грамматике по многочисленным даргинским диалектам.

Все прежние исследователи и составители научных грамматик этого исключительно многодиалектного языка касались в своих работах или одного диалекта, или даже лишь одной какой-либо стороны изучавшегося ими диалекта. П. К. Услар в свое время описал урахинский диалект даргинского языка, оставив нам работу, которая является классической по полноте и научной точности. Л. И. Жирков, используя богатый материал Услара, стремился дать краткую грамматику, уясняющую грамматический строй этого теоретически весьма интересного языка. С. А. Быховская, изучавшая даргинский язык, и между прочим — его кайтагский диалект, подробно описала по материалам литературного даргинского языка систему словоизменения даргинских существительных. Ш. Г. Гаприндашвили дал нам ценное исследование в области фонетики цудахарского диалекта — одного из наиболее обособленных наречий даргинского языка.

Покойный С. Н. Абдуллаев дал нам в 1952 году грамматику даргинского языка — фонетику и морфологию — с указанием важнейших синтаксических правил, касающихся отдельных грамматических категорий.

Грамматика эта составлена на основе литературного диалекта даргинского языка с указанием грамматических форм других диалектов. Как известно, даргинский литературный язык строится на базе акушинского диалекта с устранением, однако, слишком специфических акушинских особенностей (например, литературный язык не допускает выпадения классного показателя *d*, что встречается в акушинской речи, и проч.). С другой стороны, как всякий младописьменный литературный язык, он должен, естественно, обогащаться и некоторыми формами и, в особенности, лексикой других наречий; он не должен и не может замыкаться в рамках основного литературного наречия. Вполне понятно, что при этих условиях некоторое время нормы литературной речи остаются неустойчивыми, что сильно осложняет деятельность переводчиков на даргинский язык, работу редакторов и порою затрудняет самих читателей даргинской литературы. Грамматика С. Н. Абдуллаева, следовательно, будет полезна в особенности тем, что она указывает и нормы литературной речи и в то же время приводит отклоняющиеся грамматические формы по отдельным диалектам; переводчики и редакторы найдут в этой книге полезное для себя пособие.

Надо сказать, что именно этот тип изложения грамматики, где требовалось всегда стоять на почве языковой нормы и в то же время осветить все диалектное богатство описываемого языка, создавал и для автора, и для редактора особые трудности. Последовательность изложения материала могла при этом местами нарушаться; иногда требовалось повторение уже ранее сказанного в связи с другими сторонами грамматического строя. В этом отношении редактор приложил большие старания, стремясь насколько возможно достичь в работе необходимую стройность изложения, но при условии — сохранить по возможности весь тот богатый фактический материал, который составляет с научной точки зрения неоспоримую ценность работы С. Н. Абдуллаева.

К сожалению, покойный автор не успел оставить окончательно исправленной рукописи своей работы, и поэтому в отдельных местах редактору пришлось опустить некоторые абзацы и страницы, незаконченные автором; восстановить их и исправить мог бы только сам покойный автор, ибо только он один обладал нужными для этого знаниями в области всех даргинских диалектов.

Читатели и научная критика будут судить о недостатках данной грамматики, которых, конечно, в таком сложном труде немало; недостатки и промахи, которые заметят читатели, в дальнейших изданиях этой грамматики, несомненно, должны быть устранены. Надо помнить, какое важное значение признал за грамматикой языка в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин: «...именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку».

Профессор Л. И. ЖИРКОВ.

ВВЕДЕНИЕ

В многоязычном Дагестане вряд ли можно отыскать язык, столь же богатый диалектами, как даргинский. В республике гор, как известно, насчитывается более двадцати пяти языков (из них шесть — литературные) с громадным количеством диалектов в них. Даргинский язык имеет более тридцати диалектов (наречий). Все даргинские диалекты являются местными (территориальными) диалектами, они обслуживают народные массы — каждый диалект на своей небольшой территории — имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд.

Следовательно, перед народными местными даргинскими диалектами может быть открыта, при известных условиях, перспектива дальнейшего развития. Несомненно, однако, что даргинский народ должен иметь единый литературный язык. Поэтому среди множества даргинских диалектов сделаться базой литературного языка было суждено, конечно, лишь одному.

Этот вопрос должны были решить сами даргинцы, достоянием которых является даргинский язык, они должны были наметить перспективы развития своего языка до степени литературного языка, языка — в полном смысле этого слова, обладающего богатыми возможностями в разнообразных жанрах литературы — художественном, политическом и научном.

Следовательно, прежде всего, нужно было определить диалектную базу литературной речи. Как увидит читатель в настоящей работе дальше, задача выбора диалектной базы для даргинского литературного языка уже разрешена: в основу положено акушинское наречие, как самое понятное и легкое для значительного большинства носителей даргинских диалектов.

Но литературный язык даргинского народа, имеющий свою основу в одном диалекте, конечно, не замыкается и не замкнется в пределах одного только этого диалекта. Слова из словарного состава других диалектов принимались и принимаются в состав литературного языка; грамматические формы других диалектов в нужных случаях, обогащают и будут обогащать литературную речь. Вот почему, между прочим, автор

настоящей работы счел необходимым повсюду во всех разделах грамматики, указывая формы даргинского литературного языка, вместе с тем сопоставлять их с особенностями иных диалектов; для многодиалектного даргинского языка такое условие изложения его грамматического строя представляется, несомненно, необходимым.

Прежде чем приступить к самому изложению грамматики даргинского языка, мы считаем целесообразным предпослать несколько слов о языке и его диалектах.

В даргинском языке насчитывают (с кайтагским и кубачинским) не меньше 38 диалектов и говоров, иногда резко отличающихся друг от друга.

Перечислим эти диалекты и говоры:

Акушинский — селения: Акуша, Урхучи, Бургимах, Дубримахи, Уллуая, Наскент, Эбдалаая, Лапку, Леваши, Какамахи и много мелких хуторов Акушинского и Левашинского районов.

Акушинский диалект характеризуется: отсутствием усиленных согласных; отсутствием лабиализации и долготы гласных; слабостью ударения; наличием глоттизованных *и, о*, сохранением в известных условиях перед гласным *и* классного показателя *в*; выпадением классного показателя *д* после приставок и др. Говорящие на акушинском диалекте составляют самую большую группу среди даргинцев. Внутри самого акушинского диалекта существуют очень незначительные и мало заметные различия.

Урахинский — селения: Урахи, Ванаша-Махи, Махарги и много хуторов Сергокалинского района.

Характеризуется развитой лабиализацией; наличием долгих гласных; прогрессивной и регрессивной ассимиляции, даже на расстоянии; отсутствием усиленных согласных; слабым ударением (как в акушинском) префиксацией и др.

Бурдекский — сел. Бурдек Сергокалинского района (говор Урахинского диалекта).

Кичигамринский — сел. Кичигамри и Маммаул Сергокалинского района (говор урахинского диалекта).

Мугринский — сел. Мугри того же района (близкий к урахинскому).

Канасирагинский — сел. Канасираги Сергокалинского района (близкий к Мугринскому).

Мургукский — сел. Мургук того же района (близкий к двум предыдущим).

Мекегинский — сел. Мекеге, Верх.-Лапку, Нижн.-Лапку и хутора Левашинского района.

Дегвинский — сел. Дегва Сергокалинского района (говор мекегинского диалекта).

Губденский — сел. Губден и Гурбуки, Карабудахкентского района; и другие населенные пункты;

неподвижное ударение

Мюрегинский — сел. Мюрего Сергокалинского района (очень близкий к губденскому).

Кадарский — сел. Кадар с хуторами, Буйнакского района (ближе всего к губденскому диалекту).

Мекегинский диалект почти не изучен. Он характеризуется: неподвижным стоящим преимущественно на втором слоге с начала слова ударением; отсутствием усиленных согласных и согласного звука *хь*; гласным *е* в окончании наречий и деепричастий (вместо акушинского и урахинского *и*), что характерно и для цудахарского диалекта; гласным *у* вместо *и* других диалектов в глаголе *у-клес* «говорить» (акуш. *в-иклес*, урач. *и-клвис*) и др. Мекегинский диалект вместе с наречиями или говорами селений Дегва, Губден, Мюрего и Кадар ближе к акушинскому и урахинскому диалектам, чем к цудахарскому.

Из особенностей губденского диалекта, отличающих его от всех других диалектов даргинского языка, надо отметить, что он не допускает стечения звуков *лл, рл, рр* и ассимиляции. В положении перед *л* корневые согласные *р* и *л* в нем выпадают; два *рр* переходят в *ж*; среди суффиксов глагола прошедшего времени суффикс *ур* отсутствует, его заменяет *уб* (акуш. *б-агьур* «узнал» — губд. *б-агьуб*; *ахI-б-изур* «понравился» — губд. *ахI-б-изуб*; в отличие от всех других диалектов, в этом диалекте *б* в суффиксе *уб* в 1 и 2 лице выпадает (*б-агьура* «я узнал»; *ахIуб* «он родился» — *ахIура* «я родился»). Вместо акушино-урахинских окончаний эргатива *ли, ни, й, а, ан, ани* и др. в губденском диалекте мы везде имеем *ни*; вместо суффиксов деепричастия *ли, уй, й* здесь мы имеем *ле* и *а*.

Цудахарский диалект — на нем говорят селения: Цудахар, Хаджалмахи, Куппа, Аметерк, Гуладди, Верх.-Убеки, Нижн.-Убеки и др. населенные пункты Цудахарского и части Шурагатского районов.

Цудахарский диалект характеризуется наличием глоттизованных гласных *и, о* и усиленных согласных; лабиализацией согласных даже перед согласным и в конце слова (чем и отличается лабиализация в этом диалекте от лабиализации в урахинском и некоторых других диалектах; ярко выраженным, весьма заметным подвижным ударением, играющим роль в словоизменении, словообразовании и различении слов; упрощением парадигмы склонения и спряжения и др.

Бутринский говор — одного селения Акушинского района; *Усишинский* — сел. Усиша, Гермахи и Зирмук того же района;

Гебинский говор — селения Геба (говор усишинского диалекта);

Гинтинский говор — селения Гинта того же района.

Куркинский говор — селения Курки того же района (близкий к гинтинскому).

Слабое ударение

Слабое ударение

подвижное ударение

Эти диалекты (бутринский, усишинский, гебинский, гинтинский и куркинский) расположенные юго-западнее селения Акуша, имеют большое сходство с цудахарским диалектом, но от других цудахарских селений они отделены селением Акуша, оказавшим на них видное языковое влияние. Их можно считать говорами цудахарского диалекта.

Сургинский — селение Урари, Гуладди (одноименное с вышеуказанным), Дуакари, Нази, Нахки, Цугни, Худуц, Мирзитта, Урагы, Хуршни и др. (Дахадаевского и Акушинского районов).

Внутри сургинского диалекта имеется много говоров, о которых пока мы не можем говорить детально.

Кайтагский диалект — большинство селений Кайтагского района. Кайтагский диалект распадается на пять говоров: шурккантинский (селения: Лища, Жирабачи, Дакнесса и др.); нижнекайтагский (Баршамай, Гарадан, Джавгат и др.); Ирчамульский (Кирки, Гирцик, Варсит и др.); Каттагинский (Шилаги, Тама и др.) и говор селений Ахмедкент и Санчи.

Мугинский диалект — сел. Муги Акушинского района, часть селения Бачиюрт Шурагатского района (находился под сильным влиянием акушинского и урахинского диалектов). В нем обнаруживаются моменты, общие с кайтагским и муиринским диалектами.

Верхнемулескинский — сел. Верхн.-Мулески (очень близкий к мугинскому).

Нижнемулескинский — сел. Нижн.-Мулески Сергокалинского района (подвергшийся сильному влиянию урахинского).

Гергинский — сел. Герга, ныне Шурагатского района (очень близкий к нижнемулескинскому);

Муиринский диалект — селения: Уркарах, Урцаки, Дибгаши, Унакари, Викри, Цизгари, Цураи, Дирбаги, Бускри, Дзилески, Дибгалик, Ираки, Калкни, Зильбачи, Ираги, Сутбук, Трисанчи, Зубанчи, Верхн.-Уркарах, Чишили, Цурхачи, Чахдикна и др.

Кишинский — сел. Киша (Верхнее и Нижнее) Дахадаевского района (говор Муиринского диалекта).

Гуллинский — сел. Гулли Кайтагского района (говор Муиринского диалекта).

Меусишинский — сел. Меусиша Дахадаевского района (говор Муиринского диалекта).

Тантинский — сел. Танти (бывш. Акушинского района, ныне Шурагатского района).

Гапшиминский говор — селения Гапшима Акушинского района.

Шукдинский — сел. Шукди Акушинского района (говор гапшиминского диалекта).

Мегвинский — сел. Мегва Акушинского района (говор гапшиминского диалекта).

Дибукский — сел. Дибук Дахадаевского района.

Карбукский — говор селения Карбук Дахадаевского района.

Кубачинский диалект — селения Кубачи, Ашты (Дахадаевского района) и Сулерки, Амузги (ныне Шурагатского района).

Кубачинский диалект характеризуется заменой в исконно кубачинских словах *р* и частично *л* (наличествующих в других диалектах даргинского языка), долготой предыдущего гласного, обязательным удвоением основы или части основы глагола при отрицании в то время, как в других диалектах даргинского языка такое повторение не обязательно, а факультативно.

Кункинский — сел. Кунки Дахадаевского района.

Амухский — сел. Амух Агульского района.

Мемугинский — сел. Мугоб Гунибского района.

Как видно из вышеизложенного, цудахарский, сургинский, муиринский, акушинский, урахинский и мекегинский диалекты охватывают целые районы даргинских селений. В то же время мы имеем диалекты (или говоры), на которых говорят лишь жители одного или двух селений. Более крупной подгруппой даргинцев является акушинская, за ней идут мекегинская и цудахарская подгруппы.

Семь диалектов и говоров: цудахарский, сургинский, муиринский, бутринский, гинтинский с куркинским, гебинский, усишинский — близки друг к другу. Мугинский диалект очень близок к верхнемулескинскому, так что их можно даже считать говорами одного диалекта. Близки к урахинскому диалекту говоры: бурдекский, кичигамринский, мугринский и, частично, мургукский, канасирагинский и нижнемулескинский. Одну диалектную группу составляют говоры: мекегинский, дегвинский и губденский, мурегинский. К этой группе близок диалект селения Кадар.

Все эти даргинские диалекты можно разбить на две большие группы: диалекты с наличием геминированных согласных (мы эту группу условно назовем цудахарской) и диалекты без таких согласных (эту группу мы назовем акушино-урахинской).

К цудахарской группе относятся семь диалектов, перечисленных нами только что: собственно цудахарский, сургинский, бутринский, усишинский (с говором селения Геба), гинтинский (с говором Курки), мугинский (вместе с верхнемулескинским), муиринский и некоторые другие. Эта группа даргинских диалектов располагается полосой, граничащей с аварцами (частично с северо-запада) и с лакцами (с запада и с юго-запада), что дает нам возможность допустить влияние

лакской и, частично, аварской фонетических систем на диалекты этой полосы даргинского языка. За это говорит и тот факт, что в этой группе диалектов чередуются согласные основы (*к-ч, кI-чI* и др., как в лакском языке), чего не наблюдается в других диалектах.

К акушино-урахинской группе относятся все остальные диалекты: акушинский, урахинский, мекегицкий, кадарский, губденский и др.

Для классификации даргинских диалектов мы здесь взяли только один яркий признак — наличие геминированных согласных. Но цудахарская группа диалектов отличается от акушино-урахинской и рядом других признаков (не общих для всей группы):

— в цудахарской группе вместо акушино-урахинского *ну* «я» мы имеем *ду*;

— в цудахарской группе корень местоимения I-го лица один *ду*, но в акушино-урахинской группе их два: *ну* «я», *дила* «мой», *дизи* «мне»;

— вместо акушино-урахинских личных окончаний *ра, ри* в цудахарском мы имеем *да, де* (*тта, тте*);

— в цудахарской группе диалектов, как мы указали выше, согласные *к-ч, кI-чI* чередуются между собой.

— наконец, одним из самых характерных признаков цудахарской группы диалектов, общих для всей группы, нужно считать ясно выраженное подвижное ударение с грамматическими функциями, как было сказано выше.

Отдельные диалекты цудахарского типа долгое время находились под сильным влиянием акушино-урахинской группы диалектов, например, мугинский, муиринский и другие. Эти диалекты во многих отношениях уподобились диалектам акушино-урахинской группы, но все же они остаются диалектами цудахарской группы, судя по наличию в них геминированных согласных и сильного ударения.

Цудахарская группа диалектов характеризуется и тем, что в ней наблюдается стремление к уравниванию морфологических форм, к устранению исключений и архаизмов в склонении и спряжении, в то время, как акушино-урахинская группа (помимо диалектов селений: Губден, Кадар и Мюрего, которые находились и находятся под сильным влиянием кумыкского языка) изобилует исключениями и отклонениями в формах склонения и спряжения.

Как было сказано выше, цудахарская и акушино-урахинская группа диалектов в свою очередь делятся еще на подгруппы. Однако, деление даргинских диалектов на две группы, принятое в свое время Быховской¹, будет более правиль-

¹ С. Быховская. «Пережитки эксклюзива и инклюзива в даргинских диалектах». Сборник «Язык и мышление» 1940 г. IX, стр. 85.

ным, чем деление их с самого начала на три группы (цудахарскую, акушинскую и урахинскую), которое мы видим в работе Гаприндашвили «Фонетические особенности цудахарского диалекта»¹, по следующим причинам:

1) диалекты акушино-урахинской группы гораздо ближе друг к другу, чем каждый из этих диалектов к диалектам цудахарской группы;

2) фонетические признаки, отличающие акушинский диалект от урахинской группы диалектов, в числе которых основными являются лабиализация согласных и долгота гласных (в урахинской группе) и отсутствие их (в акушинском диалекте), говорят лишь о том, что акушино-урахинская группа имеет внутри себя диалектные подгруппы, но отнюдь не говорят о том, что акушинский диалект вместе с группой диалектов урахинского типа не противопоставляется цудахарской группе. Кроме того, по принципу лабиализации и её отсутствия можно делить на подгруппы не только акушино-урахинскую, но и цудахарскую группу диалектов;

3) при делении даргинских диалектов сразу на три группы ряд диалектов остается вне этого деления в то время, как деление их на две группы на основании лишь одного более яркого принципа (наличия геминирования согласных) — с последующим делением этих групп на подгруппы, охватывает все диалекты даргинского языка.

Мы говорили выше, что даргинские диалекты иногда между собой отличаются очень резко, так что даргинцу одного диалекта иногда трудно понять даргинца другого диалекта. Если аварец или лакец без каких-либо значительных затруднений может писать и говорить каждый на своем литературном языке, то не все даргинцы могут не испытывать затруднений, когда они пишут на языке, в основу которого взят акушинский диалект, хотя этот диалект является наиболее доступным для всех и простым фонетически и морфологически. Отсюда и те большие трудности, которые испытывались и доньше частично ощущаются даргинцами в деле создания единого даргинского письменного языка с устойчивой однообразной орфографией. При составлении свода орфографических правил даргинцам приходится включать в него и такие параграфы, которые нормируют не орфографию, а сам по себе литературный язык и некоторые его морфологические формы.

Ввиду этого даргинцу трудно судить, скажем, о кайтагском или кубачинском диалекте. Являются ли они самостоятельными языками, близкими к даргинскому, или они являются лишь обособленными диалектами даргинского языка?

¹ Сборник «Дагестанские языки». Изд. Дагестанской Базы Академии наук СССР, 1948 год.

Ум и язык и акушинцы

Сравнивая кайтагский с акушинским диалектом, мы убеждаемся в том, что между ними существует большая разница. Но если мы сравним его с диалектами цудахарской группы, например, с сургинским диалектом, то увидим, что разница между ними незначительна, она меньше, чем разница между акушинским и цудахарским диалектами.

✓ Такое состояние даргинского языка объясняется тем, что в прошлом даргинский народ не имел единого центра, вокруг которого могло бы складываться языковое единство. В недавнем прошлом даргинцы жили отдельными группами. Каждая группа имела свои языковые (или диалектные) особенности. Границы современных диалектов даргинского языка в общем совпадают с границами бывших объединений даргинцев.

Селения Губден (Карабудахкентского района) и Кадар (Буйнакского района) всегда держались вместе с кумыками, составляя с ними общие административные деления и мало отличаясь с другими даргинцами. Отсюда такое различие между этими диалектами, с одной стороны, и мекегинским диалектом, к которому они примыкают, с другой. В диалектах этих двух селений мы обнаруживаем большое влияние кумыкского языка не только лексического, но и фонетического и морфологического порядка.

даришский и кайтагский
Сим
Такой же причиной объясняется разница между кайтагским и даргинским. Кайтагцы с давних времен находились под властью уцмий и неизвестно, жили они когда-нибудь вместе с даргинцами, или нет.

Кубачи
Селение Кубачи с рядом других селений (некоторых из которых сейчас уже нет, а остальные говорят на диалектах, напоминающих кубачинский язык) составляли в прошлом отдельную от других даргинцев административную единицу.

Селения Муири (Дахадаевский район) долгое время находились под властью казикумухских ханов. На границе этого района имеется лакское селение Шадни. По всей вероятности, шаднинцы в прошлом были «пограничниками» хана, охранявшими его земельные владения или его заложниками.

Сургинцы, соседи муиринцев и лакцев, составляли свою самостоятельную административную группу и временами находились под властью казикумухского хана.

Цудахарцы иногда административно присоединялись к акушинцам, но иногда отделялись от них. Они, и часть остальных даргинцев, одно время находились под властью хунзахского хана. За это говорит (кроме устных преданий) существование аварского селения Чуни, очутившегося после освобождения даргинцев от ханского ига, между акушинцами и цудахарцами. По преданиям жителей, чунинцы — из Хунзаха. Они стерегли здесь ханских коней и границы ханских земель.

В Цудахарском диалекте наблюдается большое влияние аварского языка — фонетического, лексического даже морфологического порядка. Можно говорить и о влиянии лакского языка, которое, впрочем, незначительно.

Урахинцы, с прилегающими к ним селениями, и мекегинцы большей частью находились в союзе с акушинцами, но урахинцы иногда отделялись от них, или кумыкские хапы отторгали их и присоединяли к своей территории.

В прошлом и эти объединения внутри себя не были спаяны, каждое селение держало себя автономно, свои внутренние дела разбирало само селение без вмешательства главы объединения или союза. В недалеком прошлом слово «даргала» не обозначало языковую группу, а обозначало группу селений, входящих в тот или иной союз. Сюда могли входить не только даргинцы, но и лакцы (Улучара, Цуликана, Балкар, Кули) и аварцы (Кутиша, Чоглы, Хахита).

Акушинцы и примыкающие к ним селения не признавали в составе «даргала» ни сургинцев, ни муиринцев; не считались даргинцами и катарцы, губденцы, мурегинцы, кайтагцы. И сами они не считали себя даргинцами. Это обозначало, что они не входят в объединение, называемое «даргала». Подчас и цудахарец противопоставлял себя даргинцу, говорил, что «он не даргинец, а цудахарец».

Таким образом, в недалеком еще прошлом даргинцы, как народ, не имели своего общего для всех их названия. Тогда в ходу были названия их племен: цудахарцы, акушинцы, ушинцы, урахинцы и т. д. Потом к этим названиям племен стали прибавлять слово — «дарга»; «ахьуша дарга», «хьар дарга», «кьяба дарга», и т. д.; даргинцы начали сознавать, что они один народ.

Соседи даргинцев — аварцы, лакцы, кумыки, табасаранцы вплоть до Октябрьской революции не называли даргинцев этим именем, а называли их по названию отдельных племен; аварцы, лакцы и кумыки знали цудахарцев, акушинцев и урахинцев. Катарцы и губденцы других даргинцев, живущих выше их в горах, называли и называют лакцами (булеги). Табасаранцы даргинцев называют названием двух даргинских аулов, которые граничат с их пределами: аштикьибкь — соединения названий: Ашти, Кунки.

Следовательно, когда мы говорим: Даргинский язык — нужно иметь в виду или даргинский литературный язык, контуры которого сейчас уже более или менее ясны, или какой-либо его диалект. Грамматика одного из диалектов, или грамматика даргинского литературного языка — отнюдь не есть грамматика даргинского языка в целом.

Мы в своей работе за основу возьмем акушинский диалект, как признанную базу нашего литературного языка. Однако, это не значит, что мы ограничимся здесь материалом одного лишь акушинского диалекта. Как средство для познания акушинского диалекта мы привлечем много материалов и из других диалектов многодиалектного даргинского языка.

ИЗ ИСТОРИИ ДАРГИНСКОГО ПИСЬМА

До Великой Октябрьской революции даргинцы своей письменности не имели и почти все были неграмотными, если не считать горсти арабистов и некоторых лиц, получивших образование на русском языке. До революции на даргинском языке были изданы менее десятка различных небольших духовных книг и только. В этом отношении даргинцы были далеко позади своих соседей кумыков и аварцев, у которых тогда уже выходили кое-какие светские произведения.

Характерно, что и духовная литература, выходящая до революции по даргински не представляла единого языка: каждый мулла, задумавший написать какие-либо наставления, писал на своем родном диалекте — цудахарском, урахинском, губденском, акушинском, мекегинском. Была издана одна объемистая книга на цудахарском диалекте, полная различных духовных наставлений и религиозных правил поведения, которая называлась: «Сад цудахарца». Как видно из названия, автор книги, выпуская ее, рассчитывал на одних лишь цудахарцев, а не на всех даргинцев вообще.

Как до, так и после революции вплоть до 1929 года даргинцы писали арабским письмом, дополненным необходимыми знаками для обозначения даргинских специфических звуков.

После установления Советской власти в Дагестане даргинцы приобрели право писать, читать и учить детей и взрослых в школе на своем родном языке; на даргинском языке начали выходить буквари для детей, буквари для взрослых, с 1925 года стала выходить даргинская областная газета «Дарган»; на даргинский язык переводились сборники арифметических задач, различные брошюры и книги политической, общественно-экономической и научной тематики.

Сначала даргинцы писали арабским письмом с харакатами, потом делались попытки усовершенствовать это письмо, писать по арабски без харакатов, обозначая гласные буквы в строке. Некоторое время, до перехода на латиницу, учебники (букварь и арифметические задачки) печатались таким арабским «усовершенствованным» письмом, но ни газета, ни школьная литература не успели перейти на такое письмо и сразу перешли на новый алфавит на латинской основе.

Литература на даргинском языке в своей значительной доле, — это переводы с русского языка. Отсюда сильное благотворное влияние великого русского языка на лексику и синтаксис даргинского литературного языка.

В основу языка газеты и другой литературы, выходящей на даргинском языке, с самого начала был положен акушинский диалект с некоторыми отклонениями, то в сторону цудахарского, то в сторону урахинского диалектов в зависимости от автора статьи или учебника. Отклонения в сторону урахинского диалекта больше всего наблюдались в букваре и в других учебниках, которые в те годы составлялись и переводились исключительно представителем урахинского диалекта С. М. Омаровым. Отклонения же в сторону цудахарского диалекта наблюдались лишь в отдельных брошюрах, переведенных представителями цудахарского диалекта. Что касается газеты «Дарган», то она, с небольшими отклонениями, с самого начала составлялась на акушинском диалекте, а, вслед за газетой, и вся другая литература постепенно также переходила на этот диалект.

Несколько иначе обстояло дело с поэзией. Здесь наблюдались и до сих пор еще наблюдаются стихотворения, написанные на урахинском, цудахарском и некоторых других диалектах. Урахины и цудахарцы отклонялись от общепотребительного литературного языка или, считая свои диалекты более подходящими для поэзии, или затрудняясь писать на акушинском диалекте.

Такие отклонения от литературного диалекта со стороны отдельных поэтов, переводчиков и редакторов служили большим препятствием в деле становления даргинского литературного языка, они причинили и до сих пор до некоторой степени продолжают причинять много затруднений в деле преподавания даргинского языка в школе.

Чем же объяснить то преимущество, которое с самого начала получил акушинский диалект в даргинской советской письменности?

Дело в том, что Леваша, одно из селений, говорящих на акушинском диалекте, было центром бывшего Даргинского округа, в который входило большинство даргинцев (80% всего населения, говорящего на этом языке), а с 1929 года — центром района, куда входили помимо самого Левашинского района еще нынешние Акушинский и Цудахарский районы. Самое крупное Акушинское селение — Акуша сначала было центром даргинского «вольного общества», потом центром административной единицы — участка, а в настоящее время оно является центром акушинского района. Таким образом, акушинский диалект на протяжении веков был диалектом центра даргинцев, вокруг которого происходила их консолидация.

Кроме того, селение Акуша в прошлом было крупным торговым центром среди даргинцев; там был один из крупнейших базаров Дагестана — Алхат, куда приезжали люди со всех сторон. Торговыми центрами были также селения Леваша и Уллу-Ая Левашинского района, куда на базары приезжали цудахарцы, мекегинцы и другие даргинцы.

С установлением Советской власти в Дагестане окружные (потом районные) и сельские учреждения стали вести делопроизводство на своем родном языке, переписывались по даргински. Даргинский округ, а потом Левашинский район, переписку с сельскими учреждениями и организациями вели именно на акушинском диалекте. Все это имело большое значение в деле формирования даргинского письменного языка на базе акушинского диалекта.

Акушинский диалект имеет над другими даргинскими диалектами преимущество и потому, что акушинцы среди даргинцев составляют самое крупное племя: они по численности примерно превосходят урахинцев в 2,5 раза, цудахарцев в 2 раза, мекегинцев во столько же раз и т. д., так что район употребления акушинского диалекта в среде даргинцев гораздо шире, чем район распространения других диалектов.

Все это, взятое вместе, давало преимущество акушинскому диалекту, который постановлением Первой Дагестанской орфографической конференции (1930 г.) был утвержден, как основа даргинского литературного языка.

Вопрос о том, какой диалект даргинского языка должен быть основой литературного языка, разрешен в пользу акушинского диалекта совершенно правильно. На самом деле, акушинский диалект ближе и доступнее для всех даргинцев, чем любой другой диалект; а это должно быть, как известно, первым и самым основным требованием, предъявляемым к литературному диалекту такого языка, как даргинский. Никакие другие фонетические, морфологические или лексические преимущества другого диалекта, не в состоянии дать ему перевес над акушинским диалектом, который близок даргинским массам.

Северные соседи акушинцев — цудахарцы, живущие с акушинцами бок о бок, тесно связанные с ними как экономически, так и политически, с акушинским диалектом, являющимся для цудахарцев единственным соседним диалектом, гораздо больше знакомы, чем с урахинским или каким-либо другим.

Тоже самое нужно сказать о сургинцах и мекегинцах, и о представителях цудахарского типа диалектов, живущих вокруг селения Акуша (усишилы, мугинцы и др.).

Что касается губденцев, то по словам самих губденцев, акушинский диалект доступнее для них, чем урахинский. То

же самое нужно сказать и о кадарцах, так как селение Кадар (Буйнакского района) по месту расположения ближе к акушинским селениям, чем к урахинским, и акушинцы в прошлом были тесно связаны экономически с Буйнакским районом, в то время, как между кадарцами и урахинцами никаких связей не было.

Остаются три района: Сергокалинский, Кайтагский и частично Дахадаевский. Нет сомнения в том, что для населения Сергокалинского района урахинский диалект ближе и доступнее, чем акушинский, так как большинство жителей этого района составляют урахинцы, а остальные являются ближайшими их соседями. Но этого нельзя сказать в отношении Кайтагского и части Дахадаевского районов; для них оба диалекта по трудности одинаковы; нельзя сказать, чтобы урахинский диалект для них был доступнее акушинского.

Таким образом, в пользу акушинского диалекта, как более понятного для массы, мы имеем: Акушинский район, Цудахарский район, даргинскую часть Левашинского района, Сургинский участок Дахадаевского района, губденцев и кадарцев — что составляет около 75% всего даргинского населения. В пользу же урахинского диалекта остается один Сергокалинский район.

Если учесть фонетические и морфологические особенности, то Акушинский диалект и с этой стороны имеет ряд преимуществ перед другими диалектами даргинского языка. Фонетическая система акушинского диалекта проще, чем фонетическая система урахинского или цудахарского диалектов. В акушинском диалекте нет ни геминированных, ни лабиализованных согласных, какие есть в цудахарских диалектах. В урахинском диалекте, правда, нет геминации согласных, но зато в нем имеется довольно распространенная лабиализация согласных со сложной системой дифтонгов. В урахинском диалекте два гласных сливаются то в один долгий гласный, то в нисходящий дифтонг, то один из гласных выпадает не только в пределах одного слова, но и на стыке двух слов, так что иногда два-три слова фонетически сливаются в единое целое, что очень затрудняет орфографию.

Например, урахинская фраза: *селлайкГулехГинна* «я ничего не говорю» состоит из трех слов: *селла* из *селра* «ничего», *икГули* «говоря», *ахГинна* «не есмь»; *каникьвялле?* «куда ты идешь?», состоит из двух слов: *кани* «куда», *кьвялле*; *хлу дикЛимцис ваклибее...* «того, кто пришел купить тебя...» (из песни) состоит из *дикЛи* и *умцис* «измерить».

В урахинском диалекте имеются согласные, которых нет в других диалектах даргинского языка: губно-губной *б*; близкий к русскому *в* (*бала* «шерсть», *баз* «пух»); твердый *з* (*за* «уголь», *галга* «дерево»); лабиализованная гамза (*б-иръвис* «высохнуть»).

Все эти особенности урахинского диалекта сильно осложняют его, затрудняют пользование им представителям других диалектов, у которых такие особенности отсутствуют, и сильно осложняют вопросы орфографии.

О цудахарском диалекте нужно сказать, что он менее удобен, как основа для даргинского литературного языка, чем акушинский или урахинский диалект, так как в нем мы имеем, помимо развитой лабиализации, еще и много геминированных (двойных) согласных, а также глоттизованные гласные *и, о*, правда, имеющиеся и в акушинском диалекте, но не употребляемые в литературном языке.

Принимая акушинский диалект за основу литературного языка, даргинцы в то же время решили устранить из акушинского диалекта сугубо специфические моменты, свойственные лишь одним акушинцам. Таким моментом является, например, выпадение классного показателя *д* после префиксов места и отрицания, что приводит к смешению формы множественного числа существ неразумных с формой единственного числа мужчин:

Али аиб «Али дошел доверху».

Маза аиб «овцы дошли (ср. урах.: *адаиб*, в отношении овец).

Таким же является факультативное (и частью обязательное) сохранение в акушинском диалекте классного показателя *с* перед и внутри глаголов с приставками и сложных глаголов в то время, когда ни в одном другом диалекте даргинского языка он не сохраняется в этом положении:

Акушинский диалект	Литературный язык
<i>таман-в-изэс</i>	<i>таман-и-эс</i> «закончиться»
<i>пикри-в-икГес</i>	<i>пикр-и-кГес</i> «думать»
<i>гъай-в-икГес</i>	<i>гъай-и-кГес</i> «говорить»

Такой же специфической особенностью акушинского диалекта является глоттизация гласных *и, о*, п огубленный *и(уь)*, которые встречаются лишь в акушинском и цудахарском диалектах, но не отражаются в письме на литературном языке.

Кроме того, в литературном языке делались и делаются некоторые отклонения от форм акушинского диалекта для уравнения парадигм склонения, спряжения, для упрощения правописания (если исключения незначительны).

К таким отклонениям относятся, например, изменения в суффиксах эргативного и родительного падежей:

По акушински	В литературном языке
Эргат. п. <i>ший</i> «вода»	<i>шинни</i>
<i>Степай</i> «Степан»	<i>Степанни</i>
<i>Ивай</i> «Иван»	<i>Иванни</i>
<i>хЛяй</i> «положение»	<i>хЛяй</i> и <i>хЛялли</i>
<i>хЛуи</i> «глаз»	<i>хЛуи</i> и <i>хЛулини</i>
Родит. п. <i>ши</i> «воды»	<i>шинна</i>

Степа «Степана»	Степанна.
хІя «положения»	
(род.)	хІялла
хІу «глаза» (род.)	хІулла
ша «бока, стороны»	
(род.)	шалла
ГІалла «Али»	Алила
Дагъиста «Дагестана»	Дагъиста и Дагъистанна.

✓ Формы литературного языка *шинни, шинна, хІялла, хІялли* и др. взяты из цудахарского диалекта.

Дело в том, что усеченные формы акушинского и урахинского диалектов, как-то: *хІуй, хІу* и т. д. — для представитель других диалектов, — диалектов цудахарского типа очень непривычны. Поэтому на I-й Дагестанской орфографической конференции было решено не употреблять в литературном языке усеченные формы эргатива и родит. падежа, а писать эти два падежа в полной форме, как в цудахарском диалекте, однако, в своде орфографических правил, вышедших в 1941 году, это правило было устранено, учитывая тот факт, что соблюдение этого правила в языке причиняет много неудобств. В этом орфографическом своде и в следующем его издании, а также в учебниках даргинского языка были восстановлены усеченные формы эргатива и родит. падежа с некоторыми ограничениями. В частности, усеченные формы не допускаются от слов, заимствованных из русского языка, чтобы не исказить эти слова до неузнаваемости.

Алфавит и орфография.

Как мы говорили выше, даргинцы в начале писали арабскими буквами, потом перешли на латиницу. Как арабский, так и латинский алфавиты, приспособленные к даргинскому языку, имели большие недостатки, с которыми мириться было невозможно. Поэтому даргинцы, как и другие дагестанские народы, в 1938 году перешли на новый алфавит на основе русской графики.

Какие же были причины, заставившие даргинцев изменить алфавит?

Арабский алфавит не имел ничего общего ни с даргинцами, ни с даргинским языком, он приспособлялся к даргинскому языку, но все же оставался чуждым и не отвечал требованиям выражения даргинской системы звуков. Слитные и раздельные написания, вопрос о которых ныне разрешен частично, в даргинской орфографии занимают очень видное место, и без его разрешения даргинское письмо нельзя было считать полноценным. Если бы, однако, даргинцы оставались с арабским алфавитом, то они никогда не смогли бы разрешить этот вопрос, так как в арабском алфавите имеется

много таких букв, которых нельзя соединять со следующими буквами.

Когда даргинцы писали латинским алфавитом, им пришлось изучать в школе два алфавита — латинский и русский, так как в школе преподавался и преподается русский язык. Нет сомнения в том, что это было большой и лишней нагрузкой для учащихся. Ввиду того, что оба алфавита — латинский и русский, имеют много сходных по форме, но разных по значимости, в особенности в рукописном почерке, букв (*в, т, р, у, ч, с, и, п*), пишущие и читающие спотыкались на каждом шагу, путали эти два алфавита. Это очень отрицательно отражалось на обучении в школе.

Кроме того, не все заимствования из русского языка можно было правильно писать латинскими буквами, так как в латинице не хватало букв *я, ъ, ѓ* и др.; такое неправильное написание приводило и к неправильному чтению и произношению в устной речи.

С переходом на новый алфавит на русской основе все эти неудобства и трудности устранились. Вместо двух алфавитов в школе стали изучать только один, даргинцы получили возможность печатать в любой русской типографии и на любой пишущей машинке, в то время, как для печатания латиницы требовалась особая машинка. Типографский набор облегчился. Даргинцы в этом сблизились с великим русским народом, что нужно считать самым основным и важнейшим преимуществом нового алфавита.

С переходом на латинский, а потом на русский алфавит перед даргинцами остро стал вопрос о правописании. Первая попытка создать даргинскую орфографию была сделана в 1930 г. на I-й Дагестанской орфографической конференции. На этой конференции были приняты несколько орфографических правил, относящихся к правописанию русских заимствований и некоторых падежных окончаний.

На этой конференции, между прочим, было принято решение о том, что русские и интернациональные слова, заимствованные даргинским языком, должны писаться так, как они произносятся даргинцами, представителями акушинского диалекта. Второй орфографической конференцией, состоявшейся в 1934 году, это решение было отменено и было принято новое решение о том, что основы заимствованных из русского языка слов должны писаться так, как они пишутся в русском письме.

Вопрос этот заслуживает большого внимания. Мы имеем много оснований как для первого, так и для второго решения. Писать заимствования так, как они произносятся даргинцами, значит исказить эти слова, т. е. писать их в школе двояко-правильно (на уроках русского языка) и неправильно (на уроках родного языка). Если же мы будем писать их так,

как они пишутся в русском языке, то получается, как бы искусственное навязывание чуждых даргинскому устному языку звуко сочетаний и форм. Такие слова языком якобы не усваиваются; они в лексике даргинского языка стоят особняком — так мотивировали свое мнение сторонники первого решения.

Нам кажется, однако, что правильно будет, если мы будем писать заимствования так, как они пишутся в русском языке. В даргинском языке имеется большое количество заимствованных из русского языка слов. Эти слова заимствованы еще давно до революции через устную речь, а после Октябрьской революции даргинцы стали заимствовать еще больше слов из русского языка, как через устную, так и через письменную речь, при этом послеоктябрьские заимствования, в особенности письменные, в устах даргинцев мало изменились или не изменились вовсе. До революции даргинцы не учились в школах, и русские заимствования в их устах изменялись и развивались весьма своеобразно:

ход — хутI
папирота — папрот
картошка — картушка
вокзал — вазгал
доход — дахут
ватага — батагъа
паровоз — паравуз
пароход — парохутI и др.

Но после Октябрьской революции даргинцы стали учиться по-русски, грамотного населения стало все больше и больше, так что в настоящее время вполне грамотные по-русски даргинцы (учащиеся старших классов, студенты различных техникумов и вузов, учителя, служащие) составляют большой процент среди даргинского населения. Эти образованные и грамотные по-русски люди произносят русские заимствования не так, как даргинцы-старики; молодое даргинское поколение все русские заимствования произносит так, как по-русски, потому что они сразу видят, что это русские слова.

Ясно, что в скором будущем образованное даргинское население будет преобладающим по численности, а все население будет грамотным. Возникает вопрос, на чье произношение следует ориентироваться — на произношение старого поколения или же на произношение молодого поколения? Нам кажется, что мы должны ориентироваться на произношение грамотных, культурных даргинцев, а не на произношение стариков.

Даргинская орфография впервые основательно была разработана лишь в 1940 году. Орфографический свод правил,

составленный в 1938 году, страдал еще многими недостатками, в нем не нашел отражения ряд орфографических вопросов. Свод же разработанный в 1940 году и переработанный в 1948—50 годах, охватывает основные вопросы даргинской орфографии и до некоторой степени правильно разрешает их. Одним из труднейших вопросов орфографии, как мы говорили, является слитное и раздельное написание слов, в особенности сложных глаголов. В настоящее время, согласно принятому недавно правилу, все сложные глаголы в даргинском письме пишутся слитно.

ЗВУКИ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА И БУКВЫ ДАРГИНСКОГО АЛФАВИТА

Даргинский алфавит состоит из 45 знаков. Из них 33 являются знаками, которые имеются в русском алфавите, а 12 — дополнительными, составными, обозначающими даргинские специфические звуки. Они составлены из букв русского алфавита путем прибавления к буквам *ъ*, *ь* и условно введенной (как и в алфавитах других горских языков Дагестана) римской цифры «один» (I). Все это видно из алфавита, который мы здесь приводим:

АЛФАВИТ ДАРГИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

Аа, Бб, Вв, Гг, Гь гь, ГI гI, Дд, Ее, ё Жж, Зз, Ии, й, Кк, Кь кь, КI кI, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, ТI тI, Уу, Фф, Хх, Хь хь, ХI хI, Цц, ЦI цI, Чч, ЧI чI, Шш, Щщ, ь, ы, ь, Ээ, Юю, Яя.

Буквы *ё*, *о*, *ы*, и знак *ь* употребляются лишь в заимствованиях из русского языка. Буква *ф* тоже в основном встречается в заимствованиях. В исконно даргинских словах звук *ф* не встречается, хотя в одном слове *уфиклес* «дуть» этой буквой обозначается звук, очень близкий по своему звучанию к звуку *ф*.

Буквой *в* обозначаются два звука: русский губно-зубной и даргинский губно-губной звук.

Буквами *з* и *ж* также обозначаются по два звука: простые звуки *з*, *ж* и аффрикаты *дз*, *дж*:

баз «пух» — баз (бадз) «луна; месяц»
газа «кобылица» — гадза (гадза) «кирка»
узи «работал» — уди (удзи) «брат»
жакъа «свинья» — Жавгъар (Джавгъар; имя женщ.)

Буквой *п* также обозначаются два звука: придыхательный губно-губной звук *п* и надгортанная разновидность его, обозначаемая в других языках Дагестана буквой *пI*:

клани «лист» (произносится: кланиI)
пIялпIаг «осина» (произносится: пIялпIаг)

Хотя звуки *дз*, *дж* и *пl* в даргинском литературном языке являются фонемами, но на практике отсутствие в алфавите соответствующих букв не ощущается как затруднение, и при письме даргинцы легко обходятся, обозначая их близкими буквами *з*, *ж* и *п*. Непринятие особых букв для *дз*, *дж* и *пl* в даргинский алфавит, с одной стороны, сократило число букв алфавита и облегчило изучение его, обучение ему и пользование им; с другой стороны, избавило многих даргинцев цудахарской диалектной группы от усвоения орфографии звуков *дз* и *дж*, которые отсутствуют в их диалектах.

Звук *э* (гласный среднего подъема переднего ряда) в начале слога обозначается буквой *э*, а после согласных — буквой *е*, за исключением тех заимствований из русского языка, в которых и после согласного пишется *э*:

- эрдес* «начаться»
- поэт* «поэт»
- эбайэс* «поговорить»
- белклес* «написать»
- пэ* «буква) пэ»

Для обозначения широкого глоттизованного гласного звука *а* (нижнего подъема среднего ряда) в даргинском алфавите специальной буквы нет, в практическом письме он обозначается двойко: буквой *я* или *а*, что вызывает некоторую путаницу и споры о правописании отдельных слов.

Твердым знаком *э* в даргинском письме обозначается «гортанная смычка», этот же знак употребляется и для отделения предыдущего согласного от следующего гласного:

- ✓ *миэ* «лед»
- ✓ *диэ* «мясо»
- ✓ *ниэ* «молоко»
- Муэминат* (имя жен.)

В приведенных словах на месте *э* слышна гортанная смычка, но в словах:

- хlябэбиl* «третий»
- авэбиl* «четвертый»

на месте *э* мы имеем только перерыв голоса.

Так как из букв *г*, *к* и *х* прибавлением *э* в алфавите образованы новые буквы для обозначения специфических даргинских звуков *гэ*, *кэ*, и *хэ* — употребление *э* после букв *г*, *к*, *х* в роли знака перерыва голоса было бы неудобным. Поэтому после этих букв перерыв голоса обозначается черточкой (дефисом):

- урег-ибил* «шестой»
- кудяк-ала* «кудахтание»
- кlух-ала* «шум», «грохот».

Если бы такие слова писались через *э*, то они исказились бы в звуковом отношении,

Для обозначения перерыва голоса после двубуквенных сочетаний *гэ*, *кэ*, *хэ* и др. ставится то *э*, то черточка (дефис) *гэуээала* и *гэуээ-ала* «грохот» *вякэакээала* и *вякэакэ-ала* (крик сороки)

Эту неопределенность нужно считать недостатком даргинской графика.

Сколько же звуков-фонем в даргинском литературном языке? Согласных фонем в даргинском литературном языке вместе с аффрикатами *дз*, *дж*, и буквами *в*, *ф*, *ц*: 37; гласных вместе с *о*, *ы*: 7.

Всего, таким образом, фонем 44. Из них исконно даргинских — 41 (согласных 36, и гласных 5).

Попробуем классифицировать их по обычной, так называемой, физиологической артикуляционной классификации звуков языка.

Согласные фонемы даргинского литературного языка (выраженные буквами даргинского письма).

	Ш у м н ы е								
	Сонорные (носовые, вибранные) и латеральные	Мгновенные			Длительные		Аффрикаты		
		Глухие придыхательные	Надгортанные	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие придыхательные	Надгортанные	Звонкие
Губно-губные	м	п	пl	б	ф	в			
Зубные (передне-язычные)		т	тl	д					
корональные дорсальные	н				с	з	ц	цl	дз
латеральные	р				ш	ж	ч	чl	дж
среднеязычные	л								
заднеязычные					хь	й			
глубокозаднеязычн.		к	кl	г					
надгортанниковые		кэ	кэ		х	гэ	хэ		
гортанные				гl		хl ?			
			э		гэ				

Гласные фонемы даргинского языка
(выраженные буквами даргинского письма)

	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем	и		[y]
Средний подъем	э (е)	а	
Нижний подъем		а (я)	

Квадратные скобки в таблице гласных обозначают, что данный звук [y] является лабиализованным.

Примечания к таблице согласных.

Буквой *в* мы обозначили в таблице согласный губно-губной звук; надо заметить, что в урахинском диалекте имеется и другой звук губно-зубной.

Букве *г* также соответствуют в урахинском диалекте два звука: мгновенный *г* и своеобразный длительный, например в слове *дуги* «ночь».

Буквой *ф* мы обозначили своеобразный губно-губной звук, который слышится в слове *уфиклес* «дуть». Наряду с этим буква *ф* употребляется в написании многих слов, заимствованных из русского языка (фабрика, факт, февраль и др.)

Примечания к таблице гласных:

Гласный среднего ряда нижнего подъема в таблице указан двумя буквами *а(я)* — орфография требует в разных случаях его писать по разному.

То же надо сказать и относительно гласного *э(е)*.

Все согласные даргинского языка, за исключением *з* (гамзы), встречаются в начале, конце и середине слов. В акушинском диалекте и в литературном языке, согласный *й* перед гласным *и, е* встречается лишь на стыке частей слов; в непроезженных словах и формах слов звуко сочетание *йи* не встречается. То же самое нужно сказать о звуке *в* (губно-губном) перед гласным *у*. В бутринском наречии цудахарского диалекта звуко сочетание *йи* допускается во всех положениях: *йиклуада* «я говорю» (акуш. *в-иклуада*).

В мекегинском и некоторых других диалектах встречается звуко сочетание *йе*:

йерхел «7» (акуш. *в-ерхел*)

йецал «10» (акуш. *в-ецал*)

Гамза (гортанная смычка) в начале слога не встречается; она встречается в середине и конце слова.

Муьминат (имя жен.)

б-аьни «получение»

б-иьни (отглагольное имя от *б-иэс* «быть»)

миь «лед»

ниь «молоко».

После согласных *м, й* гамза встречается редко.
чемьни «прояснение» (о погоде)
кайьни «сидение».

В урахинском диалекте гамза слышится и после согласных *л, р, б*: *хьальни* отглагол. имя от *хьалъис* «остаться».

б-ирьни «высыхание».

арь «рукоятка».

хларь «комар».

амьни «очищение».

абьни «куры» (*абъа* «курица»).

Оглушение звонких согласных в конце слова в диалектах акушино-урахинской группы почти не встречается, лишь в незначительном числе слов наблюдается влияние следующего или предшествующего глухого согласного на звонкий согласный:

хляз «игра, развлечение» — *хлясти* (мн. чис. орфограф. *хлязти*).

гис «дать (1-му или 2-му лицу) *б-итхьис* «дать 3-му лицу», урах.; из: *б-ит-гис*).

В диалектах акушино-урахинской группы звук *кь* произносится звонче и «мягче», чем в диалектах цудахарской группы. В этих диалектах он, как и все усиленные согласные этой группы диалектов, в конце слова и перед согласным совсем оглушается и переходит в *хь*, иногда же акушино-урахинскому *кь* в цудахарской группе соответствует звонкий *гь*.

Акуш.

кьакь «спина»

авлакь «равнина»

байракь «знамя»

занкь «звонок»

кьуллукь «дело; служба»

някь «рука»

в-елкьни (от *велкьес*

«насытиться»)

Цудах.

кьахь

авлахь (но мн. ч. *авлакьё*)

байрахь (но мн. ч. *байракьё*)

зангь

кьуллугь

няхь

элкьри (от *элкьиз*)

Звуки *гI* и *хI* в акушинском диалекте встречаются исключительно в соседстве с гласными среднего и нижнего подъема. Иначе говоря, гласные рядом с надгортанниковыми *гI* и *хI* всегда смягчаются и получают гортанный оттенок. То же самое наблюдается в цудахарском диалекте. В других диалектах акушино-урахинской группы и в ряде диалектов цудахарской группы гортанный оттенок (глоттизация) гласных перед *гI* и *хI* не обязателен: перед и после этих согласных в этих диалектах часто слышатся гласные верхнего и среднего подъема без глоттизации;

Акуш.	Цуд.	Муг.	Урах.
хленкъ «стадо»	хленкъ	хленкъ	хланкъ
✓ хъехI «кашель»	хъехI	къехI	хъахI
бехI «конец»	бехI	бехI	бахI
✓ б-егIес «посеять»	б-еръвиз	б-егIис	б-агIвис
✓ хIева «рубашка»	хIева	хIава	хIава
мехIур «дурной»	—	махIур	махIур
берхIе «рыжий»	берхIе	берхIе	бирхIа
къелхIе «лопатка»	къелхIе	къелхIе	къвалхIа
✓ къехIе «репка»	къехIе	къехIхIе	къахIа
мехIе «мозг»	мехIе	мехIхIе	махIа
дяхIя «сын»	дурхIя	дархIа	дурхIвя
✓ хIеркI «река»	хIеркI	хIеркI	хIаркI
✓ хIяб «могила»	ххвяб	хIаb	хIвяb
хIяли «сало»	хIольи	хIали	хIвяли
✓ цехIнаб «вместе»	—	цехIнаb	цахIнаb

Надгортанниковые *gI* и *xI* в кайтагском и некоторых других диалектах встречаются лишь перед широким глоттизованным гласным *a* (*я*), а также в некоторых именах и названиях, заимствованных из других диалектов.

Аффрикаты *dz* и *дж* имеются лишь в акушино-урахинской группе диалектов. Что касается цудахарской группы диалектов, то они с этими звуками не знакомы, и им в этих диалектах соответствуют *з*, *ж* и усиленные аффрикаты *цц* (*-дз*) и *чч* (*-дж*).

Звук *хь* в мекегинском и нижнемулебкинском диалектах отсутствует, в этих диалектах акушинскому *хь* соответствует *гь*:

- ✓ урхьу «море» — ургьу
- умхьу «ключ» — умгьу
- ✓ махьи «хутор» — магьи и т. д.

Все согласные даргинского языка, обозначаемые русскими буквами, как мы видели, произносятся почти также, как в русском языке. Разница лишь в том, что звуки *п*, *т*, *к* в даргинском языке произносятся с придыханием. Звук *д* в даргинском языке произносится прикосновением кончика языка к альвеолам, а не к верхним зубам, как в русском языке. Звук *ф*, который встречается лишь в одном незаимствованном из русского языка слове, является не губно-зубным, а губно-губным.

Звук *къ* в акушинском диалекте произносится с гортанным оттенком, очень близко к звуку *gI*: слово *къял* «корова» в устах акушинца звучит, как *gIял*, слово *къули* «коровы» звучит, как *gIольи* или *ольи* (вместо *къ* слышится *о* с гортанным оттенком).

Существует явная разница между произношением звука *gI* в большинстве цудахарских диалектов и произношением его

в акушино-урахинской группе диалектов. В цудахарском диалекте звук *gI* произносится то как в акушино-урахинской группе диалектов, то с более сильным напряжением,

Звук *p* в мугинском диалекте произносится путем прикосновения кончика языка к альвеолам без вибрации. В этом и в некоторых других диалектах цудахарской группы существует усиленный *p* (*pp*), весьма отличный от удвоенного, который встречается, например, в урахинском диалекте. При произношении мугинского усиленного *p* (*pp*) кончик языка упирается в альвеолы сильнее, чем при простом *p*, и вибрация отсутствует. То же самое наблюдается в акушинском диалекте, но здесь напряжение до такой силы не доходит. Что касается урахинского *pp*, то оно произносится, как два *p* в русском языке с вибрацией. Характерно, что в цудахарском диалекте удвоенный или усиленный *p* не встречается.

В губденском диалекте акушино-урахинской группы удвоенные *p* и *л* упрощены: вместо ожидаемого *pl*, *ll* здесь мы слышим *л*; вместо *pp* слышится *ж*.

Во многих диалектах даргинского языка, как в цудахарской группе, так и в других, имеются лабиализованные согласные.

Цудахарская группа диалектов характеризуется обилием усиленных и удвоенных согласных.

В цудахарской группе диалектов усиленными могут быть звуки:

- b* — *nn*
- d* — *tt*
- ц* — *цц*
- ч* — *чч*
- к* — *кк*
- кь* — *кькь*
- p* — *pp*
- c* — *cc*
- ш* — *щ* (*шш*)
- хь* — *хьхь*
- x* — *хх*
- xI* — *xIxI*

Эти же звуки, за исключением *pp* и *xIxI* встречаются в усиленном виде в лакском, лезгинском и табасаранском языках, что сближает даргинский консонантизм с консонантизмом этих языков, и отличает его от аварского, в котором нет *nn*, *tt*, *кк*, а также *nI*, *кь* (в его даргинском значении).

Гласные *и*, *у* даргинского языка произносятся приблизительно как соответствующие русские гласные; гласный *э* (*e*) произносится, как русский *э*. Что касается гласного *a*, то он в даргинском языке звучит ближе к русскому *о*, чем к *a*; его можно назвать «тусклым» *a*. Гораздо шире и с гортанным оттенком произносится гласный нижнего подъема *a* (*я*), встре-

чающийся главным образом в соседстве с надгортанниковыми *ʒI*, *xI* и глубоко-заднеязычными *xə*, *kə*, *kə*, и являющийся самостоятельной гласной формой, а не вариантом фонемы (каким его считал Л. И. Жирков в своей «Грамматике даргинского языка» 1927 г.). Приводим противопоставления этих гласных фонем в составе слов:

- *xəjər* «груша» — *xəjər* «верх»
- *xəj* «собака» — *xəj* «принеси»
- *xəjə* «клятва» — *xəjə* (слои овечьего помета) «мяч»
- *məj* «мычание» — *məj* «на!» (частица).
- *bəx* «нрав» — *bəx* «удар»
- *bəkjəjən* «переворошил» — *bəkjəjən* «сходил»
- *kjəjəm* «племя, народ» — *kjəjəm* «миска»
- *ləm-b-ikʲes* «гореть пламенем» — *ləm-b-ikʲes* «лакать».

В акушинском и цудахарском диалектах, как было сказано выше, в соседстве с гортанными *ʒI* и *xI* «тусклый» *a* не встречается. В акушинском диалекте (в устной речи) имеются также глотизованные гласные *o*, *u*, а также *uʲ* переднего ряда огубленный. В этом отношении, возможно, акушинский диалект испытал влияние цудахарского.

КРАТКИЕ И ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

Долгие гласные в акушинском диалекте, как мы уже говорили, отсутствуют; они имеются в кубачинском диалекте, ими изобилует также урахинский диалект. Вместо урахинских долгих, в акушинском, мугинском и многих других диалектах наблюдаются простые гласные, или два гласных. Урахинскому *e* в акушинском диалекте соответствует сочетание *ia*:

beeli — *bialli* «если будет».

Остальным долгим гласным в акушинском диалекте соответствуют простые гласные:

Урахин.

aakʲun «родился»
gaali «если даст»
gʲiʃtʲis «ему»

Акушин.

akʲub
galli
itʲis

В урахинском слове *ишли* «ставши, сделавшись» мы имеем слияние двух *и*. В акушинском диалекте этой форме соответствует *в-иубли* (в классн. показ.); урахинскому *иш* здесь, следовательно, соответствует *иу*.

Долгота гласного в тех диалектах, в которых она имеется, является фонемной, т. е. долгие гласные — особые фонемы.

Краткие гласные

или «сказав»
гали «углем»
аба «бабушка»
дила «мой»

долгие гласные

ишли «ставши»
гаали «если даст»
абаа «чтобы вы сказали»
дилаа «моего»

В урахинском диалекте нередки случаи, когда в одном и том же слове имеются два долгих гласных: *б-ишлаахʲали* «хотя и было», *деехʲаали* «если мы будем», *деебаа* «чтобы вы были» и т. д.

Долгота гласного в урахинском диалекте, в отличие от кубачинского, обусловлена положением его в открытом слоге, в котором находится гласный. Если в результате словообразования или словоизменения открытый слог окажется закрытым, то долгота гласного исчезнет:

аасис «взять вверх», но: *айсис* (несов.)
аакʲун «родился» — *алкʲан* (несов.)
аали «если скажет» — *асли* «если я скажу»
ишли «ставши» от *ис* «становиться».

Если перед долгим гласным появится еще гласный, то первый компонент долгого гласного отходит к дифтонгу *ай* и долгота исчезает:

ахʲна «хороший», *ишли* «сделавшись» — *ахʲнайгʲили* «сделавшись хорошим».

Долгими могут быть гласные *a*, *a* (*я*) *и*, *o*, *э*. Долгие гласные *a*, *a* (*я*) состоят из двух *a* или *a* (*я*), долгий гласный *и* — из двух *и*; что касается *o* и *э*, то они состоят из неодинаковых гласных: *o* является результатом слияния *у* и *a*; *э* (*э*) — результатом слияния *и* и *a*: или *и* и *э*. Так в урахинском диалекте:

аакʲун «родился» (акуш.: *акʲуб*)
аасиб «взял снизу вверх»
хьяасиб «взял сверху вниз»
мураа «сена» (род. п.)
аали «если скажет» (в муг. диалекте в детском языке говорят *аалли* вместо акуш. *алли*)
аас «дойти вверх» (акушин. *аэс*)
кʲукʲу «гром» — *кʲукʲаа* «грома» (род. п.)
у «имя» — *о* (из: *уа*)
гʲит «он» — *гʲиʃтʲис* «ему»
д-е-д-аали «если вы будете» (акуш. *д-иа-д-алли*)
д-е-хʲаали «если мы будем» (акуш. *д-иэхʲелли*)
давʲлашʲив *иблаа* «с тех пор, как разбогател»
гахʲаали «если мы дадим»
ахʲаали «если мы скажем»

Слияние двух гласных в один долгий в урахинском диалекте наблюдается не только в пределах одного и того же слова, но и на стыке двух слов. Например: *зи* «содь», *агу* «нет» — *зеегу* «соли нет».

б-агъни «знания», *агули* «не имея» — *б-агънеегули* «не имея знаний».

ада «отец», — *адаагули* «не имея отца».

клана «платок», *асиб* «купил» — *кланаасиб* «платок купил».

Почти все долгие гласные в урахинском диалекте встречаются лишь на стыке слов и частей слов:

ааклун — долгий гласный между префиксом и глаголом,

мураа — между основой и окончанием,

аали — между корнем и суффиксом,

узеегули «не имея брата» (*узи* «брат», *агули* «не имея») между двумя словами.

Это объясняется тем, что долгота гласного в этом диалекте является результатом слияния двух гласных: но пока не все долгие гласные в урахинском диалекте поддаются такому объяснению. Например, в слове *гъшитис* «ему» первый долгий гласный *иш* находится не на стыке частей слова, и неизвестно, из каких гласных он состоит.

В акушинском, мугинском и других диалектах встречается краткое *е*, по всей вероятности, происходящее от слияния двух гласных, но в результате дальнейшего развития потерявшее долготу:

дуги «ночь» — *дугели* «ночью»

хлери «полдень» — *хлерели* «днем»

бархли «день» — *бархлехъ* «вечером» «*бархлуахъ*; *ахъ* от *ахъес* «закатиться»; *бархли*, *берхли* «день; солнце»).

Конечный гласный в суффиксе наречия, деепричастия и условного наклонения *ле* (акуш. *ли*), *не*, который встречается в цудахарском, мекегинском и других диалектах, повидимому, происходит из звукосочетания *иа*:

Мекег: *в-аклиле* «приходив»

б-учлуде «читая»

ибгьуде «открывая»

ахъле «высоко»

Цудах.: *б-ахурле* «узнав»

абцибле «открыв»

в-акланне «если придет»

анне «если скажет»

Заслуживает внимания тот факт, что эти же элементы в роли показателей эргатива в этих диалектах в исходе имеют не *е*, а *и* (*ли*, *ни*).

Исследование показывает, что почти все звуки *о*, *э* (*е*) как долгие, так и краткие, в урахинском диалекте являются составными гласными.

В преобладающем большинстве случаев долгий гласный происходит из двух гласных, как мы говорили выше, но иногда он происходит из гласного и согласного *р* (*ð*) или *л*, т. е.

долгота гласного заменяет выпавший согласный *р* (*ð*) или *л*, следующий за ним.

В большинстве случаев в урахинском диалекте не остается никакого сомнения в том, что данный долгий гласный происходит из двух гласных, случаи же замены долгим гласным выпавшего согласного *р* (*ð*) или *л*, и некоторые случаи слияния двух гласных требуют пояснений.

В кубачинском диалекте имеются долгие гласные, состоящие из двух гласных, но главным образом кубачинские долгие гласные выступают как замена выпавшего согласного *р* (*ð*), *л*:

Акушинск.	Кубачин.
<i>лурчи</i> «лошадь»	<i>уучи</i>
<i>хлери</i> «река»	<i>аакл</i>
<i>лурси</i> «дочь, девушка»	<i>йууссе</i>
<i>урегал</i> «шесть»	<i>ээк</i>
<i>верхлел</i> «семь»	<i>вее</i>
<i>урчлемал</i> «девять»	<i>глуучлум</i>
<i>даршал</i> «сто»	<i>дааш</i>
<i>б-аргиб</i> «нашел»	<i>б-ааккай</i>
<i>б-аркьира</i> «родил, сделал»	<i>б-аакьад</i>
<i>д-ирцма-д-ирцид</i> «не продавай»	<i>д-исмассид</i>
<i>б-атни</i> «оставление» (соверш.); <i>б-алтни</i> (несоверш.);	<i>б-аатне</i>
<i>б-алтма-б-алтад</i> «не оставляй»	<i>б-атматад</i>

Явление замены выпавшего согласного долготой предыдущего гласного наблюдается в урахинском диалекте. В условном наклонении в 3-м лице в акушинском и других диалектах мы имеем два *л*:

алли «если скажет»

ахлалли «если мы скажем»

Есть полное основание сказать, что в условном наклонении в урахинском диалекте выпавший *р* или *л* заменен долготой предыдущего гласного:

аали «если он скажет»

ахлаали «если мы скажем»

гаали «если он даст»

б-илкьваали «если напишет»

В 1-м и 2-м лицах ед. числа условного накл. *а* не долгие, так как здесь нет выпадения согласного:

асли «если скажу»

гасли «если дам»

б-илкьвасли «если напишу».

В родит. падеже множ. числа форма урахинского диалекта *еела* регулярно соответствует цудахарскому *лла*. Можно полагать, что в урахинском диалекте один *л* выпал, а гласный *е* перед ним получил долготу, но возможно и другое

предположение. В прошлом в даргинском языке родит. пад. регулярно образовывался от эргатива с показателем *ла*, а в урахинском — от эргатива с показателем *а*. В прошлом этот показатель *а* прибавлялся к полной форме мн. числа, т. е. с сохранением конечного *и* (*хляйвантия* «животных», а не *хляйвантаа*, как в настоящее время).

СЛОГ

Слог в даргинском языке может состоять из одного лишь гласного, иногда совпадающего со словом:

а «скажи»

у «имя»

а-и-ра «я дошел».

Слог может состоять и из двух гласных (дифтонг): *а-в-хъес* «стремиться вверх», *а-й-зес* «встать» и др.

Слог может состоять из гласного и согласного, стоящего перед гласным (открытый слог).

хя «собака»

хъу «поле»

хъи «вершок» (корнеплода)

хле «кровь»

хъе «семена»

ца «один»

ца «огонь» и др.

Слог может состоять из гласного и согласного, стоящего за гласным (закрытый слог):

ит «тот»

ар «рукоятка»

ур «пол»

Слог может состоять из трех звуков — двух согласных и одного гласного в середине:

кьацI «хлеб»

хлял «положение, состояние»

хъар «верх»

Слог может состоять из четырех звуков — согласного, гласного и двух согласных, стоящих за гласным:

набт «нефть, керосин»

нартI «сера»

аргъ «погода»

арх «канавка».

В даргинском языке стечение двух согласных в начале слога не допускалось и продолжает, вообще говоря, не допускаться, хотя в настоящее время во многих заимствованиях из русского языка часто встречаются случаи такого стечения согласных, хотя в исконно даргинских словах и в старых заимствованиях такие слоги не встречаются. В заимствованиях из русского языка со стечением двух согласных в начале слога

даргинцы прежде вставляли, и до сих пор иногда вставляют, или приставляют впереди, протетический гласный:

истакан вместо «стакан»

устул вместо «стол»

тарактор вместо «трактор»

пирсидатил вместо «председатель» и т. д.

В настоящее время у большинства даргинцев наблюдается стремление к правильному произношению таких слов. Этому, в частности, способствует принятое в орфографии правило, требующее, чтобы все заимствования из русского языка в даргинском письме писались так, как они пишутся в русском письме.

Что касается стечения согласных в конце слога, то оно допускается с тем условием, что первым из таких согласных будет один из звуков: *л, р, н, м, б, в, й, с, ш*. Ввиду этого даргинцы легко произносят такие слова, как парк, банк, коммунист, комбайн, но им трудно произносить, например, заимствования с окончанием *изм*, и т. д. Поэтому в произношении к концу таких слов прежде прибавляли конечное *а*; говорили: социализма, коммунизма и т. д., но и это явление уходит в прошлое, и большинство даргинцев такие слова теперь произносит правильно.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ

Чередование гласных в даргинском языке большей частью имеет грамматическую значимость: чередование гласных в глаголе дает виды глагола, чередование гласных в основе имени существительного вместе с суффиксом или без него образует падежи, множественное число, или из существительного образуется наречие и т. д.

При склонении имен существительных и местоимений основа иногда подвергается фонетическим изменениям: тот или иной гласный основы может выпадать или чередоваться с другим гласным:

хъали «комната» — *хъули* «в комнату»

дярхъ «хлев» — *дурхъи* «в хлев»

шинк «котел» — *шункка* «в котел» (муг. диалект)

ну «я» — *наб* «мне», *набчи* «ко мне»

хлу «ты» — *х'ед* «тебе», *х'ечи* «к тебе»

са-й «сам, он» — *сунени* (эргатив), *сунес* «ему, самому».

Конечный гласный и суффиксов множественности в косвенных падежах переходит в *а*. В родительном и частично в дательном падеже в урахинском диалекте вместо *а* мы имеем *е*: *адамти* «люди» — *адамтани* (эргатив.), *адамтала* (род. п.) *кьули* «коровы» — *кьулас* «коровам».

хлуркIби «реки» *хлуркIбани* (эргатив.), *хлуркIбас* (дат. пад.)

Урах.: *адамъули* «люди» — *адамъулеела* (род. п.)

къвяли «коровы» — *къвялеела*

хIуркIри «речки» — *хIуркIреела* и т. д.

Чередование гласных чаще всего встречается при образовании множественного числа, но новые слова, заимствованные из русского языка, чередованию не подвергаются.

При образовании несовершенного вида от совершенного в даргинском языке гласные основы на *а*, *а* (*я*), *е* часто заменяются звуком *и*, реже звуком *у*; иногда же *у* переходит в *и*:

в-азес «выкупаться» — *в-изес* (несов.).

б-яхъес «ударить» — *б-ирхъес*

б-яхIес «трясти» (дерево), «лущить» — *ибхIес*

б-елчIес «читать» — *б-учIес*

б-ебес «трамбовать» — *б-убес*

б-емхIес «мокнуть» — *б-умхIес*

б-емдес «распахнуть» — *б-умдес*

б-ухес «нести» — *б-ихес*

б-укес «вести» — *б-икес*

Чередование гласных, о котором здесь сказано, встречается во всех диалектах даргинского языка, в известной мере, оно является регулярным.

Редко встречается нерегулярное чередование гласных:

дуги «ночь» — *дугели* «ночью» (нареч.)

хIери «полдень» — *хIерели* «днем» (нареч.)

шин «вода» — *шун* «по воду» (нареч., урах.)

урхи «ручная мельница» — *урхани* «на ручную мельницу» (урах), и некоторые другие.

До сих пор мы рассматривали случаи чередования гласных в пределах одного и того же диалекта. Если же сопоставить слова ряда диалектов, то мы найдем много и других случаев чередования гласных.

Акушинскому и урахинскому конечному *и* суффикса прилагательного и причастия *си*, суффиксов мн. числа и суффикса наречия и деепричастия *ли*, в цудахарском диалекте соответствуют суффиксы с гласным *е*.

Акушин.

вайси «плохой»

в-аклибси «пришедший»

адамти «люди»

колхозуни «колхозы»

Цудах.

вясе

в-аклибсе

адимте

колхозуне

В мекегинском диалекте в суффиксе наречия и деепричастия вместо акушинского *ли* мы имеем тоже *ле*: *ахъле* «высоко», *муръгле* «глубоко», *в-аклиле* «придя».

Акушинскому гласному основы *е* в урахинском диалекте почти всегда соответствует *и*:

Акушин.

б-акIес «прийти»

бецI «волк»

Урахин.

б-акIис

бицI

хIе «кровь»

Iзе «соль»

Iгъе «семена»

къел «черта»

IбекI «голова»

б-елкI «писание»

Iб-еркала «еда»

вецIал «10»

Iгъез «волос»

дев «слово»

дег «ток»

декъ «мука»

децI «горе»

б-елчIес «читать»

б-елгъес «зарезать»

б-елиес «построить»

хIи

зи

гъви

къил

бикI

б-илкI

б-ирквала

вицIал

гъиз

див

диг

дикъ

дицI

б-илчIис

б-илгъвис

б-илишис

Но имеются и исключения: *кIел* «2», *верхIел* «7» — *кIвел*, *верхIал* (урах.).

В ряде случаев акушинскому *е* основы в урахинском мы наблюдаем соответствие звука *а*.

Акушин.

шел «5»

в-егI «хозяин»

б-ехI «конец»

кIидехI «две пары», «два»

мехIе «мозг»

хIеркI «река»

хIериэс «жить»

б-алехIе «узнаем; знаем»

къегI «обрубок»

хъехI «кашель»

Урахин.

швал

в-агI

б-ахI

кIвидахI

махIа

хIаркI

хIарис

б-алахIа

къагI

хъахI

Акушинскому и урахинскому *у* в кайтагском диалекте иногда соответствует *и*.

Акушин.

урчи «лошадь»

рузи «сестра»

Кайтаг.

ирчи

рици

Акушинскому *а* в урахинском диалекте часто соответствует широкое *а* (*я*)

Акушин.

пакъир «бедняк»

балик «рыба»

кахъес «свалить»

че-б-яхIахъес «повесить»

чакахъес «нацепить»

Урахин.

пакъир

бяхIхъ

хъяхъяс

шибахIяхъис

шихъяхъис

Акушинскому и урахинскому широкому *а* (*я*) в мугинском диалекте часто соответствует *а*:

- ✓ **Акушин.**
къянкъ «нос»
 ✓ *къянари* «кувшин»
Гябдуряхман (имя муж.)
мяхкамли «осторожно»
кьякъ «холм»
 ✓ *зягипли* «слабо»
 ✓ *гяра* «заяц»
гяшли «низко»
чял «тесьма»
дягI «ветер»

- Мугин.**
къанхъ
къанари
Абдуряхман
махкамли
кьякъ
загипли
гара
гашли
чал
дагI

В суффиксах глагола *иб*, *ес* (*эс*) и в некоторых других случаях акушинским *и*, *е* (*э*) в урахинском диалекте часто соответствует широкий гласный *а* (*я*).

- Акушин.**
гяхъиб «черпнул»
гяхъес «черпнуть»
б-яхъиб «подрался»
б-яхъес «подраться»
б-яхъес «ударить»
дахIи «снег»

- Урахин.**
гяхъяб
гяхъяс
б-яхъяб
б-яхъяс
б-яхъяс
дүхIя

Такое же явление замены широкого глоттизованного *а* (*я*) нешироким *а* наблюдается и в муирин. диалекте. Можно сказать, что в даргинском языке *а* с гортанным оттенком вытесняется обыкновенным *а*, как и другие гортанные звуки.

Акушинскому, цудахарскому и урахинскому *и* и в мекегинском диалекте в словах *в-икъес* «говорить», *б-ирес* «бывать», *в-иэс*, «мочь, иметь возможность» соответствует *у*:

Акушин.	Урахин.	Мекег.
<i>в-икъес</i> «говорить»	<i>и-кIвис</i>	<i>у-кIес</i>
<i>б-ирес</i> «бывать»	<i>б-ирис</i>	<i>б-урес</i>

Это соответствие является характерным для мекегинской группы диалектов даргинского языка, и этим можно отличить эту группу диалектов от других групп.

ВЫПАДЕНИЕ ГЛАСНЫХ

В даргинском языке выпадение гласных явление нередкое; во многих случаях его удается подвести под определенные правила. Выпадение гласных наблюдается как в конце слов, так и в середине, в связи со словообразованием и словоизменением. Главным образом выпадение происходит на стыке морфологических частей одного и того же слова — между префиксом и корнем глагола, между двумя основами сложного слова, перед суффиксом, между двумя суффиксами, но

бывает и так, что гласный выпадает из середины производного слова.

В формах вспомогательного глагола *с-аб-и* и *с-ар-и* в акушинском наречии часто конечный *и* выпадает, говорят и пишут: *са-б*, *са-р*. В других диалектах такого выпадения не наблюдается.

Частица *цад* имеет два варианта: *цад* и *цада* (цудах. *цатта* и *цаттале*).

В мугинском диалекте суффикс исход. падежа имеет два фонетических варианта *ат* и *атта*: *хъулит* и *хъулитта* «из дома, из комнаты» (цудах. *хъулила*); *гъитат* и *гъитатта* «откуда» (цудах. *итала*).

В мугинском и некоторых других диалектах союз *ну* часто произносится без гласного *у*:

са-б-ин вместо *са-б-ину* от *са-б-и*.

О тех случаях, в которых гласный выпадает вместе с согласным, мы здесь говорить вообще не будем, так как об этом сказано в разделе выпадения согласных. Разберем здесь случаи выпадения одних лишь гласных.

В показателе множественности *ти* в названиях народностей гласный *и* выпадает. В губденском и кадарском диалектах он иногда выпадает и в других словах:

- губдалунт* «губденцы»
махъикунт «хуторяне»
адабт (губд.) «приличия» (акуш. *адабти*), *шашкаларт* (кадар.) «шашки».

В урахинском диалекте в суффиксе эргатива *ани* (варианты: *ини*, *уни*) конечный гласный *и* выпадает факультативно:

- абаан* и *абаани* «мать, матерью»
булигини и *булигини* «лакец»
Умуун и *Умууни* «Уму» (имя женск.)

В мекегинском диалекте в суффиксе эргатива *ни* гласный *и* выпадает регулярно:

Мекег.	Акуш.
<i>Алин</i>	<i>Алини</i>
<i>ХIяжин</i>	<i>ХIяжини</i>
<i>нун</i>	<i>нуни</i> «я»
<i>хIун</i>	<i>хIуни</i> «ты»

Гласные в суффиксах эргатива и родит. падежа *ли*, *ла* в даргинском языке вообще неустойчивы: при быстром произношении они часто выпадают.

- Говорят:
итил вместо *итили* «он»
дил вместо *дила* «мой»

В суффиксе наречия и деепричастия времени *хIели* в некоторых диалектах конечное *и* выпадает, говорят *в-акибхIел* вместо *в-акIибхIели* «когда пришел», *итхIел* вместо *итхIели* «тогда».

Во многих словах наблюдается выпадение конечных гласных *и, а*:

бурха и *бурх* «потолок, навес»
галга и *галг* «дерево»
шиндири (урах.) и *шиндир* (акуш.) «жолоб»
урцули (муг.) и *урцул* (акуш., урах.) «дрова»
уркьули (муг.) и *уркьул* «доска»
дубура (урах.) и *дубур* (акуш. «гора»)
уркура и *уркур* «арба»
хъубзара (урах.) и *хъубзар* (акуш.) «крестьянин»
хъуцлари (урах.) и *хъуцлар* (акуш.) «плечо»
✓ *михъири* (урах.) и *михъир* (акуш.) «грудь»

При образовании множественного числа исходный гласный основы иногда выпадает: перед показателями множественности *би, ри, ни* он выпадает в двухсложных существительных (не всегда):

глена «плита» — *гленби*
цула «зуб» — *цулби*
хлули «глаз» — *хлулби*
✓ *хамха* «тело» — *хумхри*
хъали «дом, комната» — *хъулри*,
клати «лист» — *клатри*

Перед показателями множественности *ми, луми, руми* в двухсложных и некоторых других существительных гласный выпадает (не всегда):

гуру «шарик» — *гурми*
сири «люлька» — *сирми*
къаралди «фигура» — *къаралдлуми*
ула «сито» — *улурми*;

Также и перед показателем множественности *ти* в многосложных существительных (только в исконно даргинских словах):

дугени «корм» — *дугенти*
дехлбала «молитва» — *дехлбулти*
къянари «кувшин» — *къянурти*

В формах падежей конечный гласный, идущий после *р*, большей частью выпадает (не всегда):

шухлари «жолобок» — *шухлярла* (род. п.)
члухлари «челнок» — *члухлярла*
цликури «невеста» — *цликурли* (эргат.)
уршури «долото» — *уршурла*
мукъара «ягненок» — *мукъарла*
шури «скала» — *шурла*
мучари «кукурузный или просяной чурек» — *мучарла*
зубари «звезда» — *зубарла* и *зубарила*
уркура «арба» — *уркурла*
ггяя «двор» — *ггяйни* «во двор»

дубура (урах.) «гора» — *дубри* «на гору, в горы»
гунири (урах.) «сарай» — *гунра* «в сарай».

В урахинском диалекте такое выпадение чаще, чем в акушинском. В этом диалекте все существительные на *ри, ра* подчиняются этому закону в то время, как в акушинском имеются некоторые отклонения (см. слово *зубари*). В акушинском диалекте соответствующие урахинским существительные на *ри, ра* большей частью потеряли конечные гласные:

Акуш.

дубур «гора»
хъубзар «крестьянин»

Урах.

дубура
хъубзара и др.

При прибавлении словообразовательного суффикса к прилагательным с окаменелым суффиксом *а* — *а* выпадает:

✓ *цлуба* «белый» — *цлубдеш* «белизна», *цлубли* «бело» (наречие)
цлудара «черный» — *цлудардеш* «чернота», *цлударли* (наречие)

✓ *хъанцла* «синий» — *хъанцлеш*, *хъанцли*
✓ *бавза* «толстый» — *бавздеш*, *бавзли*
хъабхъа «хрупкий» — *хъабхъдеш*, *хъабхъли*

В цудахарском диалекте к таким прилагательным факультативно прибавляется продуктивный суффикс прилагательного *се*, причем окаменелый суффикс *а* не выпадает.

цлубасе, *хъхъанцласе*, *бавццасе*

Но в других формах видим и здесь выпадение гласного:

цлубдихъ, *цлубле*; *хъхъанцлдихъ*, *хъхъанцлле* и т. д.

Однако, при образовании множественного числа от прилагательного с суффиксом *се* (акуш. *си*) конечный гласный выпадает:

вяся «плохое» — *вясне* (множ. ч.)

никласа «маленький» — *никласне*.

При прибавлении суффикса *чи* к слову с суффиксом *къана*, что встречается иногда, — гласный этого суффикса выпадает:

сагакьяна — *сагакьянчи* «новатор»

бутлакьяна — *бутлакьянчи* «участник».

При прибавлении суффиксов, лица *ра, ри* и суффикса времени *ри* к вспомогательному глаголу *са-б-и* (*са-р-и*) или к деепричастию на *ли*, гласный и выпадает:

ну са-р-ра «это — я»

хлу са-р-ри «это ты»

ит са-б-ри «это было оно»

в-аклили — *ну ваклилра* «я уже пришел».

ну в-аклилри «я уже тогда пришел».

хлу в-аклилри «ты уже тогда пришел».

В акушинском диалекте в этих случаях гласный *и* опускается регулярно. Что касается урахинского диалекта, то здесь в прошедшем времени допускается восстановление *и*:

ну в-аклилли и *в-аклилири* «я тогда пришел»

хлу в-аклилли и *в-аклилири* «ты тогда пришел»

Перед союзом, однозвучным с личным окончанием, *ра* в акушинском и урахинском диалектах *и* опускается факультативно:

дурхИнира са-р-ра (и: *са-р-ира*) *неш* «мать с детьми» (буквально дети и сама мать).

квачара са-б-ра (и: *са-б-ира*) *кьял* «корова с телкой»

То же самое мы наблюдаем в гласных окончаниях эргатива и родит. падежа перед союзом *ра*:

хлунра нунра вместо *хлунира нунира* (урах.: *хлунна нунна*) «ты и я»;

хлелра дилра вместо *хлелара дилара* (урах.: *хлулара дилара*) «твой и мой».

В слове *клилифра* «оба» выпадение *и* обязательно.

В акушинском диалекте в глаголах гласный *и* в положении между двумя *р*, или между *р* и *л*, часто выпадает:

р-ирар «будет; может» — *хле-р-рар* (отрицат.)

б-ариб (3 лицо) «сделал» — *б-арра* (1 лицо; из *б-арира*); *б-арри* (2 лицо; из *б-арири*); *ка-р-рар* (3 л.) «она сядет»; (ср. *ка-б-ирар*), *ка-р-рис* (1 л.) «женюсь» (возьму в жены); *б-алли* «сделав» (из *б-арили*).

При прибавлении к глаголам суффикса временного деепричастия *хлели* или союзного суффикса *кьи* к вспомогательному глаголу *са-б-и* (*са-р-и*) гласный глагола выпадает:

«*ит са-б-и* «оно есть» — «*ит са-б-хлели* «раз оно есть»; *ит са-б-кьи* «хотя оно и есть»;

При прибавлении суффикса родит. падежа и прилагательного *ла* к суффиксу *хлели* гласный этого суффикса выпадает: *итхлели* «тогда» — *итхлелла* «тогдашний»; *в-аклибхлели* «когда пришел» — *в-аклибхлелла*.

В урахинском диалекте здесь происходит фонетическое изменение, которое имеет место в случаях стечения двух *л*, т. е. оба *л* выпадают и сочетание *иа* переходит в долгое *ее*:

в-аклибхлилли «когда пришел» — *в-аклибхлее*

При прибавлении суффикса сомнения и вопроса *ара* к слову с гласным исходом первый гласный суффикса выпадает:

в-аклиб «пришел» — *в-аклибара?* «пришел ли?»

в-аклили «придя» — *в-аклилира?* «пришел ли?»

чила — *чилара* «чей?»

дила «мой» — *дилара?* «мой ли?»

В урахинском диалекте в аналогичных случаях оба гласные сливаются в один долгий:

✓ *шила?* «чей?» — *шилаара?*

дила «мой» — *дилаара?* «мой ли?»

в-аклили «приходив» — *в-аклилеера?* «пришел ли?»

Уму (имя жен.) — *Умоора?* «Уму ли?»

То же самое происходит с суффиксом *алра* «хотя, хоть», т. е. первый гласный *а* выпадает:

итини «он, им» — *итинилра* «хотя бы он»

итала «его» — *италалра* «хотя бы его»

Умулра «хотя бы Уму»

В урахинском диалекте гласный основы *и*, вместе с *а* дает краткое *е*, гласный основы *у* вместе с *а* дает краткое *о*:

дабри «обувь» — *дабрелла* «хотя бы обувь»

Уму — *Умолла* «хотя бы Уму»

Между именной частью и вспомогательным глаголом исходный гласный именной части или начальный гласный глагола часто выпадает:

уруклес «стесняться» (*уруз, иклес*)

у-рухклес «бояться» (*в-урух, иклес* или *уклес*)

деклар-б-арес и *деклар-б-арес* «разлучить»

хлейги-б-изес и *хлейг-б-изес* «обидеться»

дигляникес и *диглянаикес* «спрятаться»

дигаэс и *дигаэс* «полюбить»

багьари-б-изэс и *багьар-б-изэс* «очутиться»

При повторении прилагательного с суффиксом *а* для образования удвоенного нового прилагательного этот суффикс выпадает факультативно:

бабза «толстый» — *бабзбабза* и *бабза-бабза* «толстоватый; потолще»;

буклула «тонкий» — *буклулбуклула* и *буклула-буклула* «тонковатый»;

цлуба «белый» — *цлубцуба* и *цуба-цуба* «беловатый»

Этим не исчерпываются все случаи выпадения гласных при суффиксации и сложении основ. Кроме этого в ряде случаев мы наблюдаем редукцию гласных: 1) вместо ожидаемого *йа* (я) имеем *й*:

вайтла «плохо» (ср. муг. *ваятла*)

байхъала «половина» (ср. муг. *баяхъала*).

В словосочетаниях мы наблюдаем выпадение конечного гласного первого слова: *лехлехъигей!* (*лехлехъигу, эй!*) «замолчи же, эй!» и др.

После непродуктивных префиксов направления *а*, *са*, *ка*, *у*, продуктивных префиксов направления *гъала* «вперед», *гелла* «назад», *дура* «вне», *б-ухлна* «внутри», *урга* «в середину», а также префикса усиления *ка* и отрицания *хле* (*хля*), *ма* — наблюдается выпадение гласных основы *а*, *и*, *у* вместе с классными показателями *в*, *д* и без них. В урахинском диалекте эти гласные выпадают или сливаются в один долгий как

после любого префикса с гласным исходом, так и после именной части глагола.

В акушинском диалекте в сложных глаголах, т. е. после именной части с гласным исходом, выпадает лишь *a*. В цудахарском диалекте наоборот наблюдается стремление к сохранению этих гласных.

После названных выше префиксов и именных частей гласный основы *a* выпадает:

чегъес «одеть» — (урах, *шеегъис*, цудах. *чеахиз*)

челгъес «одевать» — (цудах. *чеалхиз*)

саэс «дойти сюда» — (урах. *сааис*)

сасес «взять» — (урах. *саасис*)

касес — «взять» — (урах. *хъаасис*)

кацгес — «шагнуть» — (урах. *хъаацгис*)

какъес «сыпать» — (урах. *хъякъис*).

гъалаэс «пустить вперед» — (муг. *гъалааис*)

дураэс «выступить» — (муг. *ттурааис*, урах. *дурааис*)

гъелахъес «взять на спину» — (муг. *гъелахъис*, урах.

гъилаахъис)

таманаэс «закончить»

миаэс «превратиться в лед»

в-акгуб «пришел» — *хгекгуб* «не пришел» (ср. жен. *хге-р-акгуб*).

После именной части с гласным исходом *a* основы выпадает не всегда, что мы видим, например, в таких словах:

балааэс «превратиться в шерсть»;

варааэс «превратиться в мед»;

къаркъааэс «окаменеть» и т. п.

Среди слов с префиксами имеются и такие, о которых на первый взгляд можно думать, что начальный гласный в них не выпадает, например:

чеахъес «показать»

аахъес «довести вверх»;

саахъес «довести сюда»;

Но фактически в них тоже одно *a* выпало (ср. женские формы: *че-р-аахъес*, *а-р-аахъес*, *сараахъес*).

После непродуктивных префиксов места *и* и *у* выпадают в том случае, когда за ними следуют два согласных звука, один из которых является принадлежностью основы (*л* или *р*):

а-й-зес (женск. *а-р-изес*) «встать»

а-й-кес «поссориться» — *а-р-кес*; муг. *э-р-кис*;

ка-й-кес «упасть» — *ка-р-кес*; муг. *ке-р-кис*;

а-в-хъес (жен. *а-р-ухъес*) «стремиться вперед».

а-в-цес «поднять» — *а-р-цес*; муг. *эрцис*

ка-в-хъес «стремиться вниз» — *калхъес*; муг. *келхъис*

са-в-хъес «стремиться сюда» — *салхъес*; муг. *селхъис*

(жен. *са-р-улхъис*).

Как было упомянуто, в урахинском диалекте выпадение гласных наблюдается после всех префиксов, оканчивающихся на гласный *и* после именных частей с гласным исходом.

В этом диалекте в этих случаях: 1) стечение двух *a* дает долгое *aa*, если слог открытый. При закрытом слоге долгота исчезает: *аасис* «взять снизу вверх» — *айсис* (несов.)

с-аа-сис «получить» — *сайсис*

хъаасис «взять вниз» — *хъайсис*

б-ухгнааис «загнать» — *б-ухгнайс*

гъилаахъис «взять на спину» — *гъилайхъис*.

В урахинском стечении *и* и *а* дает долгое *ее* в открытом слоге и простое *e* — в закрытом:

шеегъис «надеть» — *шелгъис*

удеeis (удиаис) «закатить» (глаза).

В урахинском стечении *a* и *и* дает дифтонги *ай*, *ий* в случае, если за *и* не следует два согласных. Если же за *и* следуют два согласных, то *и* выпадает:

ааис — «дойти вверх» — *айис* (жен. *а-д-иис*).

сааис «дойти сюда» — *сайис*

гъала-й-хъис «опередить» — *гъала-р-хъис*

гъила-й-хъис «отстать» — *гъила-р-хъис*

ухгна-й-хъис «завязать» — *ухгна-р-хъис* и *ухгнаи-р-хъис*;

пикри-й-кгвис «думать» (муг. *пикриикгвис*)

В урахинском дифтонг *ий* слышится, как долгое *и*, а стечение *a*, *и* с последующим *у* дает дифтонг *ав*, *ив*, если после *у* нет двух согласных:

гъала-в-хъис «опередить» — *гъалалхъис*

урга-в-хъис «перебить» — *ургалхъис*

пикри-в-хъис «подумать» — *пикрилхъис*

В вышеприведенных примерах мы видим, что в некоторых глаголах в несовершенном виде появляется гласный *и* или *у*, которого нет в совершенном виде:

алес «порезать» — *авлес*

калес «остаться» — *кавлес*

касес «взять» — *кайсес* и др.

В других глаголах наоборот: в совершенном виде мы имеем гласный, которого нет в несовершенном:

кавхъес «стремиться вниз» — *калхъес*

айзес «встать» — *алзес*

кайзес «стать» — *калзес*

Чередувание гласных основы *a*, *e*, *a(я)* с гласными *и* или *у* образует несовершенный вид глагола. В приведенных выше примерах мы видим, что в несовершенном виде при его образовании появляется звук *у* или *и* или же он исчезает, и этим самым образуется иной вид глагола.

При образовании множественного числа от простого существительного часто наблюдаются случаи, когда из его середины

выпадает гласный (второй или первый гласный от конца). Такое выпадение свойственно лишь исконно даргинским существительным.

Это бывает в трехсложных существительных с показателем множественности *ми, и, ни*, например:

б-еркала «кушанье» — *берклуми*
б-ергала «корм, потрава» — *бурглуми*
б-айхъала «половина» — *д-айхълуми*
ругери «арык» — *ругруми*
дурегга «гребень» — *дургми*
бутIари «кусочек» — *бутIруми*
агIниахъала «утварь» — *агIниахълуми*
пухIяла «перо» — *пахIли*
пусала «пылинка» — *пусли*
уркура «арба» — *уркри*
уцIала «щепка» — *уцIли*
буреба «иголка» — *бурбуни*
хIуреба «войско» — *хIурбуну*;

Это бывает также в двусложных словах с согласным исходом, преимущественно на *я* (не всегда), например:

уркьули «доска» — *уркьли*
секIал «вещь» — *секIли*
кIуцIул «черпак» — *кIуцIли*
мурул «муж» — *муйли*
хьунул «жена» — *хьунри*,
гIиниз «родник» — *гIинзурби*
иникъ «пещера» — *инкьурби*

В мугинском диалекте предпоследний гласный выпадает и в следующих существительных, в которых в акушинском диалекте он не выпадает:

буруш «постель» — *буришми* (акуш. *буршуми*)
кьуруш «рубль» — *кьуришми*
гьаруш «буза» — *гьаршми*
дирихъ «туман» — *дирхьми*
чирагъ «лампа» — *чиргьми*
тIулека «кольцо» — *тIулкми*
кулеха «браслет» — *кулхми*
хIулега «калач» — *хIулгми*
дурук «веретено» — *дуркми*;

В названиях племен не множественное число образуется от единственного, а, наоборот, единственное от множественного (собирательного) и при этом гласный *у* выпадает, например:

цIудхъур «цудахарцы» — *цIудхъран* «цудахарец»
хIурухъ «урахинцы» — *хIурхъан* «урахинец»
булхъур «балкарцы» — *булхъран* «балкарец» (из сел.

Балхар)

хIямур «гамринцы» — *хIямран* «гамринец».

ДИФТОНГИ

В акушинском диалекте имеются нисходящие дифтонги *ай, эй, ав, эв*, состоящие из компонентов *аи, эи, ау, эу*. В урахинском диалекте вместо *эй* и *эв* имеем *ий, ив* и *уй*:

а-й-эс «есть» — жен. *а-р-иэс*.
гьала-й-кес «опередить» — ж. *гьала-р-икес*
гIела-й-кес «отстать» — ж. *гIела-р-икес*
че-й-кес «навалиться» — ж. *че-р-икес*
че-й-зес «пристать» — ж. *че-р-изес*
а-в-хъес «побежать вверх» — ж. *а-р-ухъес*
ка-в-хъес «побежать вниз» — ж. *ка-р-ухъес*

Урахинские формы:

пикри-в-хъис «подумать» — ж. *пикри-д-ухъис*;
ши-й-хъис «навалиться» — ж. *ши-д-ихъис*;
гIяси-й-гъис «рассердиться» — ж. *гIяси-д-ис*;
у-й-хъис «подложить» — ж. *у-д-ихъис* и др.

Не всякие звукосочетания *ай, эй, ау, эу* в акушинском диалекте сливаются в нисходящий дифтонг. В этом диалекте, как и во всех других, нисходящий дифтонг встречается в основном на стыке именной части или префикса с глаголом. В отличие от урахинского диалекта, в акушинском и цудахарском диалектах нисходящий дифтонг встречается именно на стыке направительных префиксов с глаголом. Что касается других префиксов и именных частей глагола, то в цудахарском диалекте здесь дифтонг отсутствует, цудахарцы говорят:

гIела-и-чиб «отстал» (акуш. *гIела-й-киб*)
пикри-у-хъун «подумал» (урах. *пикри-в-хъун*)

Но:

авхъун «побежал вверх»
кавхъун «побежал вниз»
савхъун «побежал сюда»

В акушинском диалекте дифтонгизация на стыке продуктивных префиксов и глаголов не обязательна, можно говорить:

гьалавхъун и редко *гьалаухъун*; *гIелавхъун* и *гIелаухъун* и т. д.

Дифтонгизация обязательна, как видим, лишь после направительных префиксов *а, са, ка, че*; после именной части глагола в акушинском диалекте дифтонгизация не допускается.

Дифтонги больше всего распространены в урахинском диалекте, где дифтонгируются гласные на стыке всех префиксов с глаголами и на стыке именных частей и глаголов. В то время, как урахинский диалект стремится дифтонгизировать все пары гласных в таком положении, цудахарский диалект

стремится сохранить оба гласных в целости. Акушинский диалект находится в этом отношении между цудахарским и урахинским диалектами.

Что касается восходящих дифтонгов, то в акушинском и цудахарском диалектах их нет; в урахинском диалекте звукосочетания *иа, иэ, уа, уэ* дают долгие гласные. Менее всего можно говорить о восходящих дифтонгах в цудахарском диалекте. Звукосочетания *ва, ве, ви*, приведенные Ш. Г. Гаприндашвили как дифтонги, не являются таковыми. Здесь мы имеем дело не с восходящими дифтонгами, а с лабилизацией предшествующих согласных; это соответствует тому, что в цудахарском диалекте лабилизация сохраняется и в положении перед другими согласными, и в конце слова.

АССИМИЛЯЦИЯ ГЛАСНЫХ

В даргинском языке глоттизованные гласные *а(я)* и *э(е)* влияют на гласный префиксов *ка, а, че, хле, ми (ме, мя)*, и ассимилируют его, например:

ка-б-ихъес «положить», но *ке-б-ердес* «поколоть»
хле-б-арес «не сделать», но *хля-б-ячес* «не сломать»
ма-б-иаб «пусть не будет», но: *ме-б-ебкIаб* «пусть не умирает»
че-б-ихъес «наложить», но: *чя-б-б-яхъяс* «отрубить».¹

Гласный корня *а(я)* влияет на гласный суффиксов и окончаний, если он стоит за надгортанными или заднеязычными согласными: *хI, гI, къ, къ, хъ*, например:

б-аракъес «заставить сделать», но: *б-яхIякъес* «заставить драться».
бархъа «прямой», но *бяххъа* «шустрый»
б-аралли «если сделает», но: *б-яргIялли*, «если остынет»
б-алтас «оставлю», но: *лявкъяс* «приду».

Гласный корня *э(е)* влияет на гласный суффикса, если он стоит позади *хI* или *гI*, например:

бабза «толстый», но *берхIе* «желтый»

Таким образом, глоттизованные гласные корня влияют и регрессивно и прогрессивно, на гласные префиксов и суффиксов, причем их влияние на следующий гласный обусловлено наличием в основе надгортанного или глубокозаднеязычного согласного.

В урахинском и некоторых других диалектах гласные суффиксов глагола *ис, яс, ун, ур*, ассимилируют гласный предыдущего суффикса каузатива *ахъ*, например:

¹ Пишутся по принятой орфографии эти слова, однако, через *е*: *че-б-б-яхъес*; *ка, ма* пишутся через *а*.

б-якъиб «сделал» — *б-якъихъиб* «заставил сделать»
акIун «родился» — *акIухъун* «сотворил»
б-агъур «узнал» — *б-агъухъур* «дал знать» и др.

УСИЛЕННЫЕ (УДВОЕННЫЕ, ГЕМИНИРОВАННЫЕ) СОГЛАСНЫЕ

Усиленные (удвоенные) согласные, называемые геминатами, имеются в цудахарской группе диалектов. Геминирование — характерная и в то же время общая черта этой группы даргинских диалектов. Усиленные (удвоенные) согласные в этой группе диалектов являются особыми фонемами, что видно из следующих мугинских примеров:

Геминаты:	Простые согласные
<i>дикки</i> «любовь»	<i>дики</i> «водил»
<i>ттура</i> «на двор»	<i>д-ура</i> «скажи»
<i>къячча</i> «коржик, пышка»	<i>къяча</i> «забияка»
<i>гIинцици</i> «к роднику»	<i>гIинци</i> «анис»
<i>ккисса</i> «в сени»	<i>киса</i> «карман» и др.

Я привел слова из наиболее знакомого для меня мугинского диалекта, но в самом цудахарском диалекте имеется немало примеров, говорящих о том, что усиленные согласные в нем особые фонемы, например: *кка* «дай» — *ка* «приведи».

В цудахарском диалекте встречаются следующие мгновенные и аффрикаты усиленные:

б — бб: *ббала* «шерсть» (акуш. *бала*)
г — кк: *кками* «корабль» (акуш. *гами*)
д — тт: *ттуттеш* «отец» (акуш. *дудеш*)
ч (дж) — чч: *ччявде* «скоро, рано» (акуш. *жявли*)
з (дз) — цц: *ццаб* «дождь» (акуш. *дзаб*)
къ (хъ) — къкъ: *элкъкъиз* «насытиться» (акуш. *велкъес*)

В цудахарском диалекте фонемами могут быть и следующие усиленные спиранты:

с — сс: *сса* «вчера» (акуш. *даг*)
х — хх: *урхъхъу* «море» (акуш. *урхъу*)
ш — шш: *нишаб* «нам» (акуш. *нушаб*).

В мугинском диалекте удвоенным встречается согласный *хI*:

мехIхIе (акуш. и цудах. *мехIе*) «мозг»;
мухIхIен (акуш. *мухIен*, цудах. *мехIен*) «мугинец»;
къехIхIе (акуш. и цудах. *къехIе*) «редька»;
ккехIхIел (акуш. *гехIел*, цудах. *ккехIел*) «8»;
духIхIя (акуш. *дахIи*, урах. *духIя*) «снег».

В мугинском и акушинском диалектах усиленным может быть и звук *р*; два *р* в урахинском произносятся, как два обыкновенных *рр*, в то время, как в мугинском они произно-

сятся, как один особый звук. В урахинском диалекте при произношении двух *p* кончик языка вибрирует между верхними зубами и альвеолами и едва касается их. При произношении же мугинского и акушинского усиленного *p* кончик языка без вибрации упирается между верхним небом и альвеолами:

ле-р-ра «я нахожусь» (жен.)

аккарра «я не есмь» (муг.)

къарра «и трава».

Повидимому, геминаты происходят от удвоенных согласных. За это говорит то, что при стечении двух звуков *бб*, мы получаем усиленный *пп*; при стечении *дт* получаем *тт*, при стечении *рр* — усиленный *рр*:

хъаб «шея» *б-яхъяс* «попасть» — *хъяппяхъяс* «попасть в шею» (муг.);

тлалаб «требование», *б-аркъис* «сделать» — *тлалаппаркъис* «потребовать»;

гъалад «впереди», *ти* суф. множ. числа — *гъалатти* «те, что впереди»;

ле-р (жен.) «имеется»; находится», *ра* личное оконч. 1-го лица — *ле-р-ра* «я нахожусь».

В диалектах нецудахарской группы (в акушинском, урахинском, мекегинском) наблюдается тенденция к упрощению всяких удвоенных согласных. В губденском говоре мекегинского диалекта процесс упрощения удвоенных согласных *лл*, *нн*, *мм*, *рр* завершился: здесь уже нет никакого удвоения согласных, вместо акушинского *б-иалли* здесь мы имеем *б-але*, вместо акушинского *хЛабцллану цара* «31» здесь мы имеем *хЛябцлану цара* и т. д. В мекегинском аналогичное явление имеет место, но в меньшей мере.

В урахинском диалекте вместо акушинского *ли* мы часто видим *л* с долготой предыдущего гласного. В нецудахарской группе диалектов вместо цудахарских *лла* (родит. пад.), *лли* (эргат.) мы имеем *ла*, *ли* или *й*, вместо цудахарского *нна* (рд. пад.), *нни* (эргат.) мы в других диалектах имеем *нла*, *нли*, или *й*.

Если сравнить усиленные и удвоенные согласные цудахарской группы диалектов с соответствующими согласными акушинского, то мы имеем:

Цудах.
бб (*пп*)
дд (*тт*)
цц
кк
чч
къкъ (*хъхъ*)
рр (муг.)

Акуш.
б
д
з (*дз*)
г
ж (*дж*)
к
р

сс
цц
хъхъ
хх
хлхл (муг.)

с
ш
хъ
х
хл

ПРИМЕРЫ:

Акуш.
бала «шерсть»
дудеш «отец»
заб «дождь»
маза «овца»
газа «кобыла»
га «дай»
жал «спор»
д-ерж «напиток»
къаркъа «камень»
каса «бери»
нушаб «нам»
хъунул «женщина»
хуху «старушка»
бухлуси «гниющий»

Цудах.
тлала
ттуттеи
ццаб
мацца
кквация
кка
ччал
дери, дерчила
къкъаркъкъа
гъасса
нишаб
хъхъунул
ххухху
бухлуси (муг.)

Надо сказать, что вообще усиленные согласные сохраняются как таковые только в положении перед гласными, в конце же слова и перед согласными они дают соответствующие простые неусиленные: звуки *пп* (*бб*), *тт*, *кк* и др. при упрощении перед согласными и в конце слова в цудахарской группе диалектов становятся глухими простыми согласными с артикуляцией типа усиленных. Даем примеры из мугинского диалекта:

иппала «шов» — *иплуми* (мн. ч.)
баррта «топор» — *бартни* (мн. ч.)
муррта «всадник» — *муртни* (мн. ч.)
ккуртта «лиса» — *ккуртни* (мн. ч.)
усси «спал» — *усни* (отглагол. имя)
уцци «брат» — *уцци* (мн. ч.) и т. д.

Упрощение усиленных согласных больше всего наблюдается в тех говорах цудахарской группы диалектов, которые находятся под влиянием акушинского, урахинского или мекегинского диалектов, например, в мугинском и нижнемулебинском.

ЛАБИАЛИЗАЦИЯ СОГЛАСНЫХ

В акушинском диалекте, который положен в основу даргинского литературного языка, согласные не лабиализуются. Лабиализация согласных встречается в цудахарском, урахинском (где она рельефнее всего выступает) и в некоторых

других диалектах. В даргинском языке нет таких согласных, которые лабиализуются всегда.

Характерной особенностью лабиализации согласных в урахинском диалекте является то, что в нем согласные лабиализуются в положении перед гласными *a*, *u*, *e*, *a* (*я*). Если в результате словоизменения этот гласный выпадает, то согласный перед ним делабиализуется.

агвис «отсутствовать» — *агри* «нужда», *агни* «отсутствие»
аклвис «родиться» — *аклни* «рождение».

Иначе обстоит дело в цудахарском диалекте, где согласные лабиализуются не только перед гласным, но и перед согласным и в конце слова:

- ✓ *дергэв* «война», «битва»;
- ✓ *микв* «дуб»;
- ✓ *кьикв* «червь»;
- ✓ *хлёрклев* «река»;

Иногда в основной форме слова в положении перед гласным *y* согласный не лабиализуется, но при изменении слова гласный *y* выпадает, и предыдущий согласный произносится с лабиализацией: *ххухху* «старуха» — *ххухвне* (мн. ч.); *жяртлу* «воробей» — *жяртлвбе* (мн. ч. в ходжалмахинском говоре).

Характерно, что ряд слов в единственном числе не имеет лабиализации, а во множественном числе появляется лабиализация перед теми же гласными, что в формах единственного числа. Приведем примеры из урахинского диалекта.

- ✓ *кьяна* «ворона» — *кьямми* (мн. ч.)
- чял* «позумент» — *чьялли*
- ✓ *хъяр* «груша» — *хъярби*
- ✓ *тяй* «жеребенок» — *твяйри*

Лабиализация согласных, как в конце слова, так и перед согласным, в цудахарском диалекте показывает, что она в настоящее время является свойством не гласного, а самих согласных.

Многие случаи лабиализации в урахинском диалекте возводятся к дифтонгам: *ya*, *yu*, *ye*. Например, случаи лабиализации предпоследнего согласного в форме родит. падежа слов с исходом на *y* являются результатом слияния этого гласного с суффиксом родит. пад. *a*:

- ✓ *битлу* «тесто» — *битлваа*
- ✓ *дару* «порох» — *дарваа*
- хъу* «поле» — *хъваа*
- бару* «крепость» — *барваа*
- загьру* «яд» — *загьрваа*.

Сочетание гласных *y* и *a* в урахинском диалекте дает краткий или долгий звук, похожий на *o*.

- y* «имя» — *o* (род. п.)
- ✓ *даргваа* «даргинцы, дарго»

Лабиализованные согласные в урахинском встречаются в довольно ограниченном количестве слов; в особенности редки лабиализованные переднеязычные.

Примеры слов урахинского диалекта (пары лабиализованных и нелабиализованных):

- агвис* «отсутствовать» — ср. *агис* «попасться».
- гваза* «кобылица» — *газа* «кирка»
- ✓ *игвис* «жечь» — *игис* «любить» ✓
- ✓ *квани* «живот» — *кани?* «куда?» ✓
- ✓ *квяли* «коровы» и *кьяли* «ветка» ✓
- ✓ *клви* «два» — *кли* «тетива» ✓
- хви* «собака» — *хи* «мучная пыль» ✓
- ✓ *хлвяб* «могила» — *хлябал* «три»
- хлвяна* «шрам» — *хляна* «седой» ✓
- ✓ *гъвари* «борозда» — *гъари!* «слушай!»

То же самое мы наблюдаем и в цудахарском диалекте:

- ✓ *бихвиз* «быть» — *бихиз* «связать»
- ✓ *барччвиз* «обмотать» — *барччиз* «найти» ✓
- кквацица* «кобылица» — *ккацица* «кирка»
- ичлвиз* «говорить» — *ичлиз* «выбрать»

Лабиализованные согласные в урахинском и цудахарском диалектах являются фонемами.

Как видно из сопоставления различных диалектов даргинского языка, явление лабиализации согласных в общем в них упрощается и постепенно устраняется.

В других диалектах, где вообще лабиализация согласных отсутствует, в преобладающем большинстве случаев согласный теряет лабиализацию, остается «чистый» согласный, реже в восстанавливается как особый согласный звук. Например:
(*гванза* (урах.) «земля» — *ванза* (акуш.) — *ганза* (муж.).

При упрощении лабиализации в одних случаях за согласным сохраняется гласный «разрушенного» дифтонга, в других — восстанавливается первый полугласный, а следующий гласный выпадает, или же оба сохраняются, как гласные.

Например:

- ✓ *хвалал* «большой» — *халал*
- двагI* «ветер» — *дагI* (акуш.)
- ✓ *жагвал* «красивый» — *жагал* (акуш.)
- ✓ *хлярхлIли* «слабо» — *хлярхли* (акуш.)
- ✓ *кьвангIи* «сундук» — *кьуни* (цудах.)
- ✓ *кьвачIа* «сумка» — *кьучIа* (цудах.)
- ✓ *гвалжа* «самка» — *гужа* (муг.), *ккучча* (цудах.)
- нвал* «я один» — *нувал* и *нуал* (акуш.)
- хлвал* «ты один» — *хлувал* (акуш.)
- ✓ *швал* «пять» — *шувал* (муг.)

ЧЕРЕДОВАНИЕ СОГЛАСНЫХ

Чередование согласных наблюдается лишь в диалектах цудахарской группы. Что касается других диалектов, то здесь такого чередования нет, если не считать единственный случай перехода *кI* в глаголе совершенного вида *в-акIес* «прийти» в *ш* в несовершенном виде *в-ашес* «ходить».

В цудахарском диалекте чередуются:

<i>к</i>	<i>с</i>	<i>ч</i>
<i>кI</i>	»	<i>чI</i>
<i>кк</i>	»	<i>чч</i>
<i>хь</i>	»	<i>ш</i>
<i>хьхь</i>	»	<i>щ</i>
<i>г</i>	»	<i>ж</i>

Заднеязычные *к, кI, кк, хь, хьхь, г* в положении перед *и* и *е* переходят соответственно в *ч, чI, чч, ш, щ, ж*:

кабикай «упавший» — *кабичиб* «упал»
вакIай «пришедший» — *вачIе* «приходи»
барккай «нашедший» — *барччиб* «нашел»
вахьай «ходящий» — *ваше* «иди»
абхьхьай «открывший» — *абциб* «открыл»
кайгай «сидевший» — *кайже* «садись».

В местоимении 1-го лица мн. ч. есть тоже чередование *хьхь* и *щ*: здесь в именительном и эргативном падежах будет *хьхь*, в косвенных падежах — регулярно *щ*:

нухьхьа «мы» *нухьхьале* (эрг.) — *нищала* «наши», *нищаб* «нам», *нищашу* — «к нам».

Чередующиеся согласные звуки могут быть оба или лабиализованными или нелабиализованными. Выше мы привели примеры чередования нелабиализованных звуков. Примеры чередования лабиализованных:

баркквай «обмотавший» — *барччвиз* «обмотать»
сарагвай «опередивший» — *саражвиз* «опередить».

Однако, в ряде слов указанные заднеязычные звуки встречаются и перед *е, и*: *кеп* «наслаждение», *белгидихь* «ясность», *аммаки* «но», *вакил* «представитель», *хIяким* «управитель», *тукен* «лавка», *кепек* «копейка», *кираж* «известь», *кира* «аренда», *кесек* «кусок», *кешмиш* «изюм», *тегенек* «шиповник».

Рассмотренные случаи чередования согласных наблюдаются в пределах одного и того же цудахарского диалекта. Если же мы сопоставим различные диалекты, в частности диалекты цудахарской группы с диалектами группы акушино-урахинской, то мы увидим, что ряд согласных этой группы соответствует другому ряду согласных в другой группе; в частности усиленным и удвоенным согласным диалектов цудахарской группы соответствуют обыкновенные простые согласные акушино-урахинской группы; лабиализованные согласные других диалектов и т. д.

ВЫПАДЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

В диалектах акушино-урахинской группы в словах на *л, н, ли, ла* в родит. и эргативном падежах конечные *л, н (ли, ла)* выпадают:

Родит. п.	Эргат.
<i>хьнул</i> «жена» — <i>хьуна</i>	— <i>хьунуй</i>
<i>кьял</i> «корова» — <i>кья</i>	— <i>кьяй</i>
<i>мурул</i> «муж» — <i>мура</i>	— <i>муруй</i>
<i>тIул</i> «палец» — <i>тIу</i>	— <i>тIуй</i>
<i>тIал</i> «столб» — <i>тIа</i>	— <i>тIай</i>
<i>хIяйван</i> «скотина» — <i>хIяйва</i>	— <i>хIяйвай</i>
<i>шайтIан</i> «сатана» — <i>шайтIа</i>	— <i>шайтIай</i>
<i>стакан</i> — <i>стака</i>	— <i>стакай</i>
<i>шин</i> «вода» — <i>ши</i>	— <i>ший, ши</i>
<i>кьяли</i> «ветка» — <i>кья</i> и <i>кьялила</i>	— <i>кьяй</i> и <i>кьялини</i>
<i>чIичIала</i> «змея» — <i>чIичIа</i>	— <i>чIичIай</i>

В словах *хьуна, мура* произошло слияние гласного основы *у* с суффиксом родит. падежа (*хьуна* из *хьунуа*). В губденском диалекте эти согласные не сливаются и произносятся раздельно: *хьунуа, урцуа* «дров» (от *урцул* «дрова»). В урахинском диалекте в результате слияния в подобных случаях получается долгий гласный, напоминающий двойное *оо*: *хьуноо* (или *хьунваа*), *муръоо* (или *муръваа*). В акушинском этот процесс пошел дальше, и в результате долгота исчезла.

Некоторые односложные слова на *л* и двухсложные на *ли, ла* этому правилу не подчиняются.

Родит. п.	Эргат.
<i>пал</i> «треск» — <i>палла</i>	— <i>палли</i>
<i>жал</i> «спор» — <i>жалла</i>	— <i>жалли</i>
<i>Али</i> (имя муж.) — <i>Алла</i>	— <i>Алини</i>
(и <i>Алила</i>)	— <i>Валини</i>
<i>Вали</i> (имя муж.) — <i>Валила</i>	— <i>Валини</i>
<i>хIули</i> «глаз» — <i>хIу</i>	— <i>хIуй</i> (и <i>хIулини</i>)
(и <i>хIулила</i>)	
<i>хIяли</i> «сало» — <i>хIялила</i>	— <i>хIяй</i> (и <i>хIялини</i>)
(и <i>хIя</i>)	

В цудахарском слова на *л, н, ли, ла* всегда имеют полные формы (приводим некоторые слова, данные выше): *хьхьунулла, хьхьунулли; мургулла, мургулли; тIулла, тIулли; хIяйванна, хIяйванни; шайтIанна, шайтIанни; кьялила, кьялили, чIичIалла, чIичIалли* и др.

Как видно, в диалектах акушино-урахинской группы сечение двух *л*, или *н* в одном слове прежде было явлением недопустимым. Такое явление в настоящее время вообще не наблюдается, хотя некоторые новые слова, заимствованные из русского языка, также подвергаются изменениям в родит. и эргативном падежах.

В акушинском диалекте классный показатель I класса в выпадает: после префиксов места *а, ка, са, че, че-в, гба-в, у-в, гбала, гела*, отрицания *хле, хля* и запрещения *ма, ме:*

аэс «дойти вверх» (ср. жен. *а-р-аэс*, сред. *а-б-аэс*; ниже-мудек. муж. *а-в-аис*);

саэс «дойти сюда»

каэс «дойти вниз»

чеэс «увидеть»

хлеклес «не придти» (ср. утвердит. *в-аклес*, жен. *хле-р-аклес*)

макляб «пусть не придет» (ср. утверд. *в-акляб*, жен. *ма-р-акляб*)

ме-б-кляб «пусть не умирает» (жен. *ме-р-ебкляб* утверд. *в-ебкляб*);

хлякбун «не ходил» (жен. *хля-р-якбун*, утверд. *в-якбун*)

а-й-эс «сесть верхом» (жен. *а-р-иэс*)

челхэс «нападать» (жен. *че-р-улхэс*)

Наблюдения показывают, что классный показатель в выпадает после префиксов, оканчивающихся на *а, э, (е)*. После префиксов оканчивающихся на *и* и именных частей глаголов в не выпадает, за исключением случая, когда после *в* идет *у*, в этом случае в не сохраняется ни в одном диалекте даргинского языка:

гба-в-иэс «опередить» (жен. *гба-рр-иэс*)

гела-й-кес «отстать» (ж. *гела-р-икес*)

Но после *и* согласный в сохраняется:

чеди-в-икес «победить» (ж. *чеди-р-икес*)

В сложных глаголах после именной части в акушинском перед *а (я), е, и* показатель в опускается факультативно:

таман-и-эс «кончиться» и *таман-в-иэс*;

пикри-и-клес «думать» и *пикри-в-иклес*;

тамаша-и-эс «удивиться» и *тамаша-в-иэс*;

луклес-я-хлэс «начать писать» и *луклес-в-яхлэс* и др.

Но:

хала-в-аэс «вырасти» (показатель в сохраняется)

хляйран-в-арес «удивить»

Так же обстоит дело после префиксов, оканчивающихся на классный показатель в, если в начале самого глагола является гласный *а*, а не *и, е* или *а(я)*:

че-в-алклес и *че-вв-алклес* «заблудиться».

гба-в-аклес и *гба-вв-аклес* «навестить»

Но всегда с одним *в*: *че-в-улклес* «заблуждаться», *гба-в-и-клес* «наведываться».

В мугинском диалекте в сложных глаголах в опускается факультативно и перед *а*:

хлула-а-кыс «уважать»

тамаша-а-ркыс «удивить» и другие.

В других диалектах в сложных глаголах перед *и, е, а(я)* показатель в выпадает.

В цудахарском в выпадает и перед *е(э)*:

Акуш.

в-ебклес

в-елкэс

но сохраняется в словах:

в-егI

вецIал

Цудах.

эбчIиз «умереть».

элкэиз «насытиться»

в-егI «хозяин»

вецIал «10»

Классный показатель *д* после префиксов места *а, са, ка*, отрицания *хле (хля)*, запрещения *ма (ме, мя)* в акушинском выпадает вместе с гласным регулярно. Поэтому в этом диалекте отдельные формы множ. числа совпадают с формой ед. числа мужского класса. Ни в одном другом даргинском диалекте, такое выпадение не наблюдается.

Акушинск. диалект		Урахин. диалект	
Мужск. класс I	Жен. класс II	Класс „д“ IV	Класс „д“ (мн. ч.)
<i>аиб</i> „дошел вверх“	<i>араиб</i>	<i>аиб</i>	<i>адаиб</i> „дошли“
<i>хлеклиб</i> „не пришел“	<i>хIараклиб</i>	<i>хIекиб</i>	<i>ахIдаклиб</i>
<i>майрид</i> „не сделай“	<i>маррид</i>	<i>майрид</i>	<i>мадикьуд</i>
<i>авцес</i> „поднять“	<i>аруцес</i>	<i>авцес</i>	<i>адущис</i>
<i>ваклес</i> „прибыть“	<i>раклес</i>	<i>баклес</i>	<i>даклис</i>

Выпадение *д*, как видно из примеров, здесь не ограничивается никакими гласными, следующими после *д*, подобно тому, как таковое ограничение имеет место по отношению к показателю *в*.

В даргинском языке во многих случаях наблюдается выпадение гортанных согласных *гI, хI, гь, ʒ* (гамза).

В акушинском наблюдается выпадение надгортанниковых *гI* и *хI* в наречиях и т. п.:

хэайгIи и *хэайи* «домой» (*хэали* «дом»)

баххIи и *бахэи* «долго»

цархIил и *царил* «другой»

ишбархIи и *ишбари* «сегодня»

В акушинском диалекте гамза (*ʒ*) почти везде редуцировалась в то время, как в урахинском она сохранилась как фонема:

Урах.

байʒ

клиʒна

но:

диʒ

Акуш.

бай

клина

ниʒ «молоко»;

диʒ «мясо»;

миѳ
маѳмаѳ

В левашинском говоре акушинского диалекта звуки *гI* и *хI* отсутствуют. В этом говоре *гI* перед гласными *и, у, е* выпало, а после гласного перешло в *ѳ*; что касается *хI*, то в этом говоре этот звук заменен гортанным *ѳь*:

Акуш.
гIемс
гIинц
гIехIен
вегI
дугI
шулагIи
хIу
хIули
хIеркI
хIе
гехIел

миѳ «лѳд»
маѳмаѳ «заикание»

Леваш.
имс «мышца»
инц «яблоко»
эгьен «нет, не есть»
веѳ «хозяин»
дугь «вон, прочь»
шулѳи «около»
гьу «ты»
гьули «глаз»
гьеркI «река»
гье «кровь»
гегьел «8», и т. д.

АССИМИЛЯЦИЯ СОГЛАСНЫХ

Ассимиляция согласных наблюдается главным образом в отношении звуков сонорных *р, л, н, м*, и отчасти между звуком *б* и сонорными *н, м*. В акушинском диалекте наблюдается лишь регрессивная ассимиляция между *р* и *л*: *мар* «правда» — *марли* «правда, правильно» (произносится *малли*).

✓ *кьар* «трава» — *кьарли* (*кьалли* эргатив).

Звукосочетание *рл* подвергается ассимиляции не только в пределах одного и того же слова, но и на стыке двух слов, например:

кьар лакIдарес «обмотать травой» (произносится: *кьал лакIдарес*).

Ассимиляция *рл*, дающая *лл*, наблюдается не только в исконно даргинских словах, но и в новых заимствованиях:

тракторла (слышится: *трактолла*)

секретарьли (слышится: *секретальли*) и т. д.

Что касается сочетания *рл*, то в акушинском диалекте эти звуки друг другу не ассимилируются:

лявкьули «идя» — *лявкьула* «я иду», *чебиули* «видя» — *чебиулри* «ты видишь»

кьял «корова» — *кьяла* «и корова».

В урахинском же диалекте *р* ассимилируется звуку *л*, стоящему перед ним, например:

ливкьяли «идя» — *ливкьялла* «я иду»

кIвелла «оба» (из *кIвелра*)

Иначе обстоит дело в муиринском и кубачинском диалектах. В муиринском диалекте из *р* и *л* ассимилирует тот звук, который стоит (регрессивная ассимиляция):

рл — *лл*;

рл — *рр*;

Например: *малли* (из *марли*) «правда»; *багьулли* (из *багьурли*) «узнав»; *ливкьярра* (из *ливкьялира*) «иду»; *викIурра* (из *викIулира*) «говорю».

В кубачинском *рл* дает *рр*: *ГIямарри* (эргат. от *ГIямар* «Омар»).

В урахинском диалекте имеется регрессивная ассимиляция на расстоянии: звук *л* ассимилирует здесь *р*, стоящий перед согласным, за которым следует *л*:

арѳ «черенок» — *алѳла* (родит. п.)

хIарѳ «комар» — *хIалѳла* (родит. п.)

урхI «люди» — *улхIла* (родит. п.)

хIаркI «река» — *хIалкIла*

✓ *бирхIа* «желтый» — *билхIли* (нареч.)

варх «вместе» — *валхли* и *вархли* (нареч.);

Ассимиляция на расстоянии наблюдается и в губденском диалекте между *м* отрицательного префикса *ма* и классным показателем *-б-*, идущим за отрицательным *ма*:

лайбакIа «брось» — *лаймамикIа* «не бросай»

бара «сделай», *бирид* «сделаешь» — *мамири* «не делай».

Ассимиляцию на расстоянии мы встречаем также в словах:

жууж (муг.) из *жуз* «брошюра, книжка»

шалбар «шаровары» (акуш.) — *шарбар* (муг.)

Регрессивная ассимиляция *рл* характерна для всех диалектов не цудахарской группы. Что касается цудахарской группы даргинских диалектов, в частности цудахарского диалекта, то здесь между *р* и *л* ассимиляция вообще не происходит и они сохраняются без всяких изменений:

марле «действительно, правильно», *кьарле* «травой» и др.

В цудахарской группе диалектов мы имеем прогрессивную ассимиляцию в звукосочетании *нл*, где *н* ассимилирует последующий *л*:

цин «вода» — родит. *цинна* (из *цинла*)

Ленин — эргат. *Ленинни*

инсан «человек» — родит.: *инсанна*

хIайван «скотина» — *хIайванна* и др.

Подобную ассимиляцию мы наблюдаем и в урахинском диалекте:

аакIун «родился» — *аакIунна* «с тех пор, как родился» (из *акIунла*).

В урахинском диалекте подвергается ассимиляции звукосочетание *нр*:

билкIун «он написал» — *билкIунна* «я написал» (из *билкIунра*).

аакIун «родился» — *аакIунна* — «я родился»

унна «сосед» — (акуш. *унра*)

Что касается звуко сочетания *лн*, то здесь в настоящее время ассимиляция не наблюдается ни в одном диалекте, но такая ассимиляция в звуко сочетании *лн* имеет место в «окаменелой» форме составных числительных от 31 до 99;

хІябцІали «30» — *хІябцІанну цара* «31»

авцІали «40» — *авцІанну шура* «45»

Звуко сочетание *бм* слышится, как *мм*: звуко сочетание *нб* слышится, как *мб* (регрессивная ассимиляция):

хІяб «три, тройка» — *хІябмузан* «треугольник» (слышится: *хІяммузан*).

вакІиб «пришел» — *вакІибмад* «как только пришел» (слышится: *вакІиммад*) и др.

В урахинском диалекте наблюдается еще другой вид ассимиляции, где *нд* дает *мм*:

къяна «ворона» — *къяммми* (м. ч., акуш. *къянби*)

хъяни «дуб» — *хъяммми* (мн. ч.; акуш. *хъянби*)

кьянъи «сундук, ларь» — *кьяммми* (мн. ч., акуш. *кьянби*)

бамма «вата» (акуш. *бамба*) и др.

ДИССИМИЛЯЦИЯ СОГЛАСНЫХ

Ярко выраженная диссимилиация согласных наблюдается в цудахарском диалекте, где *р*, *д*, *л* в положении перед *р* переходят в *н*:

Мажид (имя) — *Мажинра* «и Мажид»; *АхІмад* (имя) — *АхІманра* «и Ахмед» и др.

чІвел «два» — *чІвенра* «оба»;

кьяял «корова» — *кьяявра* «и корова»;

ванри «верблюды» — (акуш. *валри* «урах. валли»)

гІур «потом» — *гІунра* «еще»;

мар «правда» — *манра* «и правда»

В акушинском диалекте имеется своеобразное явление диссимилиации: показатель множественности *луми* после *л* основы принимает форму *руми*:

къяла «крепость» — *къялруми* (урах. *къяллуми*).

ула «сито» — *улруми* (урах. *уллуми*)

къяла «кусочек» — *къялруми* и *къялми* (урах. *къялми* и *къяллуми*).

Наконец имеются в даргинском языке явления, напоминающие диссимилиацию на расстоянии: один из двух *р* или двух *н* переходит в *л*:

билзин «бензин»;

зарал «вред, ущерб» (из *зарар*)

кьяркъяла «тело» (из *кьяркьяра*)

Губдел «Губден» — *губделан* «губденец» (в произношении отдельных лиц: *губденан*).

МЕТАТЕЗА

В литературном диалекте метатеза особенной роли не играет. Здесь мы наблюдаем лишь факультативную перестановку звуко сочетаний *бр*, *бл* и др. Если сопоставить слова отдельных диалектов между собою, то мы здесь находим ряд слов, где происходит перестановка звуков.

Приводим различные примеры метатезы:

Ирбагъин Ибрагъим (имя муж.)

хІяб «могила» — *хІярби* (мн. ч.)

Жирбаил (цудах.) — *Жабраил* (имя муж.)

Илбис, — *иблис* «сатана»;

абзар, — *азбар* «двор»

чурук (бутр.) — *чукур* (*чукурбарес* «собрать»)

агъзин (муг.) — *азгъин* (акуш.) «ленивый»

динавхана (муг.) — *диванхана* «присутствие, суд»;

махсара (муг.) — *масхара* (акуш.) «шутка»;

ябсан (муг.) — *янсав* «порох»

шакяг (муг.) — *шикаяг* «жалоба»

УДАРЕНИЕ

Вопрос об ударении в даргинском языке еще совершенно не изучен. «Законы даргинского ударения... дело еще предстоящих работ» — писал Л. И. Жирков в 1927 году, в своей грамматике даргинского языка, Г. Ш. Гаприндашвили, исследовавший цудахарский диалект, в своей статье «Фонетические особенности цудахарского диалекта» (Сборник «Языки Дагестана», изд. Даг. Базы АН СССР, Махаçкала, 1948 г., стр. 108—136) ничего не говорит об ударении, хотя ударение в этом диалекте выражено довольно ярко и своими законами и особенностями резко отличается от ударения в диалектах акушино-урахинской группы, с которыми автор названной статьи сравнивает цудахарский диалект в отношении фонетических особенностей.

Поэтому в этом разделе грамматики, можно сделать лишь первую попытку изложения законов и особенностей ударения в даргинском языке.

Характерной особенностью ударения в даргинском языке является то, что оно акустически слабо выражено, мало заметно; в акушинском и урахинском диалектах иногда даже трудно установить, на каком слоге стоит ударение. Определение ударения в урахинском диалекте осложняется и тем обстоятельством, что этот диалект изобилует долгими гласными. Что же касается акушинского диалекта, то между говорами различных селений существуют различия в ударении.

Иначе обстоит дело в диалектах мекегинской и цудахарской групп. В диалектах мекегинской группы ударение

выражено яснее, чем в диалектах акушино-урахинской группы, хотя оно и здесь не имеет ни словообразовательных, ни словоизменительных функций. Представители этих диалектов никогда не сомневаются в том, на каком слоге стоит ударение, которое здесь почти всегда находится на втором слоге от начала слова.

Яснее всего ударение выражено в диалектах цудахарской группы. В частности, в самом цудахарском ударение выражено настолько ясно, что любой представитель этого говора без колебания скажет по поводу любого слова, где стоит ударение. Такое положение объясняется тем, что ударение в этих диалектах играет определенную роль и в словообразовании, и в словоизменении. Ударение в диалектах цудахарской группы бывает не всегда на первом слоге, как в акушино-урахинской группе и не на втором от начала, как в диалектах мекегинской группы, а на различных слогах; оно передвигается с одного слога на другой, в зависимости от формы и значения слова.

Такая отчетливость ударения в диалектах цудахарской группы помогает нам разрешить вопрос об ударении и в акушино-урахинских диалектах, так как в обеих группах диалектов имеется много общих слов, отличающихся лишь местом ударения. Приведем примеры:

Акушинское произношение	Мугинское произношение
та'вра «сумка»	тавра'
ба'гьур «знал»	баг'ьур
у'рчи «лошадь»	урчи'
у'рши «сын»	урши'
ру'рси «дочь»	рурси'
ва'ргьи «бурка»	варгьи'
у'нра «сосед»	унра'
та'бтар «книга»	табта'р и др.

Урахинское произношение	Нижнемулебкинское произношение
би'лкIун «написал»	билкIун
ба'гьур «узнал»	баг'ьур
бу'риб «сказал»	бури'б

В акушино-урахинской группе диалектов и в диалектах мекегинской группы ударение имеет постоянное место: первый слог в акушино-урахинской, и второй — в мекегинской группе, с незначительными отклонениями.

В диалектах цудахарской группы от смены места ударения изменяется и значение слова, чего нет в других диалектах:

са'бухъун «подался вперед» — сабу'хъун — «побежал сюда»

ва'чIиб «пришел» — вачIи'б адим «человек, который пришел»

гIя'йкку «не люблю» — гIяйкку' душман «не любимый, враг»

че'ббатиз «скинуть» чеб ба'тиз «оставить наверху»

ба'кIри «нарыв» — бакIри' «приход»

да'сни «клей» — дасни' «наклеивание»

Необходимо отметить, что в даргинском языке ударение имеют не все слова. В служебных словах, сочетающихся с самостоятельными словами и в утвердительной связке саби, сари «есть» и т. д. ударение отсутствует. Что же касается отрицательной связки axlen «нет, не есть», то она всегда несет на себе ударение. Некоторые слова употребляются и в функции самостоятельного слова, и в функции служебного слова, во втором случае они теряют ударение.

Самостоят. слова

и'ли «так скажи» (и'ли — наречие)

са'би ба'кIиб «сами пришли»

кьацI би'алли «если будет хлеб»

се'кIал агара «нет ничего»

Служебн. слова

ваши или а' «скажи, иди» (или' частица)

иш та'бтар саби «это есть книга»

кьацI биалли «что касается хлеба»

ча'й секIал агарав? «нет ли чая или чего-нибудь подобного?» (секIал — частица)

нушала учительти и'лди бири «наши учителя были они (бири — связка).

илди ишаб би'ри «они ходились здесь (би'ри — сказуемое)

Отсутствие ударения на служебных словах в сочетании их с самостоятельными словами объясняется тем, что служебное слово, дополняя предыдущее самостоятельное, как бы сливается с ним в единое целое с одним ударением.

Наряду с безударными словами в даргинском языке часто наблюдаются сложные слова с двумя ударениями. Например, слово та'манбиуб «закончился» имеет одно ударение, а отрицательная и вопросительная форма этого глагола имеет два ударения — та'манхIе'биуб «не закончил», та'манбари'бу! «закончил ли?»

Это относится почти ко всем диалектам, в том числе и к цудахарскому.

Дав общее представление об ударении в даргинском языке, мы остановимся на особенностях ударения в отдельных диалектах. Начнем с ударения в акушинском (литературном) диалекте.

Как мы уже говорили, ударение в этом диалекте всегда стоит на первом слоге слова за некоторыми исключениями. Ни при словоизменении, ни при словообразовании ударение не меняет своего места.

ду'деш «отец», *дудешла* «отца», *ду'дешдеш* «отцовство»,
ду'дешуни «отцы».

ах'гли «высоко», *ах'си* «высокий», *ах'деш* «высота»,
ва'к'либ «пришел», *ва'к'либси* «пришедший», *ва'к'лили* «при-
ходив», *ва'к'лини* «приход».

Исходя из этого положения, можно сказать, что ударение в акушинском диалекте служит для выделения слова во фразе. Но кроме этой основной функции, ударение выполняет функции логического ударения. Это видно из того, что изменение смысла предложения — при вопросе, отрицании, запрете — ударение переходит на следующий слог или же слово приобретает еще одно ударение, стоящее на отрицательном (или запретительном) префиксе при отрицании или запрещении, или на втором слоге простого глагола при вопросе.

В отрицательных и запретительных формах глагола ударение всегда стоит на показателе отрицания или запрещения:

ва'к'лес «прийти» — *х'ле'к'лес* «не прийти»
че'баэс «увидеть» — *чех'ле'баэс*
ле'х'лах'тэс «послушать» — *лех'лех'тэс*
х'ле'рэс «посмотреть» — *х'лех'ле'эс*
у'бих'тэс «подложить» — *ух'ле'бих'тэс*
ка'бикес «упасть» — *ках'ле'бикес*
х'ле'р'га «посмотри» — *х'лерма'йрид* «не смотри»
ка'са «бери» — *кама'йсид*

Если глагол является сложным, состоящим из именной части со своим ударением или состоит из простого глагола и продуктивного префикса места, то в этом случае глагол будет иметь два ударения — одно на показателе отрицания или запрещения, другое на именной части или префиксе:

та'манбарес «закончить» — *та'манх'ле'барес* «не закончить»

ни'криух'тэс «подумать» — *ни'крих'ле'вх'тэс*
че'дишкес «победить» — *че'дих'ле'йкес*
гья'лабикес «опередить» — *гья'лах'ле'бикес*
та'манбара «кончай» — *та'манма'бирид* «не кончай»
ни'кримбара «подумай» — *ни'крима'бирид*

В вопросительной форме ударение стоит на втором слоге с начала слова:

Утвердительн.

леб «имеется»
сай «(он) есть»
ах'лен «не есть, нет»
саби «есть»
вак'либ «пришел»
бициб «продал»

Вопросит.

лебу'? «имеется ли?»
саю'?
ах'ле'ну'?
саби'в'?
вак'ли'бу'?
бици'бу'?

В сложном глаголе с именной частью со своим ударением и в глаголе с продуктивным префиксом места при вопросе ударение стоит и на именной части или префиксе, и на втором слоге собственно глагола, как при отрицании:

та'манбиу'бу? «закончено ли?»
ни'кримбари'бу? «придумал ли?»
гья'лабикибу'бу? «определил ли?»

Когда глагол в вопросительной форме сопровождается вопросительным местоимением, ударение остается на первом слоге, но теряет свою силу:

вя'к'юнра «(я) посетил» — *чи'на вя'к'юнри?* «Куда ходил?»

бе'лк'лун «написал» — *се'белк'луна?* «что написал?»

Если вопрос состоит из двух вопросительных форм — положительной и отрицательной с отрицанием *х'ле* (*х'ля*) или *ах'лен*, то ударение переходит на второй слог лишь в той вопросительной форме, которая стоит первой.

саби'в, ах'ле'ну? «да или нет?»

барри'в, х'ле'барри? «сделал или не сделал?»

Если же одна форма вопроса состоит из глагола *агара* или обе формы положительные или обе отрицательные, то ударение в обеих формах остается на своем обычном месте, то есть на первом слоге:

ле'бу, а'гарав? «есть или нет?»

к'гача бе'бк'либу, би'цирив? «телка сдохла или продали?» (ср.: *лебу'?* *ага'рав?* *белк'ли'бу?* *бици'рив?* — при отдельном употреблении каждого слова).

Наблюдаются и другие случаи отклонения от общего правила перехода ударения при вопросе на второй слог, например, в вопросительной форме в значении приветствия, что часто бывает в даргинском языке:

ве'лх'лунрив? «проснулся ли?» т. е. «с добрым утром»,

ва'к'лирив? «пришел ли?» т. е. «с приходом» или «с приездом».

Тоже самое необходимо сказать и о функции ударения как в урахинском диалекте, так и в мекегинской группе диалектов.

Ударение, выделяя слова во фразе, может служить, как было упомянуто выше, надежным признаком слияния отдельных слов в одно сложное слово. При слиянии двух слов второе слово теряет ударение, например:

ба'рес «сделать» — *та'манбарес* «закончить»
ду'х'тэс «выйти» — *х'ля'здух'тэс* «понравиться»
у'х'тэс — *ни'криух'тэс* «подумать»
ви'кес — *че'дишкес* «победить»
бу'цес «держатъ» — *а'х'тбуцес* «поднять»
бу'хес «поднести» — *а'рбухес*

ахъ (неоформленное прилагательное), «высокий»; *дубур* «гора» — *а'хъдубур* «высокая гора»

гя'ргля «курица», *да'гъа* «петух» — *гя'рглядагъа* «домашние птицы»;

В приведенных выше примерах отдельные слова, если судить по ударению, сливаются в одно слово, хотя некоторые из них в даргинском письме пишутся раздельно.

То, что сочетания типа *му'рул адам*, *хьунул адам*, *а'хъдубур* и др. являются сложными словами, а не сочетаниями определения с определяемым видно из того, что такие определения, являющиеся неоформленными прилагательными или существительными, не могут отвечать на вопрос определения *сегъуна?* «какой», *чиди?* «который». При постановке вопроса к таким определениям: какой человек?, какая гора? — приходится отвечать или определением вместе с определяемым, или же оформленным прилагательным от этих же основ (*му'рул адам* или *му'рулси*, *хьунул адам* или *хьунулси*, *а'хъдубур* или *а'хъси*).

Но ударение как показатель слияния двух слов для решения подобного вопроса пригодно не всегда. В даргинском языке первая часть сложного слова, даже продуктивный префикс места, может обособляться. Тогда сложное слово произносится с двумя ударениями.

Это мы наблюдаем, когда между обеими частями сложного глагола вставляются сторонние слова или к именной части ставится определение:

та'манра ба'рес ба'рхъра ба'рхъес «и закончить и отправить»;

ни'крира ба'рес, бе'лкIра бе'лкIес «и подумать и написать»;

та'ман къалли ба'рра, амма... «закончить-то закончил, но...»;

В связной речи в акушинском и других диалектах наблюдается еще ударение долготы последнего слога слова, связанного по смыслу со следующим словом или словами.

Например, когда мы перечисляем слова *у'зи, ру'зи, са'ри*, — ударение слышится на первых слогах. Если же эти слова мы включим в связную речь и скажем: *ру'зи хъайгIур сари, у'зи хIанчилав сай* «сестра дома, брат на работе», то вместе с силовым ударением, слышимым на первых слогах, мы слышим и долготу последних слогов в словах *рузи, сари, узи*.

Когда мы говорим *ну ва'клира* «я пришел», ударение слышится в слоге *ва'*; если же скажем: *ну ва'клира', Али арякъун* «я пришел, а Али ушел, ударение будет слышно и на *ра'*.

Перейдем к вопросу об ударении в диалектах цудахарской группы. В отличие от акушино-урахинского типа диалектов, в диалектах цудахарской группы ударение может быть как на первом, так и на втором слоге от начала слова:

Акушинск.

а'нкIи «пшеница»

чIя'нкIи «материя»

ма'за «овца»

у'рчи «лошадь»

ва'лри «верблюд»

бугъа' «бычок»

у'рши «сын»

ру'рси «дочь»

Цудах.

а'нчи (ударение на первом слоге)

чIя'нчи

ма'цца

урчи' (ударение на втором слоге)

ванри'

бугъа'

урчи'

рурсси'

В ряде слов, в частности, в сложных словах, в именах людей, — ударение встречается и на третьем, на четвертом и т. д. слогах:

каби'чиб «упал» — *кабика'хъиб* «уронил, свалил».

къала'баичиб «поспешил»

зими'зала «муравей» — *зимизле'* (мн. ч.)

хIя'я'аквар «бесстыжий» — *хIя'я'кварди'хъ* «бесстыдство»

агIни'ахъала «утварь» — *агIниахълуме'* (мн. ч.)

Разия'т (жен. имя)

МухIямма'д (муж. имя)

гIябаси' «20 коп.»

зулмука'р «тиран, угнетатель»

жагъанна'б «ад»

хIярака'т «старание».

В каких именно словах ударение стоит на первом слоге, установить для цудахарского диалекта пока удастся не всегда, тем не менее известно следующее:

В двусложных прилагательных и наречиях, в глаголах двусложной основы, в простых двусложных числительных (*хIя'бал* «3», *хьу'вал* «5», *кке'хIел* «8», *ве'цIал* «10», *да'рщал* «100») ударение стоит на первом слоге:

ахъсе «высокий»

вя'се «плохой»

а'хIсе «хороший»

цIа'късе «сильный»

ахъле «высоко»

вя'ле «плохо»

а'хIле «хорошо»

цIа'къле «сильно»

бе'лкIун «написал», *бе'лчIвиз* «написать», *лу'кIара* «написет»

бе'лкIанне «если напишет», *бе'лкIунне* «написав», *бе'лкIун-къалле* «когда написал» и т. д.

Если прибавить к двусложной основе положительного глагола без отрицательного или усилительного префикса односложную именную часть или продуктивный префикс места, то ударение опять будет стоять на первом слоге, т. е. на именной части или префиксе:

гу'рухъис «освободиться»

че'бухъиз «напасть»

къя'вижиз «посмотреть»

ле'хIахъиз «послушать»
тIа'ишицциз «остановиться»

Но:

гукаби'уциз (усил. ка)
гуГIяби'уциз (отриц. ГIя)

Что касается существительных, то двусложные простые существительные с гласным исходом, частью имеют ударение на втором слоге, частью на первом. Пока не удастся установить, в каких именно существительных ударение стоит на первом слоге. Можно отметить лишь то, что двусложные существительные с гласным исходом имеют ударение на первом слоге.

Кроме того, в производных существительных с окаменелыми суффиксами *ни* и *ри* ударение стоит на первом слоге:

да'сни «клей» (от *дассиз* «склеить»)
да'хри «ум, опыт» (от *дахвиз* «узнать много»)
гьа'хъри «сила возможность» (от *гьахъиз* «справиться»)

Число существительных с ударением на первом слоге этим не исчерпывается. Встречаются и другие производные, в частности, сложные, существительные с ударением на первом слоге, например:

си'кIал «вещь» (от *си?* «что»)
чи'кIал «лицо, человек» (от *чи?* «кто»)
ва'яхI «вещи» (от *вай* «зло», плохое *ахI* «добро хорошее»)
су'скьаьари «горло» (от *сус* «пишевод», *кьаьари* «гортань»)
да'ркмах «внутренности»
пя'лпялак «осина» и некоторые другие.

В диалектах цудахарской группы двусложные слова с гласным исходом по ударению отличаются как от двусложных с согласным исходом, так и от слов с количеством слогов более двух.

В двусложных именах с гласным исходом при склонении ударение с первого слога переходит на второй, если имя означает живое существо, например:

кку'ртта «лиса» — *куртта'ла* (род. пад.), *ккуртта'з* (дат.);
ва'ца «мышь» — *ваца'ла* (род.), *ваца'ле* (эрг.), *ваца'з* (дат.);
ккеч'ба «козленок» — *ккечба'ла* (род.), *ккечба'з* (лат.);
кка'та «кот, кошка» — *кката'ла*, *кката'з*.

Из этого правила исключаются:

би'кьри «свидетель» — *би'кьрилла*, *би'кьрилиз* (ударение не сдвигается). Из неодушевленных предметов под это правило подходит слово *ва'цIа* «лес», *вацIа'ла*, *вацIа'з* (ударение переходит).

Слово *ма'цца* «овца» употребляется и в собирательном значении в значении «о'вцы». Когда подразумевается одна овца, то слово *ма'цца* подчиняется вышеизложенному правилу

и ударение в косвенных падежах стоит на втором слоге, в собирательном же значении ударение остается на первом слоге:

мацца'ла ккули «овечья шкурка»
ма'ццала букIун «чабан» (букв.: пастух овец).

В цудахарском диалекте передвижением ударения к началу слова образуется звательная форма:

ттутте'иш «отец» — *гьей, тту'ттеиш!* «эй, отец!»
уцици' «брат» — *гьей, у'цици!* «эй, брат!»

МухIямма'д «Магомед» — *гьей, МухIяммад!* «эй, Магомед!»

Исключение составляют сложные имена, как *Аликьурбан* «Али-курбан», *ХIяжсали* «Гаджи-Али», *КьурбанмухIяммад* «Курбан-Магомед» и др., в которых ударение не переходит на другой слог.

В косвенных падежах склонения с внутренней флексией вообще ударение с первого слова переходит на второй: *хъа'ли* «дом, комната», — *хъули'* «домой, в комнату», *хъули'в* «дома»; *ГIямзи* «угол» — *ГIямза'ни* «в угол»; *а'нкъи* «очаг» — *анкъа'ни* «в очаг».

При образовании множественного числа ударение переходит на суффикс множественности:

ади'м «человек» — *адимте'*
хIяйва'н «скотина» — *хIяйванте'*
колхо'з «колхоз» — *колхозуне'*
тра'ктор «трактор» — *тракторте'*
учи'тель «учитель» — *учительте'*

Исключение составляет суффикс *хъали*, образующий специфическое множественное число собственных имен: здесь ударение на суффикс множественности не переходит:

АхIма'д «Ахмед» — *АхIма'дхъали* «Ахмедовы» (Ахмед с его семьей или с товарищами).

Али' «Али» — *Али'хъали* «Алиевы».

В цудахарском диалекте перенесением ударения на следующий слог от глагола образуется «неоформленное» причастие:¹

ва'чи'иб «пришел» — *вачи'иб ади'м* «пришедший человек»;
ГIяй'икку «не люблю» — *ГIяйкку' душма'н* «нелюбимый» (ненавистный) враг.
икку «люблю» — *икку' уцици* «любимый брат» и др.

При образовании имени от глагола (отглагольное существительное, причастие), посредством продуктивных суффиксов ударение передвигается с первого слога к концу слова: на предпоследний или на последний слог (т. е. на суффикс).

¹ Это причастие мы условно называем неоформленным, так как в нем нет суффикса причастия, на самом же деле оно оформлено именно перенесением ударения.

Отглагольные существительные:

ва'члиз «прийти» — *вак'ли* «приход»
ле'х'лахъиз «молчать, слушать» — *лех'лахъри'*, *лех'лахъни*.
ба'хахъиз «дать узнать» — *бах'лахъни* и *бах'лахъри'*

Причастия:

вак'ла'й, *рач'ли'бсе* «пришедший»
баха'й, *баху'рсе* «знавший»
лех'лихъа'н «слушающий»

Формы именного образования:

ду вак'ла'ра «до моего прихода»
баха'ра «до узнавания»
вач'ли'бматтал, «как только пришел»
баху'рматтал «как только узнал»

Как видно из примеров, ударение стоит на суффиксах *ни*, *ри*, *ай*, *ара*, *ан*; при остальных суффиксах ударение стоит на втором слоге от конца слова.

Формы *вак'ла'ра*, *баха'ра* соответствующие акушинским *вак'лайчи*, *багъайчи*, урахинским *вак'ларашни*, *багъарашни*, в даргинской грамматике рассматриваются как наречно-деепричастные. Повидимому, они имеют именное происхождение, и являются направительными падежами отглагольного имени.

Форма *ва'чи'убкьвалле* «когда пришел» также происходит от причастия и послелога *кьвалле* со значением «когда», но в этом случае в цудахарском диалекте почему-то ударение на следующий слог не переходит:

ба'хур — *ба'хуркьвалле* «когда узнал»
гъа'йциур — *гъа'йциуркьвалле* «когда встал»

В простом глаголе (без продуктивного префикса места) ударение стоит на втором слоге от конца слова (на первом, на втором или третьем от начала слова):

би'чиб «попался»
каби'чиб «упал»
чиба'жиб «увидел»
чег'ляба'жиб «не увидел»

Если к такому глаголу прибавить именную часть или продуктивный префикс места, то ударение переходит в именную часть или префикс:

ни'крибаркьиз «подумать»
т'лала'ббаркьиз «подыскать, потребовать»
ле'х'лахъиз «послушать, замолчать».
сала'ичиз «опередить».

Глагол *та'манба'ркъиз* произносится двояко: с одним ударением на именной части *та'ман* и с двумя ударениями — на именной части и на самом глаголе *ба'ркъиз*.

Переход ударения на именную часть глагола или продуктивный префикс имеет место лишь в том случае, когда сам

глагол состоит из двух слогов без отрицания и без усилительного префикса *ка*. В противном случае, т. е. если глагол имеет при себе отрицание, усилительный префикс *ка*, или он состоит более чем из двух слогов, то ударение остается на глаголе. При этом именная часть или префикс в свою очередь может иметь свое ударение (если они состоят из двух или более слогов). Тогда глагол будет иметь два ударения, причем первое ударение слабее второго, глагольного:

ни'крибаркьиз — *пикриг'ляба'ркъиз* «не думать» (отрицание)

т'лала'ббаркьиз — *т'лалабг'ляба'ркъиз*

сала'ичиз — *салака'йчиз*

тила'баркьиз «попросить» — *тилабаркьибид'* (вопросит. форма).

Исключение составляет каузатив с суффиксом *ахъ*, в котором, несмотря на наличие в глаголе более двух слогов, ударение стоит на именной части или продуктивном префиксе места:

ни'крибаркьиз — *ни'крибаркьахъиз* «заставить подумать»
белк'ла'хъун «заставил написать», *белк'ла'хъунда* (1 л.),
белк'ла'хъунде (2 л.), *лук'ла'хъад* (буд. 1 л.), *лук'ла'хъатте* (2 л.), *лук'лахъара* (3 л.).

Если от каузатива образовать имя посредством суффиксов *ни*, *ри*, *ай*, *ара*, *ан*, — то ударение будет не на суффиксе *ахъ*, а на этих суффиксах: *белк'лахъни'*, *белк'лахъри'*, *белк'лахъа'й*, *лук'лахъа'н*.

При образовании имени продуктивными суффиксами *ла*, *дихъ*, *кан*, *лан*, *ан* и др., ударение всегда передвигается к концу слова; при суффиксе *ла* — на второй слог; при суффиксе *дихъ* тоже на второй слог, или на самый суффикс, при суффиксах *кан*, *лан*, *ан*, *чи*, на эти суффиксы:

гут'ти «вниз» — *гутти'ла* «низ»
чет'ти «вверх» — *четти'ла* «верх»
г'е'лли «назад» — *г'ела'ла* «зад»
ади'м «человек» — *адимди'хъ* «человечность»
ах'л (основа) — *ах'лди'хъ* «добро»
умзу' (основа) — *умзуди'хъ* «чистота»
Ахъу'ица «Акуша» — *ахъуица'н* «акушинец».
Лаваша «Леваши» — *лавашака'н* «Левашинец»
туке'н «лавка» — *тукенчи'* «лавочник»
дала'й «песня» — *далайчи'* «певец»
къала'й «олово» — *къалайчи'* «лудильщик»

Нужно отметить, что не все закономерности ударения цудахарского диалекта, изложенные выше, применимы к ударению в других диалектах этой группы. Например, образование звательного падежа посредством передвижения ударения к началу слова является отличительной чертой лишь цудахарского говора.

МОРФОЛОГИЯ

КЛАССЫ И КЛАССНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ.

Во всех разделах грамматики даргинского языка приходится иметь дело с классными показателями. Поэтому мы сразу же познакомимся с ними.

Как известно, горские языки Дагестана отличаются тем, что имена существительные в них делятся на несколько классов, причем каждому классу присущ свой особый классный показатель. Классные показатели выступают в речи в грамматических формах некоторых падежей, именах прилагательных, глаголах и наречиях. При этом согласование по классным показателям в составе целого предложения указывает на грамматическую связь слов членов предложения между собою.

Число классов в различных дагестанских языках различно. В даргинском языке имеются три грамматических класса и четыре классных показателя, которые выражают формы того или другого рода (мужского, женского и среднего) и отличаются множественное число от единственного.

Классные показатели даргинского языка следующие:

- в — мужского рода
- р — 1) женского рода, 2) мн. числа
- б — 1) среднего рода, 2) мн. числа
- д — множественного числа

узи лев, «брат есть»;
рузи лер «сестра есть»;
урчи леб «лошадь есть»;
шин диха «дай воды»;
узби леб «братья есть»;
рузби леб «сестры есть»;
кьюли лер «коровы есть»;
гинцби диха «дай яблоки».

В отдельных диалектах перед *и* и *е* показатель муж. класса -в- чередуется со звуком *й*: *виклулра* «говорю» (акуш.) — *йиклулада* (бутр.); *в-ебклуб* «умер» (акуш.) — *йебклуб* (мекер).

Классные показатели во мн. числе в даргинском языке различны не только по классу существительного, но и смотря по тому, к какому лицу относится слово, снабженное клас-

сным показателем: множ. число 1 и 2 лица выражается показателями -д- (в начале слова) и -р- (в середине и конце слова).

нуша даклира «мы пришли»,
хлуша даклирая «вы пришли»,
нуша лерра «мы присутствуем»
хлуша леррая «вы присутствуете»
нуша дахъалра «нас много»;
хлуша дахъалрая «вас много».

В первых двух лицах во мн. числе все классы совпадают по классному показателю -д-. Что касается 3-го лица, то здесь имена, обозначающие разумные существа, отличаются от неразумных. Мн. число мужчин и женщин (т. е. разумных) здесь в 3-м лице выражается классн. показателем -б-, а мн. число — неразумных — классн. показателем -д- (в начале) и -р- (в середине и в конце слова).

адамти баклиб «люди пришли»
хляйванти даклиб «скотины пришли»,
адамти леб «люди присутствуют»,
хляйванти лер «скотины имеются».

В даргинском языке, как видно, мужчины и женщины различаются по классу только в единственном числе, во множественном же числе они одинаковы по классу.

К мужскому классу относятся люди мужского пола и названия частей мужского тела, если они содержат в себе кл. показатель: -в-: *в-яхI* «лицо», *вай* «талия», *варг* «внутренность». К женскому классу относятся женщины и те же части тела, в названиях которых содержится в этом случае кл. показатель -р-: *ряхI*, *рай*, *парг*.

Олицетворения существ воображаемых, мифических сказочных, в даргинском языке могут относиться, как к среднему, так и к мужскому и женскому классу. Примеры:

илбис леб «дьявол есть»
шайтан леб «шайтан есть»
жинд леб «демон есть»
бажук неш лер «баба-яга есть»
малаик лев «ангел есть».

Слово *дурхIя* «ребенок» может согласоваться по смыслу как в мужском, так и в женском классе:

дурхIя лев «ребенок (мальчик) есть»
дурхIя лер «ребенок (девочка) есть»

Когда слово *дурхIя* относится к детенышу животного, тогда оно согласуется по классу -б-: *дурхIя леб* «детеныш есть».

Говорят также *дурхIя леб*, когда неизвестно, какого пола ребенок, или когда для говорящих безразлично какого бы пола он не был.

В диалектах цудахарского типа классный показатель *-р* выражает класс женщин, как в начале, так и в конце слова; классный же показатель *-д* выражает множ. число. В отличие от акушино-урахинских диалектов, *-д* здесь бывает как в начале, так и в конце слов: *Патимат ракIиб*. «Патимат пришла» — *Патимат рацIиб* (цудах.); *лер* — *лед* (цудах.); *сари* — *саде* (цудах.).

Классные показатели *д, р*, как мы уже видели, показывают множественное число, но в даргинском языке существуют такие имена существительные, которые как бы приравниваются в классе к множественному числу. Таковыми являются некоторые названия жидкостей (*шин* «вода», *ниъ* «молоко», *нергъ* «суп»); сыпучих тел (*гъум* «песок», *Гянгжи* «земля», *хIяса* «пыль»); (*цIули* «зерно», *хъара* «горох», *мухъи* «ячмень») и др. При согласовании таких имен в един. числе вместо классн. показателя *-б* употребляется *-д*: *дахъал хъара* «много гороху».

Классный показатель *-д* употребляется также при некоторых других именах: *глама*, «голос», *биса* «плач», *дукелцIи* «смех», *урклецIи* «жалость», *дуцIрум* «лето», *хлеб* «весна», *дигай* «любовь» и друг. В кайтагском и кубачинском диалектах круг таких слов, требующих *-д* вместо *-б* в единственном числе еще больше.

Здесь мы имеем дело с остатками прежнего четвертого класса имен. В даргинском языке имеется немало слов, говорящих о том, что в прошлом средний класс, т. е. класс неразумных существ, делился вообще на два подкласса, как и класс разумных (см. Абдуллаев «Что дает фольклор для изучения языка»).¹ Этим и объясняется наличие в современном даргинском языке четырех классных показателей.

Некоторые существительные в своей основе содержат классный показатель, причем этот показатель по классу может изменяться, т. е. и сейчас еще он является живым, или не изменяться (т. е. как бы «окаменелым»). Таковы слова:

узи «брат»; *рузи* «сестра»; *бузи* (употребляется в значении пары обуви и т. п.), в отношении потомка животного, однородного с другим животным; *урши* «сын»; *рурси* «дочь»; *узи-къар* «двоюродный брат»; *рузи-къар* «двоюродная сестра»; *барг* «середина», «внутренность» — *варг*, *рарг*, *дарг*; *вахI* «лицо» — *бахI*, *рахI*, *дахI*; *бай* «середина» — *вай*, *рай*, *дай*; *вегI* «хозяин» — *регI* «хозяин»; *бегI* «обладатель» (говорится, например, о животном), *бегIти* «родители, хозяева». Далее: *дег* «ток» (ср. *дергес*, *бергес* «молотить»); *дякъ* «проход» (ср. *дукъес*, *букъес*, *укъес* «итти»); *бутIа* «доля» (ср. *бутIес*, *утIес*, *рутIес* «поделить»); *дахъи* «рана» (ср. *дахъес*, *вахъес*, *бя-*

хъес «ударить, ранить»); *бакIри* «нарыв» (букв. «то, что выступило»; ср. *бакIес*, *дакIес*, *ракIес*, *вакIес* «придти») и др., в которых согласные *д, б, в, р* несомненно классные показатели).

Есть в даргинском языке и такие существительные, в составе которых мы имеем согласные *д, б, р*, т. е. мы можем подозревать здесь классные показатели: *дахIцIи* «тень»; *дахIи* «снег» (букв. «сырость», ср. в диалектах: *бямхIяхъес* «мочить»); *дукала* «подол»; *буреба* «иголка» (*бирбес* «шить»); *дугъи* «ремень, соединяющий ярмо с дышлом»; (ср. *дигъес*, *бигъес* «связать»); *дурхIя* и *дархIя* «мальчик, сын»; *декI* (мера длины около 50 см).

Некоторые производные существительные также содержат в своем составе классные показатели: *анцIбукъ* «дело»; *баркьуди* «действие»; *багьуди* «знание»; *гъярбик* «треск»; *гIерлугнаба* «подручный каменщика».

Выявление подобных окаменевших классных показателей в составе существительных несомненно имеет большое значение для разрешения многих вопросов даргинской лексики.

КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ.

В даргинском языке имена существительные грамматически в некоторых отношениях различаются, с одной стороны, как названия существ разумных, с другой — как названия существ и предметов неразумных.

Следующие существительные обозначают разумные существа: *адам* «человек», *дудеш* «отец», *рурси* «девочка», *шинкъянкула* «мельник», *регI* «хозяйка», *дурхIя* «ребенок», *бикъри* «свидетель», *уста* «мастер» и т. д. Наоборот, неразумные существа и предметы выражены такими именами: *урчи* «лошадь», *бецI* «волк», *къаз* «гусь», *имиари* «муравей», *балихъ* «рыба», *юрт* «дом», *къям* «тарелка», *барда* «топор», *гъабзадеш* «храбрость», *дигай* «любовь»; *зубари* «звезда», *дирихъ* «облако», *гъум* «песок», *шин* «вода» и т. д.

С другой стороны в грамматике даргинского языка существует различие между именами существительными, обозначающими одушевленные, и другими — обозначающими неодушевленные предметы. Так обозначают одушевленные предметы: *адам* «человек», *дудеш* «отец», *рурси* «девочка», *шинкъянкула* «мельник», *регI* «хозяйка», *дурхIя* «ребенок», *бикъри* «свидетель», *уста* «мастер». Наоборот, обозначают неодушевленные предметы: *юрт* «дом», *къям* «тарелка», *барда* «топор», *гъабзадеш* «храбрость», *дигай* «любовь», *зубари* «звезда», *дирихъ* «облако», *гъум* «песок».

С точки зрения классификации по классам названия одушевленных существ частью входят в число разумных, частью

¹ Сборник «Языки Дагестана». Изд. Даг. фил. АН СССР, 1948; стр. 143–144.

в число неразумных. При склонении имен почти во всех диалектах даргинского языка имена одушевленных существ отличаются от неодушевленных. В урахинском диалекте, как это заметил уже Услар, родительный падеж ед. числа от названий одушевленных с гласным исходом имеет суффикс *ла*, а в названиях неодушевленных — долгий гласный. В урахинском диалекте мы имеем формы с одной стороны:

ада «отец» — *адала* «отца» (род. п.);
ваца «мышь» — *вацала* «мыши» (род.);
гата «кошка» — *гатала* «кошки» (род.)

с другой стороны неодушевленные:

гами «корабль» — *гамее* «корабля»;
галга «дерево» — *галгаа* — «дерева» (род.);
кзукзъу «гром» — *кзукзъаа* «грома» (род.)

Исключение в урахинском диалекте составляют одушевленные: *урши* «сын» — *уршее* «сына»; *рурси* «дочь» — *рурсее* «дочери»; *дурхлѣя* «мальчик, сын» — *дурхлѣя* и *дурхлѣяла*.

Однако, при образовании эргатива в этом же диалекте имена разделяются не по одушевленности, а по разумности и неразумности. В названиях существ разумных с гласным исходом (если перед этим гласным не стоит звук *л* или *н*) эргативный падеж принимает суффикс *ан* (его варианты: *анн*, *ин*, *инин*, *уни*), который является показателем эргатива исключительно существ разумных. От имен, принимающих в эргативе именно этот суффикс, косвенные падежи образуются от основы именительного, в то время как от остальных имен — косвенные падежи, за исключением родительного, образуются от основы эргатива. Таким образом имеем от существительных, обозначающих разумные существа:

Имен. п.	Эргатив. п.	Направ. п.
<i>абѣ</i> «бабушка»	— <i>абаан</i>	— <i>абачу</i> «к бабушке»
<i>булиги</i> «лакец»	— <i>булигин</i>	— <i>булигичу</i> «к лакецу»
<i>юнку</i> «льстец»	— <i>юнкуун</i>	— <i>юнкучу</i> «к льстецу»
<i>Члѣнкѣла</i> (имя муж.)	— <i>Члѣнкѣлаан</i>	— <i>Члѣнкѣлачу</i> «К Чанке»
<i>Муса</i> (имя муж.)	— <i>Мусаан</i>	— <i>Мусаачу</i> «К Мусе»

Иначе образуются те же формы неразумных:

члѣнкѣла «палас» — *члѣнкѣлани* — *члѣнкѣлачичу* «к паласу»
муса «место» — *мусали* — *мусаличичи* «на место»

Исключение и в этом случае составляют те же слова: *урши* «сын», *рурси* «дочь», *дурхлѣя* «ребенок» и слово *уста* «мастер». Они склоняются следующим образом:

урши — *уршили* — *уршиличу* «к сыну»
рурси — *рурсили* — *рурсиличу* «к дочери»

дурхлѣя — *дурхлѣяни* — *дурхлѣяличу* «к ребенку»
уста — *устали* — *усталичу* «к мастеру».

Наоборот, *тази* «скакун» (казалось бы, неразумное) склоняется по-урахински наравне с разумными: *тази* — *тазилин* — *тазичу*.

Так же обстоит дело с эргативом и в мекегинском диалекте, где мы имеем различие между суффиксом эргатива в названиях разумных и неразумных: для разумных *н*, для неразумных *ли* или *ни*.

Имен. п.	Эргат. п.
<i>Али</i> (имя муж.)	— <i>Алин</i> ;
<i>Хлѣджи</i> (имя муж.)	— <i>Хлѣджин</i> ;
<i>ада</i> «отец»	— <i>адан</i> ;
<i>хлѣмхлѣ</i> «осел»	— <i>хлѣмхлѣли</i> ;
<i>кѣяца</i> «козел»	— <i>кѣяцали</i> ;
<i>маза</i> «овца»	— <i>мазали</i> .

В губденском диалекте мы находим разницу в склонении не между разумными и неразумными, а между одушевленными и неодушевленными, т. е. так же, как и в акушинском и цудахарском диалектах. Названия одушевленных в местных падежах здесь принимают суффикс *чу* со значением «к» и *ке* со значением «на», а названия неодушевленных принимают лишь последний суффикс с обоими указанными значениями: *хлѣмхлѣ* «осел» — *хлѣмхлѣличу* «к ослу», *хлѣмхлѣлике* «на осле»; *урчи* «лошадь» — *урчиличу* «к лошади», *урчилике* «на лошади»; *униц* «бык» — *уницличу* «к быку», *уницлике* — «на быке»; *Али* (имя муж.) — *Аличу* «к Али»; *Алике* «на Али»; *хъали* «дом, комната» — *хъайке* «к дому» и «на дом»; *галги* «дерево» — *галгике* «к дереву» и «на дерево»; *вацѣла* «лес» — *вацѣлике* «к лесу» и «на лес».

В акушинском диалекте между именами одушевленными и неодушевленными проводят различие в том смысле, что от названий одушевленных косвенные падежи образуются непосредственно от имен. падежа, в то время, как в названиях неодушевленных все косвенные падежи, за исключением родительного, образуются от основы эргатива.

Имен. п.	Эргат. п.	Направ. п.
<i>эмхлѣ</i> «осел»	— <i>эмхлѣни</i> — <i>эмхлѣчи</i>	«на осла»;
<i>гурда</i> «лиса»	— <i>гурдани</i> — <i>гурдачи</i>	«на лису», «к лисе»;
<i>гѣяра</i> «заяц»	— <i>гѣярани</i> — <i>гѣярачи</i>	«на зайца», «к зайцу»;
<i>барда</i> «топор»	— <i>бардали</i> — <i>бардаличи</i>	«на топор», «к топору»;
<i>кура</i> «лопата»	— <i>курални</i> — <i>куралничи</i>	«на лопату», «к лопате»;
<i>арши</i> «жатва»	— <i>аршили</i> — <i>аршиличи</i>	«на жатву», «к жатве».

Исключение составляют здесь те же слова, которые мы упоминали в урахинском диалекте: *урши*, *рурси*, *дярхІя* и некоторые другие:

урши «сын» — *уршили* — *уршиличи*;
рурси «дочь» — *рурсили* — *рурсиличи*;
дярхІя «мальчик, сын» — *дярхІяли* — *дярхІяличи*;
урчи «лошадь» — *урчили* — *урчиличи*;
валри «верблюд» — *валрили* — *валриличи*;
бикъри «свидетель» — *бикърили* — *бикъриличи*;
✓ *ялчи* «рабочий» — *ялчили* — *ялчиличи*.

Разница между одушевленными и неодушевленными в склонении имен яснее всего выражена в диалектах цудахарской группы (собственно цудахарском, кайтагском, мугинском и др.). Здесь одушевленные отличаются от неодушевленных в родительном и других косвенных падежах, а также и переходом ударения в косвенных падежах на второй слог от начала слова.

В цудахарском диалекте родительный падеж ед. числа в названиях одушевленных с гласным исходом принимает суффикс *ла* с одним согласным *л*, а в названиях неодушевленных — суффикс *лла* с удвоенным согласным *лл*. Во множественном числе как одушевленных, так и неодушевленных, имеем тот же суффикс *лла*. При этом в названиях одушевленных в косвенных падежах ударение с первого слога переходит на второй слог от начала, а в названиях неодушевленных ударение остается на первом слоге. В названиях одушевленных существ с гласным исходом косвенные падежи образуются от основы имен. падежа, а в названиях неодушевленных — от основы эргативного падежа.

Таким образом, в цудахарском диалекте имеем:

Имен. п.	Родит. п.	Напрѣв. п.
<i>амхІе</i> «осел»	— <i>амхІела</i>	— <i>амхІешу</i> «к ослу»; <i>амхІея</i> «на осла»;
<i>ккуртта</i> «лиса»	— <i>ккурттала</i>	— <i>ккурттацу</i> «к лисе», <i>ккурттая</i> «на лису»;
<i>мацца</i> «овца»	— <i>маццала</i> ¹	— <i>маццацу</i> «к овце», <i>маццая</i> «на овцу».
<i>Али</i> (имя муж.)	— <i>Алила</i>	— <i>Алишу</i> «к Али»; <i>Алия</i> «на Али»;
<i>цІа</i> «огонь»	— <i>цІала</i>	— <i>цІалицу</i> «к огню», <i>цІалия</i> «на огонь»;

¹ Когда слово *мацца* употребляется в собирательном значении («овцы, баранта») оно склоняется, как мн. число: *маццала*, *маццалин* и т. д.

анчІи «пшеница» — *анчІилла* — *анчІилицу* «к пшенице»,
анчІилия «на пшеницу»;
ббала «шерсть» — *ббалалла* — *ббалалицу* «к шерсти»,
ббалалия «на шерсть».

Исключаются и здесь те же слова: *урчи*, *рурси*, и еще: *уцци* «брат», *руцци* «сестра», *бикъри* «свидетель», *ххвя* «собака». Они склоняются как неодушевленные:

урчи — *урчилла* — *урчилицу* «к сыну», *урчилия* «на сына»;
бикъри — *бикърилла* — *бикърилицу*, *бикърилия*;
ххвя — *ххвялла* — *ххвялицу*, *ххвялия*.

Замечательно, что слово *вацІа* «лес» склоняется в цудахарском наравне с одушевленными:

вацІа — *вацІала* — *вацІалицу*, *вацІалия*.

Приблизительно так обстоит дело в мугинском и кайтагском диалектах. В кайтагском диалекте в названиях неодушевленных и во множ. числе одушевленных и неодушевленных встречаются двойное *л* или *н* не только в родит. п., но и в эргативе. Однако здесь встречается ряд исключений.

Как мы видим, во всех диалектах даргинского языка слова «сын», «дочь», а в цуд. диалекте «брат» и «сестра», — склоняются как имена неодушевленные.

СЛОВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ И СЛУЖЕБНЫЕ. ИМЕНА В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Слова в даргинском языке, как и во многих других языках, по своей роли в предложении можно разделить на две группы. Одна из них, довольно большая группа, представляет собою самостоятельные слова, которые могут быть членами предложения. Другая сравнительно небольшая группа, представляет служебные слова и частицы, которые сами по себе не могут быть членами предложения. Слова первой группы в предложении также часто выполняют роль служебных слов. Иначе говоря, в даргинском языке одни и те же слова могут употребляться и самостоятельно и несамостоятельно. Существительные иногда употребляются в роли частиц: *секІал* «вещь, вещество» — в основном является самостоятельным словом, но оно же иногда выступает в роли служебной частицы: *чай-секІал агарав?* «нет ли чая или чего-нибудь подобного?» *укес-секІал хІейгив?* «не хочешь ли кушать или что-нибудь такое?»

Условная форма глагола употребляется то в роли союза, то в роли усилительной частицы; многие наречия употребляются и самостоятельно и в роли послелогов. Любое служебное

слово в даргинском языке легко субстантивируется, и, следовательно, переходит в категорию самостоятельных слов.

Из сказанного выше вытекает, что между этими двумя группами слов не существует точной границы.

Это объясняется тем, что служебные слова во всех языках происходят из самостоятельных. Процесс перехода самостоятельных слов в служебные слова и частицы в языке продолжается, одни самостоятельные слова уже проделали этот путь как бы окончательно, другие находятся как бы в пути между самостоятельными и служебными. Такие слова пока еще не расстались со всеми свойствами самостоятельных слов, но они уже приобрели некоторые свойства слов служебных.

Из различия функций этих двух групп слов в предложении вытекает в структуре языка другое различие между словами — морфологическое. Несамостоятельные слова вообще говоря словоизменениям не подвергаются, в то время как самостоятельные слова таким изменениям подвергаются — они склоняются или спрягаются. Но и здесь мы находим подчас исключения. Некоторые служебные слова и частицы в даргинском языке склоняются, что объясняется их именным происхождением. Почти все послелоги даргинского языка принимают различные суффиксы, собственные именам и дают начало прилагательным, существительным и т. д. Однако и эти новые слова семантически остаются в значительной мере служебными; они в отдельности не могут выступать членами предложения и не могут отвечать на вопрос, сформулированный без имени, к которому они относятся:

гьуникад «по дороге, вдоль дороги» — *гьуникадси* «то, что вдоль дороги»;

*набчивахI*¹ «в мою сторону» — *набчивахIси* «тот, который обращался ко мне».

Служебные слова с формальной стороны, как правило, характеризуются отсутствием какого-бы то ни было морфологического оформления (речь идет о собственно служебных словах), в то время, как большая часть самостоятельных слов морфологически оформлена (часть существительных, большинство прилагательных, числительные, глагол, большинство наречий).

В свою очередь группа самостоятельных слов подразделяется на две подгруппы, одна из которых выражает как предметы, так и признаки и качества (как предмета, так и действия или состояния), другая группа выражает само действие или состояние. Первая группа слов — имена, вторая — глаголы. С формальной (морфологической и синтаксической) стороны эти две группы в основном характеризуются тем, что

¹ Такие служебные слова в даргинском языке принято писать слитно.

имена склоняются полным или частичным склонением и в предложении большею частью управляются другими словами (глаголами, послелогами и именами), а глаголы спрягаются, полным или частичным спряжением, и большею частью согласуются с именами, к которым они относятся.

В даргинском языке, все оформленные имена без исключения склоняются так же, как все глаголы спрягаются.

Однако, и здесь мы не находим точной границы между именами и глаголами. Всякий глагол в своей первоначальной форме (желательное наклонение) может изменяться по числам и падежам, подобно имени: *сай вебкI!* «чтобы он умер», *саби бибкIару!* «чтобы они умерли!». В зависимости от контекста эта форма глагола может стоять в любом падеже. Неопределенная форма глагола склоняется частично: *вакIес* «прийти» — *вакIесли бара* «сделай так, чтобы пришел», *вакIесличиб хIекIес гьалаб саби* «чем прийти, лучше не прийти» и др.

С другой стороны, любое имя, будучи сказуемым, может изменяться по лицам.

Тем не менее склонение, в отличие от изменения по лицам, является отличительным и в то же время неотъемлемым свойством даргинского имени. Поэтому имя в даргинском языке можно характеризовать, как часть речи, которая изменяется по падежам. Этому не противоречит и то, что начальная форма глагола (желательн. наклон.) входит в круг имен, так как она является и глаголом и именем. Что касается склонений и наречий, деепричастий, инфинитива и некоторых служебных слов, то это объясняется, естественно, именным происхождением их. Наречия исторически являются именами в том или ином падеже, деепричастия — это по происхождению причастия в одном из косвенных падежей, или в соединении со служебным словом (частицей). Они уже вышли из круга имен, но по традиции продолжают частично склоняться, с подразделением их по принципу полноты склонения на имена полносклоняемые и неполносклоняемые. В круг имен входит и инфинитив глагола, так как он допускает частичное склонение, поскольку исторически он является восходящей к отглагольному существительному в дательном падеже.

Имена, как известно, делятся на существительные, местоимения, прилагательные, числительные. Местоимения мы, разумеется, включаем в круг имен, так как и по их роли в предложении они сходны с именами; они являются как-бы особой категорией имен, хотя и называются лишь как бы «заменной имени».

Существительные и заменяющие их местоимения от других категорий имен и глагола отличаются прежде всего тем, что они в основном выражают подчиняющие понятия в то время, как глаголы и другие имена выражают подчиненные понятия.

Первая категория в даргинском языке представлена большей частью именами первичными, не оформленными теми или иными окончаниями или аффиксами; вторая категория представлена, как правило, словами производными, оформленными определенными окончаниями, и аффиксами (суффиксы, префиксы, классные показатели и др.). Это вполне соответствует назначению этих слов в предложении: быть подчиненными, согласованными с господствующим в предложении словом — существительным.

Особого внимания заслуживают в даргинском языке имена основы, или имена неформленные. Они служат основами производных существительных, прилагательных, наречий, числительных и глаголов. Часто они без оформления употребляются как прилагательные, а также иногда в значении повеления: *гъаракъ!* «долой», *гъаракъил гъам!* «отдаленный пусть приблизится!»¹.

Характерной особенностью имен-основ является то, что они не склоняются и не употребляются отдельно от определяемого ими имени. Как правило, самостоятельное слово может быть членом предложения и отвечать на относящиеся к нему вопросы. Но так как без определяемого эти имена не употребительны, они в отдельности не отвечают на вопрос определения: при ответе приходится назвать и определяемое ими имя. Тем не менее, эти основы мы должны признать не служебными словами и не частями слов, а самостоятельными именами, которые в прошлом, возможно, употреблялись отдельно, без определяемого и без аффиксов.

В настоящее время в даргинском языке известная группа слов в одинаковой мере употребляется и как прилагательные и как наречия (*гъала* «вперед», *урга* «в середину», *чеди* «вверх», *уди* «вниз», *убяхI* «по направлению вниз», *чебахI* «вверх»). Современная форма наречия от этих неформленных слов полностью совпадает с эргативным падежом. Иначе говоря, эти наречия не что иное, как прилагательные в форме эргативного падежа.

Имеется еще другая группа имен существительных, которые в именительном падеже в обыденной речи не употребляются; они употребляются лишь в косвенных падежах, больше всего в родительном. Примеры:

вяв «крик» — *вявла* (род. п.), *вявличи* (направ. пад.);
кIух «грохот» — *кIуха*, *кIухли* (эргатив.);
кьутI «стук» — *кьутIла* (род. пад.);
кьутIур «(повторяющийся) стук» — *кьутIурла* (род. пад.)

¹ Муг. диалект. В этом селении существует детская игра, где большая группа детей бьет в отдаленных от них играющих, чтобы последние перешли к их группе.

Обыкновенно, такие имена имеют ограниченную семантику: — почти все такие имена обозначают различные звуки и шумы.

Здесь дадим небольшой список слов, не употребляемых в именительном падеже:

<i>вяв</i> «крик»;	<i>кьутI</i> «стук»;
<i>ч'яр</i> (тоже);	<i>гъям</i> «лай»;
<i>кIух</i> «грохот»;	<i>зъв</i> «жужжание»;
<i>гур</i> (тоже);	<i>гудур</i> «топот»;
<i>пянкь</i> «выстрел»;	<i>симкь</i> «стон»;
<i>вянкь</i> «стук»;	<i>хIянциI</i> «визг»;
<i>хямк</i> (тоже);	<i>хIухIи</i> «ржание».
<i>мы</i> «крик» (о скотине);	
<i>мгIе</i> «блеяние» (овцы);	
<i>чIив</i> «щебетание» (птицы).	

Существительное от других имен в даргинском языке отличается морфологически. Существительное как таковое может не нуждаться в каком-либо суффиксальном оформлении, в то время, как прилагательное, числительное и наречие, как правило, должны быть оформлены суффиксами (речь идет о полноклоняемых прилагательных, числительных и оформленных наречиях). В то время, как множественное число в прилагательных имеет единое окончание (ти), существительные во множественном числе имеют много разных окончаний. Основа существительного при образовании множественного числа часто подвергается изменениям (выпадение звука, переход одного звука в другой). В прилагательных этого типа не наблюдается.

Большую часть имена прилагательные и наречия в даргинском языке снабжены классными показателями, в то время как существительные с классным показателем встречаются в языке не часто.

Существуют слова, которые по форме не отличаются от существительных, но по своему значению и употреблению в речи стоят близко к прилагательным, и употребляются как определения. Большинство таких слов являются заимствованиями из других языков (*сукъур* «слепой», *мехIур* «дурной», *абдал* «глухой» и др.). Их можно считать существительными, которые не получили морфологического оформления. В школьной грамматике, по нашему мнению, правильнее и проще называть их существительными.

В школьной грамматике даргинского языка немало трудностей причиняет классификация слов по частям речи: существительное смешивается, с одной стороны, с прилагательным, с другой — с наречием; отдельные местоимения смешиваются с прилагательными или с наречиями.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

Существительное в даргинском языке может быть простым или производным, образованным при помощи того или иного суффикса, или же образованным путем сложения основ и слов. Эти категории существительных частично отличаются друг от друга как по способу образования множественного числа, так и по типу склонения. Простые существительные, в особенности односложные как в образовании множ. числа, так и в склонении, представляют много особенностей и исключений. Сложные существительные, образованные путем сложения основ или двух слов, склоняются так, как склоняется вторая часть этого сложения.

В то время, как простые существительные, совершенно одинаковые фонетически, склоняются по разному типу, существительные, образованные при помощи того или иного определенного суффикса, склоняются одинаково, например:

ля «собака» — *хури* (мн. ч.)

хъя «клятва» — *хъями* (мн. ч.)

✓ *вава* «цветок» — *вавни* (мн. ч.)

✓ *шара* «озеро» — *шаруби* (мн. ч.)

къял «корова» — *къяй* (эргатив)

пякь «треск» — *пякьли* (эргатив)

Простые существительные большей частью имеют более древние формы склонения, они часто подвергаются флективным изменениям в то время, как образованные при помощи суффиксов образуют лишь более новые формы и флективным изменениям основы почти не подвергаются.

Словообразование существительных.

В даргинском языке новые существительные образуются несколькими способами:

— путем повторения одного и того же существительного (одной и той же основы), например:

къавкъав (муг.) «глубокая яма под водопадом»;

чахIчахI «водопад» (муг.; акуш. *чахIи*);

къутI-къутI «стук»;

висвисаг «плакса» (урах.);

пяспясаг «лягушка» (губд.);

пялялаг «осина».

В последних трех примерах вместе с повторением основы имеется и суффикс *аг*:

— Путем сложения двух различных существительных (основ), причем оба могут быть синонимами, антонимами или словами со значениями, имеющими друг с другом то или иное взаимоотношение. Оба существительных могут соединяться между собою способом сочинения или способом подчинения одного другому.

Примеры:

марказаб «атмосферные осадки» (*марка* «роса», *заб* «дождь»; в муг. диалекте *марка* «дождь», *заб* «град»);

вянкь-хямк «стук твердого тела» (и отдельно слова *вянкь* и *хямк* означают стук);

вявчIяр «вопли, крик» (*вяв* «зов», *чIяр* «крик»);

хамхакъаркъала «тело» (и отдельно оба слова означают тело);

ваяхI «вещи, утварь» (*вай* «зло», *ахI* «добро»);

абизкабихь «состояние, дела» (*абиз* «вставание», *кабихь* «лежание»);

узиуриши «родственники» (*узи* «брат», *уриши* «сын»);

мазакъьяца «овцы, мелкий скот» (*маза* «овца», *къяца* «козел»);

нешдудеш «родители» (*неш* «мать», *дудеш* «отец»).

Новое существительное образуется также путем чередования гласного основы: заменой гласного в основе *а*, *я* гласным *и* образуется существительное, выражающее то же самое значение, но в меньшей дозе:

вянкь «стук» — *винкь* (тоже, но незначительный);

пянкь «взрыв» — *пинкь*;

палхъ «барахтание» — *пилхъ*;

занк «звон» — *зинк* и др.

Этот способ словообразования существительных является ныне уже непродуктивным.

Наконец, новые существительные образуются путем суффиксации.

Словообразовательные суффиксы существительных.

Даргинские существительные не богаты словообразовательными суффиксами, и большинство тех суффиксов, которые ныне имеются, как-бы окаменели, стали непродуктивными. В даргинском языке, надо заметить, нет почти ни увеличительных ни уменьшительных суффиксов, но имеются суффиксы отвлеченности, суффиксы, выражающие профессию и некоторые другие.

Здесь мы перечислим, по возможности, все словообразовательные суффиксы существительных как продуктивные, так и не продуктивные.

-атIгала — встречается редко, образуя слово со значением отвлеченного действия (как *-ала*): *вяшатIгала* «движение (от *вяш* «движение»), *гъайтIгала* (мулебк.) «разговор», *пишатIгала* (мулебк.) «движение». Происходит от глагола *атIгара* «сказать» в муир. диалекте (акуш. *эс*).

-ала — большей частью выражает отвлеченное действие, встречается часто: *вяцъгала* «движение», *гъайгала* «разговор», *изала* «болезнь, боль», *урзала* «дождь» в (муг. от *урзис* «дождить»), *бургIяла* «осколок» (от *бургIес* «сломать, сломаться»), *чегъгала* «одежда» (*чегъес* «надеть»).

Суффикс *-ала* происходит от глагола *эс*, точнее — от глагольного существительного, образованного при помощи суффикса *ла*, обычного показателя родит. падежа; показатель родит. падежа — *ла* в даргинском языке служит также и показателем множественности (в этнических названиях: *ахъушала* «акушинцы», *хурхъила* «урахинцы»), а множественность и собирательность семантически примыкают к понятию отвлеченности.

-ла, повидимому, происходит от аффикса родит. п. принадлежности. Большинство слов с суффиксом *ла* выражает орудие: *бирилла* «газырь» (в газыри всыпали порох и клали пулю для заряжения ружья; *бирилла* букв. значит: «то, во что всыпают, наливают» от *бирилес* «наливать», «всыпать»); *исла* «шаблон», «мерка» (по которой производят кройку одежды или обуви, чарыков); *умцла* «мера»; *умцла* «обыск»; *ихъла* (муг.) «котел, кострюля» (от *ихъес* «вешать»; котел у горцев вешался на кол над огнем); *кярхила* «рубанок» (от *кярхилбарес* «строгать»); *хяркла* «инструмент для обработки шкур»; *гьалала* «перед» (от *гьала* «вперед»); *гелала* «зад»; *ургала* «середина»; *чедила* «верх», *удила* «низ»; *челла* «долг» (денежный и моральный); *челла* «обязательство» (новое образование); *челла* «крышка» и др.

Суффикс *ла* прибавляется как к словам в имен. падеже, так и к словам в направ.: *шуллиула* «место под скалой» (от *шуллиу* «под скалу», от *шури* скала), *ухълаула* нижний этаж мельницы (муг.)

-ула — встречается только в слове *хленкула* «пастух» (*хленкъ* «стадо»).

-кьяна (цудах.: *гьяна*) образует слова со значением деятеля чего-либо: *аршикьяна* «жнец» (от *арши* «урожай зерна»); *гьяркьяна* «охотник» (букв.: «на охоту идущий»: *гьяр* «охота»); *валликьяна* «попутчик, друг» (букв.: «вместе идущий»; *валли* «вместе»); *дукикьяна* «пастух», *дуки* «пастбище»); *муракьяна* «косарь» (букв.: «на сенокос идущий»; *мура* в смысле: «сенокос»); *ташкьяна* «виночерпий» (*таш* «стой, стоянка»); *архаликьяна* «путешественник»; *гьалакьяна* «охранник, сторож» (сенокосов, полей, леса; *гьала* «перед, около»; *гьалакьяна* «идущий перед, сидящий перед, около (чего-л.)»; *сукникьяна* «сват» (букв.: «идущий сватать», *сукни* — наречие направления, *сукни укьес* «итти сватать»; *ургакьяна* «посредник» (цудах.: *гьяна*) происходит от основы глагола *укьес* «итти» (*у* — префикс, *къ* — корень; в некоторых диалектах вместо акуш. *аркьулра* говорят *кьялра* без префикса).

-кья — нужно полагать, что происходит от корня *къ* и суффикса *а*; встречается редко: *гьункья* (и: *гьункьяна*) «путник»; *дугкья* «бродяга» (*дуг* — наречие направления, *дуг укьес* значит: «итти не зная куда, вон»); *сикрукья* «чародей»; *гьавкья* «вождь, предводитель» (*гьав* впереди; букв.: «впереди

идущий»); *мушлукья* «борец» (букв.: идущий бороться по способу «мушул»; «мушул» особый способ борьбы; состоят, кто кого свалит).

къ — основа глагола *укьес* «итти», от которого образовались суффиксы *кьяна*, *кья*; встречается в словах: *дугьякъ* «барсук» (от *дуги* «ночь»; букв. «ходящий ночью»; название этого зверя по акуш.: *дугелибуг* «ночью питающийся или охотящийся»; *имцьякъ* «лишний» (от *имцла*; ср. варианты этого слова *имцласи*, *имцьякъян*); *ибкъ* «давление, напор» (от *глубкъ*, *урах*); *гли* — префикс, *букьес* «итти»; *глубкъли* букв. значит «сзади идя», т. е. «с напором»).

-ан — исторически является причастием от глагола *эс* «сказать, сделать». Прибавляется: 1) к основе глагола; образует причастие, переходящее в имя существительное: *чеибзан* (одна из частей горского ткацкого станка; букв. «соединитель»); *ниихъян* (посуда для сбивания масла; букв. «сбиватель масла»); *кьялизан* «подойник» (букв. «доитель коровы»); *шиндалан* «водолаз» (букв. «знаток воды»); 2) к названиям селений, стран; образует относительные прилагательные: *ахъушан* «акушинец»; *микхлан* «мекегинец», *сирхлан* «сургинец». В названиях некоторых аулов вместо *ан* мы имеем *-кан*, в других названиях аулов и стран встречается *-лан*: *хажакан* «хаджалмахинец»; *лавашакан* «левашинец»; *италиялан* «итальянец»; *америкалан* «американец» и др.

-ани (урах. цуд. *-ай*, мекег. *-уй*), образует причастие настоящего и общего времени: *луклани* «пишущий», *учлани* «учащийся, читающий».

-анил (урах., кайт.) прибавляется к глагольной основе и образует причастие настоящего или общего времени: *ливкьянил* (урах.) «идущий»; *вихванил* «идущий» (кайт.); этот суффикс по своему значению совпадает с *ани*.

-кла встречается лишь в нескольких словах; образует существительное со значением «содержащей что-л., сделанный из чего-л.»: *шинкла-си* «жидкий, сырой» (от *шин* «вода»), *цлукла* «куча земли с костром в середине» (способ приготовления золы для удобрения; от *цлу*, *цла* «огонь»); *жижжкла* «нарыв» (от *жижжхъес* «нарывать»).

-къ (*-хъ*): *иникъ* (от *глиникъ*) «пещера» (от слова *глини*, *ени*, *яни* «зима, зимовье»). Повидимому *глиникъ* этимологизуется как азербайджанское *кишлак* (место, куда входят зимой, зимовье). Даргинцы и другие горцы Дагестана в холодное время овец и частично крупный скот держали и держат в пещерах.

-ари (*-ери*) — прибавляется к основе глагола и к другим словам и образует существительные со значением результата, изделия: *мухъари* «ячменный хлеб» (от *мухъи* «ячмень»); *мучари* «просяной хлеб» (от *мучи* «просо»); *белхлари* «лаваш»; *клайпари* «тонкий хлеб»; *гьайклари* «колокольчики» (от

гъайиклес «говорить»; букв.: «говорящий»); дуббуцари «пост» (от дуббуц букв.: «держание рта, отказ от еды»; дуб «рот», буц от буцес «держаться»); бутлари «кусочек, отрез» (от бутл «деление»; бутлес разделить); рухъери «краска» (от рурхъес «красить»); рucherи «основа материи» (от рурчес «натягивать нити основы»); ружери «кипение» (от руржес «кипеть»); бу-зери «деятельность» (от бузес «работать, действовать»).

-атлари этот суффикс является диалектной разновидностью предыдущего -ари, он встречается лишь в слове: кьшицатлари «отрезок» (от кьшицатлес «отрезать ножницами»);

-ар (-ер, -яр, -ур) выражает повторяемость действия (ср. показ. множ. ч. -ри), выражаемого существительным, к которому он прибавляется (гласный суффикса зависит от гласного корня): дам «барабан, звук выстрела или барабана» — дамар «звук барабана, который повторяется»; вянкъ «стук» — вянкъер; кьутл «стук» — кьутлур; пяхъ «удар» — пяхъяр «повторные удары»; чап «болтание» — чапар; къард «спотыкание» — къардар, гирд «дрожание, качание» — гардар.

Слова с суффиксом ар (-ер, -яр, -ур) встречаются обычно лишь в составе какого-либо другого слова (глагола и др.): пяхъярбиклес «биться»; гьакларбиклес «качаться», вянкъяръала «шум, стук»; -ур — встречается лишь в нескольких словах: берцлур «жареное мясо» (от берцл, «жарение, печение»); бехлсур «обмен» в составе глагола: бехлсураэс, «заменить», баргур — баргураэс «полоскать»);

-ри (ср. показ. мн. ч. -ри) прибавляется к основе глагола и образует отглагольные существительные; в цудахарском диалекте этот суффикс продуктивен (как в акуш. и урах. -ни): дагъри «знание, ум» (от дагъес «знать много»); ахъри «мощь, сила, возмещение убытка» (от ахъес «справиться», ахъес «возместить»); дакри «краска» (от дакес «покрасить»); демдри «опухоль»; хлулбуклари «радость, торжество»; чекъри «мелкий навоз» (как топливо); бакъри «нарыв» (от баклес «придти, выскочить»); бикъри «свидетель, накопление» (то, что накоплено дома; от бикъес, «слышать», бикъес «накопить»); башири «ход» (лошади);

-ни является одним из самых продуктивных даргинских суффиксов; образует отглагольные существительные, обладающие всеми свойствами глагола и существительного. В диалектах цудахарского типа в зависимости от места ударения различают две разновидности существительных, образованных при помощи этого суффикса: багъни «узнавание», багъни «знание»; бигъни «связывание» (действие), бигъни, дигъни «связь, узел»; дасни «наклеивание», дагни «клей». Когда существительное с суффиксом -ни выражает действие (ударение на ни'), оно управляет наравне с глаголом, с той разницей, что управляемое слово должно ему предшествовать.

-уд, -ид, -уди — по своей функции совпадает с суффиксом

-ри; встречается редко: хъарахъуд(и) «опора»; хъарбауд «спрос, допрос»; багъуди «знание, образование»; баркъуди «дело, поступок», гегуди (урах.) «аванс» (от неупотребительного ныне глагола гегес «занять, авансировать»); бягид, бягид «ширина»; глеркъид, глеркъуд «длина»; гъарзуд «прос-тор»;

-деш является одним из самых продуктивных суффиксов; прибавляется к именам существительным и реже к глаголу в форме 3-го лица прошедшего или настоящего времени; образует существительные с отвлеченным значением (русс. -ство, -ность): ахидеш «добро»; вайдеш «зло»; арадеш «здоровье»; адамдеш «человечество, человечность»; лебдеш «собственность, имущество, существование, наличие»; агардеш «отсутствии». Суффикс деш, повидимому, происходит от глагола (дихъес «положить», дихъа, «залог»; букв.: «то, что положено», акуш. -деш, урах. -диш, цудах. -дихъ).

-а суффикс ныне непродуктивный; встречается с основой глагола и другими словами: белкля «пестрый» (от белкес «расписать»); бемжа (муг. бенчи) «жар» (от бемжес «накалится, нагреться»); диха «залог» (от дихъес «положить, заложить»); глебка «закуска» (от неупотребительного ныне глагола глебкес «закусить»); биса «плач» (от бисес «плакать»); балгя «траур» (от бялгес «проклинать, ругать»); буреба «иголка» (от бирбес «сшить»); балга «молитва» (от балгес «просить, молить»); бекля «смерть» (от беклес «умереть»); бегга (урах бегъа, акуш. беба) «скатанный ком глины или теста» (от беггес «месить, катать»); гера «шарик» (от гербарес «покатать»); убхъа «низ одежды», подкладка (от убихъес «подложить»); дига «любовь» (от дигес «любить»; муг. дикки, урах. дига «любовь», диги «желание»); чебхъа «верх одежды» (от чебихъес «наложить»); далга «лесоматериал» (для постройки; от далгес «расположить»); гъарга «сени» (от гъарг «открытие»); берта «студень» (от бертес «застывать»); верша «изменник, предатель» (от вершес «сговориться против кого-либо с его противником»); бутла «часть» (от бутлес «разделить»); рамкъа «слякоть» (от рамкъ «хлопанье»), хъирхъка «галка» (хъирхъдеш «чернота»; ср. кайт. хъирхъкай «черный»); гляйрукъа «охотник» (или: гляйрукъяна); хъубзара (урах.) «крестьянин»; от хъу «поле»; бузри, бузери «деятельность, работа»; уркура «арба»; дубура «гора» (варианты этих слов: хъубзар, уркур, дубур); члягъа вид черной птицы; (от члягъ крик этой птицы); шаха «гной»; диркъа «равнина» (от диркъси «ровный»), къиза «наконечник» (палки, которой гоняют быков; от къиз «укол»; къизбарес «колоть»).

-ай, идай — уменьшительный суффикс иногда с оттенком ласки; пидинкля «невзрослый, человек слабого телосложения» — пидинкляй (с оттенком уменьшительности, ласки); цуцу (муг.)

«кукла» *цуцундай* «куколка»; *сири* «люлька»; *сирундай* «маленькая люлька»; *къячча* «пышка»; *къяччуччай* «пышечка». Имеются и другие слова, которые можно привести здесь в качестве примеров употребления этого суффикса: *шалай* «любownik, любовница» (от *шала* «свет»); *дигай* «любовь», *диганай* «любимый, любимая» (уменьшит. от *диган* «любимый, любимая»); *к.уклай* «женоподобный» (от *к.укликлес* «трусить, бояться»).

Элемент *-ай* или *-най* встречается, как видим, и без значения уменьшительности: в поэзии можно встретить: *аркьянай* «путник», *ахъанай* «возвышенность».

-и — *луги* «счет, число» (от *луглес* «считать»); *урези* «стыд» (от *урузлес* «стесняться»); *урехи* «боязнь, опасность» (от *урухиэс* «бояться, опасаться»); *дыхъи* «рана» (от *дыхъес* «ударить»); *дугъи* «ремень» (которым закрепляют оглоблю сохи к ярму; от *дигъес* «связать»; *души* «ткань» (от *душес* «ткать»; *дуцлари* «горячка, лихорадка» (от *дуцлардиэс* «нагреться, накалиться»); *къудкъуди* «клюв» (от *къуд* «клевание»); *къуткъути* «дятел» (от *къути* «стук дятла по дереву»); *гъими* «гнев» (от *гъимбуклес* «рассердиться»); *вякълякъъи* «сорока» (звукоподражание крику этой птицы; *вякълякъъ*); *ганзи* «ступенька» (от *ганз* «шаг»); *хуруки* «струг» (от *хуркбарес* «строгать, тереть»; (урах. *хурка*); *мегълуки* «напильник» (от *мегъ лукес*, «пилить железо»); *чарчари* «колесо водяной мельницы» (от *чар* — вращение); *шиндири* «жолоб» (от *шин* «вода»); *рупрупи* (муг.) «родник» (струя воды, которая бьет из-под земли; *ругбиклес* «выходить порывами»); *чакли* «водопад» (от *чакли* звук воды, когда она падает); *лихли* «ухо» (от *лехли*, *лихли*; «слушание»).

-у встречается редко; в цудахарском диалекте этот суффикс является суффиксом причастия общего времени наподобие акуш. и урах. *-ан*, причем несубстантивированные причастия отдельно от определяемого не употребляются: *иккууци* «любимый брат» (от *иччвиз* «любить»; *иккай* «любимый»); *гяйкку душман* «ненавистный враг» (от *гяйччвиз* «не любить»); *к.уклу*, *к.уклай* «трус, женоподобный», *гуру* «шар, шарик» (от *гур* «катание»); *ккярту* (муг.) «наседка» (от *ккярт* «сидение курицы на яйцах», *ккяртбиш* «села на яйцах»); *къурку гляргя* (акуш.) «наседка-курица» (от *къур* «крик наседки»); *занк.у* «брыкающий» (от *занкли* «удар ногой»).

-зар образует слова со значением делателя чего-либо: *хляничзар* «работник, служащий», *хъубзар* «крестьянин» (от *хляничи* «работа», *хъу* или *хъуб* «поле»).

-чи — заимствовано из кумыкского языка, выражает занятие какой-либо профессией: *тукенчи* «лавочник», *далайчи* «певец», *къуллукъчи* «слуга», *к.аллгачи* «виночерпий» (от *к.аллгача* «кувшин»), *кумекчи* «помощник», *чархъачи* «борец»

(от *чархъа*), *к.алайчи* «лудильщик», *каричи* «женщина» (пекущая хлеб по заказу, от *кари* «печь для печения хлеба, пекарня»), *к.анучи* «вратарь, привратник», *к.асапчи* «мясник», *ц.улкъячи* «кочегар», *хабарчи* «сказитель», *уркурчи* (цудах.) «аробщик», *байрахъчи* «знаменосец», *илхъичи* «табунщик», *ихтилатчи* «шутник», *к.буйрукъчи* «рулевой».

Суффикс *чи*, повидимому, проник давно в даргинский язык: он и сейчас остается в нем продуктивным и образует новые слова: *гитлерчи Германия* «гитлеровская Германия», *атомчи* «атомщик».

-чев (*чевси*, в классный показатель) образует слова со значением обладателя чего-либо: *давлачев* «богач, богатый» (*давла* «богатство»), *гякълучев* «умный» (*гякълу* «ум»). При помощи этого элемента с суффиксом прилагательного и без него пишущие на даргинском языке стараются образовывать новые слова. Слово *агар* (*агарси*) «не имеющий» — по значению противоположно элементу *-чев* и выражает отсутствие чего-либо: *гякълуагар* «безумец»; *пикриагар* «беззаботный» (*пикри* «дума, мнение, мысль»); *гьунарагар* «бессильный» (*гьунар* «способность, сила»), *хляягар* «бесстыжий» (*хляя* «стыд»).

-гела происходит от наречия *гела* «назад, за»; встречается редко, прибавляется к форме мн. ч., или к слову с собирательным значением: *хуригела* «псарь», *цурмигела* «свинопас», *биглигела* (урах.) «пастух» (*биг* «стадо») *хлулегела* «чека» (закрепляющая колесо на оси).

-наба — встречается в нескольких словах: *ригнаба* «любовница», *игнаба* «любовник» (от *игес* «любить»); *ургънаба* «враг, кровник», *геллугнаба* «подручный каменщика» (от *гелругес* «подавать сзади»; *ургленаба* (урах.) нищий (*ургликайгъис* «ходить, бродить по домам»; букв.: ходящий по домам).

-уци встречается в немногих словах: *муруци* «сарай для сена» (усиш.); *к.януци* «лгун, лжец»; *мукъруци* «окотная» (овца); *нурбуци* «вшивый»; *гьунуци* «скакун» (от *гьуни* «путь, дорога»); *х.геруци* «явь» (от *х.лери* «дневное время»);

-аг (муг. *ак*) образует слова со значением: «издающий тот или иной звук, совершающий то или иное действие»; встречается редко, хотя является продуктивным, прибавляется к повторенной основе: *дярдыраг* «трещетка» (*дяр* — звукоподражание звуку этой игрушки); *тляртлярраг* «квакушка» (*тляр* — звук квакания); *пяспасаг* (губд.) «лягушка» (от *пяс* «прыжок»; букв.: прыгающий); *тляхитляхаг* «попрыгунья» (от *тляхли* «прыжок»); *п.лялаг* «осина» (от *п.ля* «растопыривание»), *буртуруг* «цевка» (надеваемая на веретено); *ц.лудараг* (сорная трава, семена которой ядовиты; от *ц.лудар* «черный»).

-*лукь*, -*укь* — образует слова со значением обладателя, встречается редко: *излукь* «болезненный (от *изес* «болеть»)»; *жалукь* «спорщик» (от *жал* «спор»); *пинцлукь* «сопьяк».

-*кьар* — образует только два слова: *узикьар* «двоюродный брат», *рузикьар* «двоюродная сестра».

-*тI* встречается только в слове *уркутI* «колесная дорога» (от *уркура* «арба»).

Образование множественного числа существительных.

Большинство существительных даргинского языка употребляются в единственном и множественном числах, но встречаются и такие существительные, которые в обыденной речи во множ. числе не встречаются: *кьукъу* «гром», *дукелци*, «смех», *дагъри* «ум», *биса* «плач», *аргъала* «сознание», *урехи* «боязнь, опасность», *гъягъя* «щебень», *яни* «зима», *курега* «дикий абрикос», *авара* «хлопоты» и др. Многие отглагольные имена на *ни* во множ. ч. не употребляются: *вакIни* «приход», *арукъни* «уход» и др.

Имеются и такие существительные, которые употребляются только во множественном числе: *чекъри* «сухой навоз»; *тIуйми* «верхняя часть спины»; *дукIари* «капли воды» (которые падают с потолка, когда крыша неисправна); *урхи* «ручная мельница» (множ. число); *декъари* (бруски, служащие для настилки потолка); *дагIи* «холода» (*дагI* «ветер»); *къярми* «голенища»; *сури* «сажа»; *хъубяхIруми* «весенний праздник, веселье»; *демдри* «опухоль»; *ккаши* (муг.) «голод»; *зубри* «небо» (*зубари* «звезда»); *дацIи* «яловые» (коровы); *пяхъ-лантIи* (муг.) «грипп»; *хъяшхъи* «прыщи»; *уницIби* (боковые вставки в рубашке под рукавами); *бяхъ-яслуми* «лысина» и др.

Имеются наконец и такие существительные, форма ед. числа которых употребляется как в един., так и во множ. числе: *урчи* «лошадь» и «лошади»; *картошка* «картошина» и собирательно «картошка»; *хъара* «горошина» и «горох»; *мирхъи* «пчела» и «пчелы»; *маза* «овца» и «овцы»; *хIянчи* «работа» и «работы»; *тIама* «голос» и «голоса, шум»; *дек* «кизяк» и «кизяк»; *урцул* «полено» и «дрова»; *секIал* «вещь, вещество» и «вещи», *къар* «трава» и «травы»; *гIянжи* «земля» и «почва» (говорят *ишиди гIянжи сари* и *иш гIянжи саб* «это есть почва, это есть земля») и др.

В кайтагском диалекте таких существительных встречается больше: *хъяр* «груша» и «груши»; *чух* «орех» и «орехи», *ици* «яблоко» и «яблоки» и др.

Способы образования множ. числа.

Вопрос об образовании множественного числа существительных в даргинском языке довольно сложен. Кроме того

факта, что формы множ. числа существительных имеют много различных показателей, сама основа существительного при этом тоже часто подвергается фонетическим изменениям. Тем не менее все формы множ. числа, за исключением случаев, где множ. число образуется одной лишь внутренней флексией, имеют общую черту: все они оканчиваются на гласный *и* (цудах. *e*).

Не все существительные во множ. числе принимают специальный аффикс этой формы. Есть и такие существительные, у которых множественное число образуется при помощи лишь внутренней флексии, заменой гласного в основе гласным *у*:

набадари «морковка» — *набадури* (мн. ч.);
мухъари «ячменный хлеб» — *мухъури*;
гIятари «черемша» — *гIятури*;
гантари «уголь» — *гантури* (муг.);
чIимичIали «ресница» — *чIимичIули*;
мурчIали «воск» — *мурчIули*.

Как видно из примеров, такие существительные в ед. числе имеют в конце *-ари*, или *-али*, *-ала*, но не все существительные на *-ари*, *-али*, *-ала* могут давать такую форму множ. числа; этот способ образования множ. числа продуктивным сейчас не является.

В названиях народностей и племен, образуемых от названий аулов, мест, стран и в словах со значениями: «житель такого-то аула, житель гор, равнины, той или иной страны» встречается еще другая форма множественности или собирательности, которая тоже образуется с внутренней флексией, но не от формы единственного числа этого слова, а от названия селения, местности, страны, причем круг названий, от которых образуется эта форма, ограничен.

Как правило, в даргинском языке форма числа образуется от формы единственного, но в таких племенных названиях дело обстоит иначе: здесь от формы множ. числа прибавлением суффикса образуется форма единственного:

цIудхъур «цудахарцы» — *цIудхъран* «цудахарец»;
булхъур «балхарцы» — *булхъран* «балхарец»
хIурхъ «урахинцы» — *хIурхъан* «урахинец».

Изменения, происходящие в основе существительного при образовании множ. числа нельзя считать за чисто фонетическое явление (за исключением, пожалуй, случаев выпадения гласных), наоборот, это явление морфологическое и, весьма вероятно, что такое изменение в даргинском языке когда-то было главным способом образования множественного числа.

Суффиксы множественного числа.

Преобладающее большинство существительных во множественном числе принимает один из следующих показателей множественности:

-би: *хIеркI* — *хIуркIби* «реки»; *парта* — *партаби* «парты»; *унра* — *унруби* «соседи»; *хIули* — *хIулби* «глаза»;

-ти: *адам* — *адамти* «люди»; *трактор* — *тракторти* «тракторы»; *метр* — *метрти* «метры»;

-ни: *хIяз* — *хIязани* «игры»; *хIар* — *хIарани* «верхи»; *хIаба* — *хIабни* «горшки»; *хIяба* — *хIябни* «ремни»; *курс* — *курсани* «курсы»; *парк* — *паркани* «парки»; *танк* — *танкани* «танки» (иногда, как видим, с предшествующим гласным).

-ми: *хIу* — *хIуми* «посевы, поля»; *цIа* — *цIами* «огни»; *ши* — *шими* «селения, аулы»;

-ри: *хIали* — *хIулли* «дома»; *бахI* — *бахIани* «лица, стороны»; *бекI* — *бургани* «головы»; *бятI* — *бутIри* «утки»;

В диалектах цудахарского типа в слове *хя* «собака» встречается окончание *де*: *худе* (акуш. *хари*). В наречии селения *Дизьбук* от этого слова мы имеем множ. ч. *хурги*.

-и: *унц* — *унци* «быки»; *тум* — *туми* «жилы»; *бецI* — *буцIи* «волки»; *кьял* — *кьули* «коровы»;

-хIали в собственных именах: *АлихIали* «Алиевы»; *ПатIиматхIали* (Патимат с ее семьей или с ее подругами); *нешхIали* (мать и ее семья), *халанешхIали* «бабушка с ее семьей».

-дури: *гьуни* — *гьундури* «дороги»; *муса* — *мусадури* «места».

-т: *губдалунт* «губденцы»; *лавашакунт* «левашинцы» (ед. ч. *губдалан*, *лавашакан*); *кIадарунт* «кадарцы»; *хажакунт* «ходжалмахинцы» (ед. ч. *кIадаран*, *хажакан*).

В школьной грамматике даргинского языка суффикс *-хIали* всегда включается в показатели множественного числа, но говорится, что он выражает лишь множественность лиц, объединенных семьей или иной взаимной общностью. Когда мы говорим *АлихIали*, мы не подразумеваем несколько лиц по имени «Али», а подразумеваем Али с его семьей, родом, товарищами. Когда мы говорим: *нешхIали* мы не подразумеваем несколько матерей, а мать с ее семьей и т. д.

Даргинское множественное число *АлихIали* аналогично русскому Алиевы, Тимохины: многие даргинские роды и племена носят собственные имена с суффиксом *-хIали*: *БурагIанхIали* «Бурагановы», *АбдуразакахIали* «Абдуразаковы» и др.

Сложные суффиксы множественности.

Перечисленные выше суффиксы являются простыми окончаниями множ. числа. Перед некоторыми из них (*би*, *ти*, *-ни*, *ми*) иногда появляются другие звуки, гласные и согласные, образуя таким образом сложные суффиксы множественности.

-рби: *ванза* «земля» — *ванзурби*, *вацIа* «лес» — *вацIурби*; *гIиниз* «родник» *гIинзурби*; *иникI* «пещера, ущелье» — *инкIурби*; *гIямзи*, «угол» — *гIямзурби*; *дазу* «граница» — *да-*

зурби; *магIна* «смысл, значение» — *магIнурби*; *аги* «мотив» — *агурби*;

-нби: *ибала* «шов» — *иблунби*; *байхIала* «половина» — *дайхIлунби*; *агIниахIала* «вещь, утварь» — *агIниахIлунби*. Все существительные, оканчивающиеся во мн. ч. на *нби* могут оканчиваться и на *-ми*, *-луми*. Суффикс *-нби* является специфической особенностью акушинского диалекта;

-луми: *ахIдеш* «добро хорошее дело» — *ахIдешлуми*; *вайбаркI* «зло» — *вайбаркIлуми*; *баркIуди* «действие, дело» — *баркIудлуми*; *артIала* «кусок, отрез» — *артIлуми*;

-румид: *ула* «сито» — *улрумид*; *кIала* «крепость, город» — *кIалрумид*; *хали* «охотничья собака» — *халрумид*; *бали* «буйвол» — *балрумид*; *гула* «бык» (откормленный для убоа) — *гулрумид*;

-рти: *кьяйда* «правило» — *кьяйдурти*; *пайда* «польза» — *пайдурти*; *хIилла* «хитрость» — *хIиллурти*; *макру* «интрига» — *макрурти*;

-инти: *ч-арма* «бочка» — *чармунти*; *бурма* «винт» — *бурмунти*; *лезми* «язык» (орган тела) — *лезмунти*. Суффикс этот встречается редко, вместо *-нти* часто употребляется *-ни* (*чармуни*, *бурмуни*, *лезмуни*);

-лти: *ишара* «знак, намек» — *ишаралти* (муг.); *минара* «минарет» — *минарулти*; *гIадара* «чашка» — *гIадарулти*; *чядира* «бязь» — *чядирулти*.

Кроме того, перед некоторыми из показателей множественного числа появляются гласные *а*, *у*; перед *-би*: — *кIянкI* «нос» — *кIянкIуби*; *кIентI* «губа» — *кIунтIуби*; перед *-рби* — *гIиниз* «родник» — *гIинзурби*, *иникI* «пещера, ущелье» — *инкIурби*; перед *-ни* (в односложных словах *а*, в многосложных *у*) — *курс* — *курсани*; *мер* «место» — *мерани*; *кIар* «травы» — *кIарани*; *банк* «банк» — *банкани*; *кIучакI* «молодец» — *кIучакIуни*; *букIакI* «халва» — *букIакIуни*; *дудеш* «отец» — *дудешуни*.

Таким образом форма множественного числа существительного в даргинском языке образуется примерно двадцатью суффиксами: *-би*, *-уби*, *-рби*, *урби*; *-нби*, *-рти*, *-нти*, *-лти*; *-ани*, *-уни*; *-ми*, *-луми*, *-румид*; *-ри*, *-и*; *хIали*, и посредством изменения основы без прибавления специального показателя. Если не учитывать те гласные и согласные, которые прибавляются перед показателями множественности, то простых суффиксов будет восемь: *би*, *т*, *ти*, *ни*, *ми*, *ри*, *и*, *хIали*.

Теперь мы остановимся на условиях употребления суффиксов множ. числа в отдельности:

Суффикс би.

Его принимают все новые заимствования из русского языка, кончающиеся на гласный:

парта — *партаби*; *банка* — *банкаби*; *перо* — *пероби*; *партия* — *партияби*.

хъими; чи «нитка» — чими; кли «провода» — клими; ебе «семя» — ебеми; хъу «посев» — хъуми; ши «аул» — шимми и др.

Исключение составляют слова: хя «собака» — хури (цудах. худе; дибукск. хурги); кла «лист» — клари и клами;

— Существительные с основой на *ри*; при этом конечный *и* переходит в *у* или выпадает:

пикри «мысль, дума» — пикруми; агри «нужда» — агруми; дабри «обувь» — дабруми; ругери «русло» — ругруми; хъу цлари «плечо» — хъуцруми (цудах. хъуцрумпе); шури «скала» — шурми; клури «большой кувшин» — клурми; чури «кося» (прическа) — чурми; сири «люлька» — сирми.

Исключение составляют существительные на *ари*, у которых множ. число образуется одной лишь внутренней флексией. Исключается также слово хляри «плетень» — хляруби.

— Существительные на *ала*, *ла*, *лла*, причем предпоследний гласный (*а*) выпадает, последний гласный переходит в *у* или выпадает; второй из двух *л* иногда переходит в *р* (явление диссимиляции), в некоторых словах на *ла*, *ли* наслаивается *р*:

аргъала «отруби» — аргълуми, аргъули, аргъули; арглала «отрез, кусок» — арглуми; байхъала «половина» — байхълуми; беркала «кушанье» — берклуми; бала «шерсть» — балми; къала «комок» — къалми и къулми; зула «бык» (откормленный для убоя) — зулруми; цла «сито» — улруми (урах. уллуми; цудах. зунруме от ед. зула); бали «буйвол» — балруми; къала «крепость» — къалруми (цудах. къалруме); къулла «бассейн» — къулруми; билла «грабли» — билруми.

Но иначе образуют слова: пяхла «перо» — пяхли и пухли; пусала «пылинка» — пусли;

— Двухсложные существительные на *ра*, причем гласный *а* выпадает или переходит в *у*:

чара «круглый большой таз» — чарми; хляра «дуло» — хлярми; кура «лопата» (деревян.) — курми; цура «свинья» — цурми; шара «озеро» — шарми, шаруби и шараби; тавра «сумка» — таврми;

Но: мура «сено» — мурби.

Этим не исчерпываются существительные, принимающие окончание *ми*. Имеются и другие существительные, которые его принимают:

хъитла «чурбан» — хъитли; кигъа «баран» — кигъми (муг. кива — кивни); утли «соска» — утли; гякълу «ум» — гякълуми; дурега «рабческа» — дургми; дуруг «веретено» — дургми; киса «карман» — кисми (урах. кисни); дирихъ «туча, облако» — дирихъми, дирихъми и дирихъуни; кулеха «браслет» — кулухми (муг. кулхми); тулека «кольцо» — тулукуми

(муг. тулкми); хулега «бублик» — хулукуми; гъай «сани» — гъайми (муг. гъайри); къада «куст» — къадми, къадуби; гъаруш «буза» — гъарушми и гъарушми; къуруш «рубль» — къурушми и къурушми; чирагъ «лампа» — чирагъми (муг. чиргъми); гъая «веревка» — гъайми (муг. гъайгъби); хлячи «корень» — хлячми; дураз «соха» — дурзми, дуразми и дуразуни; лутли «подкова» — лутли; тур «меч» — турми, турани и др.

Кроме выпадения конечного гласного или перехода его в *у*, в основе существительного с суффиксом *-ми* иногда происходит изменения: второй от конца гласный выпадает или переходит в *у*: это видно из следующих примеров:

ургала «середина» — урглуми; бутлари «кусок» — бутлруми; бургъала «обломок» — бургълуми; ругери «русло» — ругруми, ругерти.

Суффиксы луми (руми).

Этот суффикс принимают производные существительные, образованные элементами: *-деш*, *-баркъ*, *-уди*, *-бухъ*, *-булхъ*, *-лди*; эти существительные могут принимать и показатель мн. ч. *уни*:

шинклагеш «сырость, жидкость», — шинклагешлуми, шинклагешуни; ахлдеи «добро» — ахлдеишлуми и ахлдеишунуни; ахбаркъ «добродетель» — ахбаркълуми и ахбаркъуни; баркъуди «действие» — баркъудлуми; гъятлбухъ «обвал» — гъятлбухълуми; тясбулхъ «каток» — тясбулхъуни, къаралди «фигура» — къаралдлуми.

Суффикс и.

Слова, принимающие суффикс *и* немногочисленны; в цудах. диалекте круг употребления этого показателя шире, чем в акушинском или урахинском.

Большинство существительных, принимающих этот суффикс, состоят из одного закрытого слога:

бецл «волк» — буцли; гъабш «рыба» — гъубши; гемс «мускул» — гемси и гумси; къял «корова» — къули; мегъ «железо» — мугъи и мугъри; мекъ «свадьба» — мукъи и мукъри; тентл «муха» — тунтлри; жяр «ива» — жяри и жярани.

Гласные в основе при этом, как видим, часто переходят в *у*:

Некоторые существительные с числом слогов больше двух, оканчивающиеся на *р(а)*, *л(а)*, *л(и)*, принимая *и*, подвергаются изменениям: предпоследний гласный или выпадает, или переходит в *у*, конечный гласный *а* переходит в *и*:

уркур(а) «арба» — уркри; уркъул(и) «доска» — уркъли; гъубзар(а) «крестьянин» — хъубзури; узикъар «двоюродный брат» — узбикъури; рузикъар «двоюродная сестра» — рузбикъури; имиари и имиала «муравей» — имиури или имиули;

пусала «пылинка» — пусли, уцгала «щепка» — уцли; пухля-ла «перо» — пяхли и пухли.

Обращают на себя внимание слова *узбикьури*, *рузбикьури*, *чуднихинкли* «галушки с начинкой» (от ед. ч. *чудухинкли* «пирог, галушка»).

Слова *узикьар* и *рузикьар* являются сложными, состоящими из *узи* «брат», *рузи* «сестра» и *кьар* (не имеет самостоятельного значения). Во множ. числе в них изменяются обе части: *узи*, *рузи* (*узби*, *рузби*) и *кьар* (*кьури*); *чуду* (*чудни*) *хинкли* (*хинкли*).

В существительных на *ал* или *ул* гласный выпадает: *секгал* «вещь, вещество» — *секгли*; *клуцгул* «ложка» — *клуцли*; *мурул* «муж» — *мулли* (урах. *мургул* — *мугли*); *хьунул* «жена» — *хьунри* (урах. *хьунни*); *гляшул* (мулеб.) «кремень» — *гяшли*.

Особняком стоит слово *эмхле* «осел» — *эмхли*, *умхли*, где первый гласный переходит в *у*.

Что касается слов *мурул* и *хьунул*, то здесь вместо ожидаемых форм *мурли*, *хьунли* мы имеем *мулли*, *хьунри*.

Суффикс ни (ани, уни).

Этот суффикс принимают:

— новые заимствования, оканчивающиеся на согласные, кроме *б*, *в*, *й*, *л*, *ль*, *м*, *н*, *нь*, *р*, *рь*:

коммунист — *коммунистуни*, *большевик* — *большевикуни*; *совет* — *советуни*; *танк* — *танкани* и *танкаби*; *парк* — *паркани*; *курс* — *курсани*; *курсант* — *курсантуни*; *пиж* «печ» — *пижани*.

ани принимают также заимствованные односложные существительные с согласным исходом, когда в слове нет стечения двух согласных:

мел — *мелани*; *тел* — «телеграмма» — *телани*; *тыл* — *тылани*; *пар* — *парани*; *пай* — *паяни*.

В заимствованных словах с суффиксом множественности *ни* никаких изменений в основе не происходит, но перед *ни*, в зависимости от числа слогов, появляется *а* или *у* (в односложных словах без стечения согласных *а*, в других — *у*).

Что касается других существительных (не являющихся новыми заимствованиями), то с ними дело обстоит немного иначе. Этот суффикс мн. ч. принимают существительные как при конечном согласном, так и при любом гласном, причем перед гласным может стоять любой согласный. Его принимают и такие существительные, которые оканчиваются на один из указанных выше звуков, если существительное односложное:

гежба «козлик» — *гежбуни* и *гужби*; *гилавка* «фунт» — *гилавкуни*; *булеги* «лакеп» — *булугуни*; *цайба* «тетерев» — *цайбуни*; *чакма* «сапоги» — *чакмуни*; *буреба* «иглолка» — *бурбуни*; *багьа* «цена» — *багьни*; *бугьа* «бугай» — *бугьни*;

девани и *дугьби*; *куц* «вид» — *куцани*; *кьар* «трава — кьарани»; *хьар* «низ» — *хьарани*; *мер* «место» — *мерани*; *бай* «середина» — *бални*; *хлял* «положение» — *хлялани*; *хур* «липа» — *хурани*, *пал* «треск» — *палани*; *ар* «черенок» — *арани*; *хьяб* «шея» — *хьябани* и *хьубри*; *цледеш* «фрукт» — *цледешуни*; *ахидеш* «добро» — *ахидешуни* и *ахидешлуми*; *клатат* «поднос» — *клататуни* и *клататуни*.

На *ни* оканчиваются факультативно также почти все те существительные, которые принимают суффикс мн. ч. *луми* (существительные на *деш*, *баркь* и т. д.).

Как видно из примеров с показателем *ни* даргинские исконные существительные подвергаются в основе флективным изменениям: там, где есть конечный гласный, он выпадает, или переходит в *у*; там, где его нет, он появляется, гласный *а* выпадает или переходит в *у*: *хлуреба* «войско» — *хлурбуни*; *буреба* «иглолка» — *бурбуни*; *гьякла* «штраф» — *гьякни*; *юзбаши* «старшина» — *юзбашуни*; *бурма* «винт» — *бурмуни*.

Суффикс ти.

Его принимают во мн. ч. следующие слова:

— Новые заимствования с количеством слогов больше одного, без стечения согласных с исходом на *б*, *в*, *й*, *л*, *ль*, *м*, *н*, *нь*, *р*, *рь*. *трактор* — *тракторти*; *секретарь* — *секретарьти*; *бухгалтер* — *бухгалтерти*; *букварь* — *букварьти*; *метр* — *метрти*; *аэроплан* — *аэропланти*; *вагон* — *вагонти*; *герой* — *геройти*; *диплом* — *дипломти*; *план* — *планти*; *пристань* — *пристаньти*; *двигатель* — *двигательти*; *учитель* — *учительти*; *залив* — *заливти*; *остров* — *островти*; *пролив* — *проливти*; *устав* — *уставти*, *коллектив* — *коллективти*; *комбайнер* — *комбайнерти* и др.

— Его принимают и другие многосложные существительные на согласные *б*, *в*, *й*, *л*, *м*, *н*, *р*.

глязаб «мука, мучение» — *глязабти*; *кьатав* «мозоль» *кьатавти*; *хьяйхьяй* «челюсть» — *хьяйкьуби*, *хьяйхьуйти*; *дарай* «шелк» — *даруйти*; *хлякул* «лопух» — *хлякулти*; *рухьер* (и) «краска» — *рухьерти*; *урхам* «жарнов» — *урхамти*; *тухум* «род» — *тухумти*; *дарман* «лекарство» — *дарманти*; *арцан* «птица» — *арцанти*; *чягьир* «вино» — *чягьирти*; *чугур* «чугур» — *чугурти*.

— Из односложных имен существительных *ти* принимают: *хляз* «игра» — *хлязти* и *хлязани*; *дяв* «борьба» — *дявти* и *дявани* в значении «спор»; *вег* «хозяин» — *вегти*; *мар* «правда» — *марти*; *лагь* «раб» — *лагьти* (муг., акуш. *лагьри*).

— Суффикс *ти* принимает также большая часть существительных на *ала*, *ила* (часть из них могут оканчиваться и на *ми* или *луми*) *ани*, *ари*:

аргьала «отруби» — *аргьулти*; *агльнахгала* «вещь, утварь, инструмент» — *агльнахглуми*, *агльнахгьулти*; *дургила* «гумно, ток» — *дургилути*, *дургилуми*; *дугени* «корм» — *дугенти*; *рур-*

гани «сверло» — *руганги*; *къянари* «кувшин» — *къянурти* (и *къянулти*); *кьицIатIари* «отрез» — *кьицIатIурти* (и *кьицIатIури*).

Суффикс -рти.

Его принимают слова на *ла, лу, ри, ру, му, я, ну*: *хIилла* «коварство» — *хIиллурти* и *хIиллуми*; *давла* «богатство» — *давлурти* и *давлуми*; *гIякълу* «ум» — *гIякълурти* и *гIякълуми*; *пикри* «мысль» — *пикрурти* и *пикруми*; *амру* «повеление» — *амрурти*; *зулму* «гнёт» — *зулмурти*; *тутия* «цинк» — *тутишурти*.

Суффикс -лти.

Его принимают трехсложные слова с исходом на *ра*: *минара* «минарет» — *минарулти* и *минараби*; *гъадара* «чашка» — *гъадараби*; *чядира* «бязь» — *чядирулти*; *даража* «степень» — *даражулти*, *даражаби*, *даражуни*, *даражлуми*; *бадира* «ведро» — *бадирулти* и *бадираби*; *ишара* «знак» — *ишарулти* и *ишараби*.

Суффикс -нти.

Его принимают слова на *ма, ми*: *бурма* «винт» — *бурмунти* и *бурмуни*; *чакма* «сапоги» — *чакмунти* и *чакмуни*; *чялма* «чалма» — *чялмунти* и *чялмуни*; *лезми* «язык» — *лезмунти* и *лезмуни*.

Из всего сказанного видно, что формы множ. числа существительных в даргинском языке упрощаются и сокращаются; наращенные, стоящие перед показателями *лу, ру* и др. исчезают. Возможно, что в прошлом даргинских суффиксов множ. числа было даже больше, чем это мы находим ныне в лакском языке. Кроме того из примеров видно, что многие существительные факультативно принимают несколько суффиксов множ. числа; они в множ. числе имеют, следовательно, несколько факультативных форм. Это относится лишь к исконно даргинским словам и к словам, заимствованным даргинцами из других языков уже давно. В новых словах такого разнообразия в формах множественности мы не наблюдаем: здесь употребляются всего три простых суффикса множ. числа: *би, ни, ти*.

Падежи даргинского склонения.

В акушинском диалекте даргинского языка существуют семь общих падежей и сверх того местных падежей двенадцать (по 3 падежа в 4 сериях). Всего в даргинской системе склонения надо считать 19 падежей, а именно:

I. Общие падежи:

- Именительный — *адам* «человек»;
- Родительный — *адамла* «человека»;
- Эргативный — *адамли* «человек» (как деятель);
- Дательный — *адамлис* «человеку»;
- Совместный — *адамличи* «с человеком»;
- Предметный — *адамличила* «о человеке»;
- Орудный — *адамличибли* «человеком».

II. Местные падежи:

Направительные — *адамличи* «на человека, к человеку» (*адамлизиди, адамлихIи, адамлиу*).

Местные — *адамличиб* «у человека, на человека»; (*адамлизиб, адамлихIиб, адамлиуб*).

Исходные — *адамличибад* и *адамличибадли* «от человека, с человека» (*адамлизибад, адамлихIибад, адамлиубад*).

Значение предметного падежа ясно из данного нами перевода этой формы.

От слова *адам* «человек» в реальной речи некоторые из приведенных форм не встречаются и являются как бы искусственно образованными (таковы, например, формы *адамлихIи* «в человека», *адамлихIибад* «из человека»). От других же существительных подобные формы являются живыми.

Элемент *б* в местных падежах и в орудном падеже является классным показателем, который чередуется (*в, р, б, д*) в зависимости от класса, того имени, к которому относится данный падеж. Элементы *ч, з, хI, у* являются показателями так называемых серий падежей: *чи*, «на...» и «к...»; *зи* «в...»; *у* «под...». Элемент *чи* (*чиб, чибад*) в акушинском диалекте имеет два значения: «на...» и «к...» — *адамличи* значит «к человеку» или «на человека». В других диалектах эти оба значения выражаются отдельными формами: *чи*, или *ки* «на...» *чу* или *цу* «к...». Следовательно, в этих диалектах и серий местных падежей надо считать не четыре, а пять: *зи, хIи* (или *гIи, чи, чу, у*).

Не все диалекты даргинского языка имеют совместный и предметный падежи; например, в урахинском нет совместного падежа *адамличил*. В значении акушинского совместного падежа здесь употребляется направит. падеж со значением «к...» с последующим послелогом *варх* (*барх, дарх*) «вместе» — *адамгичу варх*. В некоторых диалектах (например, в сургинском и кайтагском) вместо акушинского предметного падежа (*адамличила*) употребляют словосочетание *адимла хIекъицице* (*адимла* родит. падеж, *хIекъицице* мест. падеж от *хIекъ* «истина») о человеке». Эта же форма употребляется и в других диалектах, в том числе и в акушинском, параллельно с формой предметного падежа.

В урахинском диалекте для выражения падежей движения «через» имеется особая форма, отличная от формы исходн. падежа, с окончанием *-ббит* (*бб* — окаменевший классный показатель): *вацIализиббит арикъвян* «ушел через лес». Это значение в акушинском диалекте выражается формой исходного падежа.

Для выражения превосходства по качеству одного предмета над другим, в урахинском диалекте имеется особая форма на *-йишиб*: *адамгйишиб унц, декIли бирар* «бык тяжелее человека». Аналогичные формы имеются в цудахарском,

мугинском и других диалектах: *-лиргъяр* (цудах.) *-ликир* (муг.). В акушинском диалекте также это значение выражается формой, образуемой от разных падежей с добавлением окончаний *-чиб*: *униц адамличиб декли бирар* «бык тяжелее человека».

Эта форма, называемая П. К. Усларом «уступающим» падежом, может быть образована почти от всех падежей кроме предметного и орудного:

от имен. — *эмхлечиб* «чем осел»
родит. — *эмхлелайчиб* «чем у осла, чем ослиный»
эрг. — *эмхленичиб* «чем осел»
дат. — *эмхлесичиб* «чем ослу»
совм. — *эмхлечиличиб* «чем с ослом»
направ. — *Лавашаличиб* «чем в Левашах»
мест. — *Лавашабичиб* «чем в Левашах»
исход. — *Лавашабадичиб* «чем из Левашей»

В цудахарском диалекте имеется особый звательный падеж, который оформляется передвижением ударения к началу слова, как об этом было упомянуто в разделе ударения.

Существительные, имеющие частичное склонение.

Несклоняемых существительных в даргинском языке нет, но есть такие существительные, которые склоняются частично, встречаясь лишь в некоторых формах. Таковыми являются старинные названия аулов, которые в даргинском языке отличаются рядом особенностей: направ. падеж от них оканчивается на гласный *а* или *и*. Иногда форма направ. падежа совпадает с формой именительного: *Ахъуша* — «Акуша» и «в Акуша»; *Бутри* — «Бутри» и «в Бутри»; *Цудахъар* «Цудахар» — *Цудахъарив* «в Цудахаре»; *Уркарахъ* «Уркарах», — *Уркарахъив* «в Уркарахе»; *Хирехъи* — «Урахи» и «в Урахи».

Приведем здесь от названий аулов формы, выражающие приближение к ним, пребывание в них, удаление из них.

Хирехъи «в Урахи», *Хирехъив* «в Урахи», *Хирехъивад* «из Урахи»; *Ахъуша* «в Акуша», *Ахъушав* «в Акуше», *Ахъушавад* «из Акуша»;

Цудахъари «в Цудахар», *Цудахъарив* «в Цудахаре», *Цудахъаривад*, «из Цудахара»;

Балхъари «в Балхар», *Балхъарив* «в Балхаре», *Балхъаривад* «из Балхара»;

Уркарахъи «в Уркарах», *Уркарахъив* «в Уркарахе», *Уркарахъивад* «из Уркараха».

Лаваша «в Левашах», *Лавашав* «в Левашах», *Лавашавад* «из Левашей».

Усиша «в Усиша», *Усишав* «в Усиша», *Усишавад* «из Усиша».

Ряд таких названий употребляется и в значении жителей данного аула. Тогда эти названия склоняются по всем падежам:

ахъушала «акушинцы» — род. п.;
ахъушани — эргатив;
ахъушачи «к акушинцам» направ.;
ахъушачил «с акушинцами» — совместный;
бутрила «бутринцы» — родит. п.;
бутрини — эргатив;
бутрис «бутринцам» — дат.;
бутричила «о бутринцах» — предметный.

Иначе склоняются новые названия аулов, селений и городов; они склоняются по всем падежам, образуя их по общему правилу:

Сергокъала «Сергокала»
Сергокъалала — родит.
Сергокъалали — эргатив.
Сергокъалализи — направ. и т. д.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ПАДЕЖЕЙ.

Подробно говорить о значениях даргинских падежей следует в синтаксисе. Здесь мы вкратце скажем только, каковы основные значения этих падежей.

1. Именительный падеж употребляется, когда называют какой-либо предмет. *Али сай* «Али (есть)», *табтар саби* книга (есть)». Этот падеж употребляется и как обращение: *Али, иша ваши* «Али, иди сюда»; имен. падеж выражает подлежащее (действующее лицо или предмет, который находится в том или ином состоянии); выражает именное сказуемое: *Али ваклиб* «Али пришел», *Али учитель сай* «Али учитель есть»; выражает прямое дополнение, когда сказуемое выражено переходным глаголом: *Алини кагъар белкун* «Али написал письмо».

Кроме того, имен. падеж может выражать время, если перед ним стоит какое-либо определение: *ахлси замана*, *заб дариб* «в хорошее время дождь пошел», т. е. «дождь был во время».

2. Родительный падеж в большинстве случаев совпадает по употреблению в речи с родительным падежом русского языка; он выражает: притяжательность: *Алила табтар* «книга Али»; вещество, из которого сделан или состоит предмет: *дубсила гажин* «медный кувшин»; *гъезла муцлур* «борода» (букв. «борода волос»; в даргинском языке «подбородок» и «борода» выражаются одним и тем же словом: *муцлур*); выражает относительное определение: *колхозла азбар* «колхозный двор» (букв.: «двор колхоза»), *Советунала Армия* «Советская Армия»; выступает в роли прилагательного (когда

образован от наречия): *дурала улкни* «внешние государства» (т. е. «иностранные государства»), *гылабла замана* «прежнее время».

Во всех этих значениях родит. падеж выступает в роли определения, но нередко он употребляется и в других значениях. Он выражает субстантивированное прилагательное, может выражать при этом подлежащее и объект и может склоняться, будучи сам по себе падежной формой наравне с именем: *ахъушала баклиб* «акушинцы (или «акушинские») пришли», *нуни ахъушала чехлебаира* «я акушинцев не видел». Родит. падеж от имени, обозначающего племя или народность, употребляется собирательно, говорят: *ахъушала* «акушинцы», *цлудхъурла* «цудахарцы», *кларакъала* «аварцы» и т. д. Однако, такое употребление родит. падежа ограничено: нельзя сказать *урусла* в значении «русские», *узбекла* в значении «узбеки», а надо прибавить существительное, определяемое этим падежом: *урусла халкъ*, *узбекла халкъ* (или: *урус*, *узбекуни*). Нельзя также сказать: *ахъушала* в значении «акушинец» или «акушинский» в единственном числе.

Родит. падеж выступает в роли прямого дополнения, когда действие как бы переходит на часть предмета: *чайла бержес* «попить чаю»; *кел чайла держира* «выпил два (стакана) чая».

Употребляется родит. падеж и в роли косвенного дополнения, когда с глаголом сливается определяемое им имя и в ряде других случаев: *дудешла хляздухъун* «отец захотел»; (букв.: «отца охота вышла»); *дила карандаш агара* «у меня карандаша нет» (букв.: «мой карандаш отсутствует»); *нушани туглила чягъир дарра* «мы приготовили вино из винограда».

Родит. падеж выражает также как бы «ограничительное» дополнение: *галга къялубала беруб* «у дерева высохли ветки» (букв.: «дерево высохло веток»); *нуни галга къялубала бурдира* «я у дерева порубил ветки».

3. Эргативный падеж выражает в даргинском языке подлежащее переходного глагола: *Алини кагъар белкун* «Али письмо написал»; подлежащее непереходного глагола в том случае, когда объектом является первая часть сложного глагола: *Алини гъандуциб* «Али выдержал, потерпел» (букв. *гъан* «терпение» — объект); орудие действия: *нуни бардали урцули кадердира* «я топором дрова порубил»; объект: *ну къацли велкунра* «я хлеба наелся» хлебом наелся; *ну газетали учулра* «я читаю газету»; обстоятельство времени: *ши хляни ца сагъатли барес вирар* «эту работу за один час можно закончить»; причину: *ит иззай вебклиб* «тот больной умер».

Даргинский язык допускает две различные эргативные конструкции, одинаковые по своему значению: 1) конструк-

цию, где эргатив выражает подлежащее (-субъект) действия переходного глагола при объекте в именит. падеже, и 2) конструкцию, где эргативный падеж выражает объект несовершенного (длительного) вида переходного глагола при подлежащем (субъекте) в именит. падеже — конструкция, обратная предыдущей.

Русскую фразу «я режу мясо» на даргинский язык свободно можно перевести в двух вариантах: *нуни дигъ къисбирулра*, и: *ну дигъли къискилурла*. В первом предложении глагол *къисбирулра* переходный и по классу согласуется с прямым объектом *дигъ* «мясо», во втором предложении несовершенный (длительный) глагол *къискилурла* непереходный и согласуется по классу с подлежащим (субъектом) в именит. падеже: женщина скажет: *ну къискилурла*, многие люди: *къискилурла*.

Употребление переходного глагола в непереходной длительной форме в виде указанной здесь конструкции для даргинского языка обыкновенное явление: *нуни къацли беркунра* «я съел хлеб» — можно выразить и так: *ну къацли укунра* «я наелся хлеба» (хлебом).

нуни шин держира «я выпил воду»

ну шинни ужира «я напился водой» (т. е. «напился воды»);

нуни газета бучулра «я читаю газету»

ну газетали учулра «я нахожусь в процессе чтения газеты».

Переходный глагол даргинского языка, употребляемый непереходно, напоминает иногда возвратный или страдательный глагол русского языка:

нуни табтар бучулра «я читаю книгу»;

ну табтарли учулра «я занят чтением книги»;

нуни шин держира «я выпил воду»;

ну шинни ужира «я напился воды»;

нуни урчи чебиулра «я вижу лошадь»;

урчи чебиур «лошадь видна»;

нуни вявла бикъулра «я крик слышу»;

вявла бикъур «крик слышится, слышно»;

наб ишгъуна секлал гъанбиркулра «я такую вещь думаю»;

наб ишгъуна секлал гъанбиркур «мне такая вещь думается».

Когда мы говорим: *бадира бицлиб* «ведро наполнилось», подлежащим нужно считать *бадира* «ведро»; когда говорим: *Алини бадира бицлиб* «Али наполнил ведро», подлежащим нужно считать Али. Когда говорим: *шара шинни бицлиб* «озеро наполнилось водой», подлежащим может быть *шара* «озеро» и тогда глагол будет как бы в возвратном значении,

подлежащим можно здесь считать и *шинни* «водой», тогда глагол будет как бы действительным.

Когда же возвратный даргинский глагол по своей форме отличен от действительного, тогда двоякий грамматический разбор невозможен:

шара шинни бирцIур (возвр.) «озеро наполнится водой» (*шара* — подлежащее);

шара шинни бирцIу (действ.) «вода наполнит озеро» (*шинни* — подлежащее).

В таких фразах как: *дила урши дявтазив кавшиб* «мой сын на войне убит», *кагъар белкIуй саби* «письмо написано» — подлежащим нужно считать *урши* «сын» и *кагъар* «письмо».

4. Дательный падеж выражает: — то лицо, которому дано или дается что-нибудь: *Алис табтар беда* «отдай Али книгу»; — тот предмет, для которого или ради которого производится действие: *Алис пальто бирба* «сшей для Али пальто» — субъект глагола с семантикой чувственного восприятия: *Алис гъанбикиб* «Али вспомнил», *Алис дигиаур* «Али захотел»; — логический объект глаголов со значением: «ударить, ругать, приветствовать» и т. п.: *Алис бяхъя* «бей Али» (грамматическим объектом в этом примере является рука); говорят: *ХIясай Алис ханжал бяхъиб* «Хасан в Али ударил кинжал» (т. е. «Хасан ударил Али кинжалом»); — обстоятельство времени: *ил жагIяйс бати* «это на завтра оставь».

5. Совместный падеж, с одной стороны выражает предмет, совместно с которым производится действие, а с другой — орудие действия: *Аличил вацIализи вякьунра* «С Али я пошел в лес»; *бардаличил урцуй кавдулра* «я с топором колю дрова», т. е. «топором». Кроме того, этот падеж выражает предмет, против которого направлено действие: *душмантачил ургъес* «бороться с врагами».

6. Предметный падеж выражает тот предмет, о котором говорят, думают или заботятся: *хIянчиличила гъайэс* «поговорить о работе», *вегIла анцIбукъличила пикрикIес* «думать о своем деле».

7. Орудийный падеж выражает причину или средство: *планна кумекличибли мер ункъли багъес имканбикIур* «с помощью плана можно узнать место», *хIечибли иш секIал беттаур* «из-за тебя это дело произошло». Падеж этот своими функциями примыкает к эргативу и к совместному падежу, будучи также близок к творительному падежу русского языка.

Направительные падежи выражают предмет или место, к которому направлено действие, а также время, до которого продолжалось (или будет длиться) действие.

1) При показателе *чи* в акушинском диалекте направительный падеж имеет два значения: «к...» и «на...», т. е. здесь выражается локализация около предмета, у предмета, или на

предмете, на поверхности предмета; это видно из следующих примеров:

дудешличи гъамизэс «приблизиться к отцу»;

уталичи кайэс «сесть на стул»;

дудешличи саламикIес «посылать привет отцу», букв.: «на отца салам говорить»;

узичи гапикIес «хвалить брата», букв.: «на брата похвалу говорить»;

савлиличи бикайчи «до утра».

2) *зи* обозначает направление действия (во что-нибудь сплошное) в стену, в тело и т. п., или внутрь предмета, состоящего из отдельных частей (в город, в лес): *шагъарлизи укъес* «итти в город»,

лацIлизи къярда кабахъес «вбить кол в стену»;

бекIлизи бяхъес «ударить в голову», т. е. «ударить по голове»;

тулбази бяхъес «ударить в пальцы», т. е. «по пальцам»;

шизи гIелабикес «кануть в воду»;

пикрумази илхIес «углубиться в раздумье».

Кроме того элемент *зи* выражает лицо, которому дано что-нибудь для хранения или временного пользования: *урчи дурхIялизи бедиб*, *сай хъули ацIиб* «лошадь отдал мальчику, сам зашел в комнату»; выражает лицо, к которому обращена речь, вопрос или ответ: *дудешлизи хъарбаэс* «спросить у отца»; *нешлизи бурес* «сказать матери»; выражает то лицо, которое при каузативном глаголе заставляют действовать: *Ализи гIярза белкIахъен* «заставь Али написать заявление».

3) *ги* или *хIи* (два окончания одинакового значения) — выражает: предмет или место, в замкнутое, пустотелое пространство которого направлено действие: *хъайгIи* «в дом, домой»; *кисмахIи* «в карманы»; *къумрахIи* «в тарелки»; выражает предмет, к которому направлено действие: *дила шулгIи кайи* «около меня садись», *цIалигIи ваши* «к огню иди».

В ед. числе эта форма направит. падежа в акушинском диалекте встречается редко, она вытеснена в этом диалекте другой формой на *-ла*: *цIала* «к огню», *мякъла* «около», *къанила* «в сундук» и т. д., но множ. число этих же имен принимает и в акушинском окончании *хIи*: *цIамахIи* «к огням»; *къунбахIи* «в сундуки» и т. д.

4) Направит. падеж на *у* выражает предмет под который направляется действие:

столлиу кабихъа «положи под стол»;

галгалиу гIашизурра «стоял под деревом», букв.: «стоял под деревом»; *галгалиу кайира* «сидел под деревом», букв.: «сидел под дерево».

Местные падежи, отвечающие на вопрос: где? образуются от каждого из перечисленных направительных падежей посредством прибавления классного показателя, согласуемого по

классу с тем предметом, который где-нибудь помещается, пребывает. Эти падежи выражают местонахождение предмета, место или время события или действия:

дудеш шагбарлизив сай, неш собранияличир сари, биштга дурхлини хвайглиб саби «отец в городе, мать на собрании, маленькие дети дома»;

диркьаличиб ургьули буру «говорят, что на равнине дождь идет»;

сентябрьличир нуша дучлес дехИдирхьехле «в сентябре мы начнем учиться»;

Кроме того, форма местн. пад. на *чиб* употребляется и в значении «уступающей» или сравнительной формы:

нушачиб гьешачиб унц дурхьаси саби «у нас бык дороже, чем коза» (поговорка). Местн. пад. на *чиб* употребляется и в значении «над чем-нибудь»: *душмайчив чедшикес* «победить врага», букв.: «стать выше над врагом».

Местный падеж на *глиб* или *хлиб* употребляется и в значении «по следам»: *урчилиглив умцлес* «искать лошадь», букв.: «искать по следам лошади». Эту же форму в мугинском и в акушинском диалектах употребляют и в другом значении: *цалиглив урухлес* «бояться огня», что в цудахарском и в некоторых других диалектах выражается формой исходного падежа: *цалицила урухлиз* (цудах.), *цализивад урухлис* (урах.) «бояться огня».

Исходные падежи образуются от местных падежей прибавлением суффикса *-ад*.

Они выражают предмет, место или время, от которого, что-либо удаляется или с которого начинают действие:

хьуливад дуравхьун «вышел из дома»;

нушачирад шагбарлизи вецал километр тер «от нас в город 10 километров (есть)»;

шагбарлизивад чарухьун «вернулся из города»;

хьулрахлибад дурабухьун «вышли из домов»;

столлиубад каса «возьми из-под стола».

РАЗНОГЛАСИЯ В ВОПРОСЕ О ЧИСЛЕ ПАДЕЖЕЙ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Выше мы перечислили падежи акушинского диалекта. Прежде исследователи даргинского языка П. К. Услар, Л. И. Жирков и С. Л. Быховская далеко расходились между собой в определении числа падежей в даргинском языке.

Из восьми общих падежей Услара Жирков отрицал четыре, из 24 местных — четыре. Быховская в отрицании четырех общих падежей Услара была согласна с Жирковым, а к четырем остальным общим падежам прибавляла три падежа (совместный, предметный и орудный); к местным падежам она также прибавляла еще одну падежную форму.

Как известно, Услар исследовал урахинский диалект, Жирков в своей грамматике даргинского языка (1926 года) пользовался исключительно его же материалами, а Быховская в основном опиралась на материал акушинского диалекта. Как мы говорили выше, количество падежей акушинского и урахинского диалектов различно, но одно это не могло служить причиной указанного выше разнобоя, так как формы, приведенные Усларом в качестве общих падежей и отвергнутые Жирковым и Быховской, являются общими для этих диалектов, а те общие падежи, которые прибавляла Быховская (кроме совместного) имеются не только в акушинском диалекте, но и в урахинском, хотя почему-то Услар и пользовавшийся его материалом Жирков не обнаружили эти два падежа (предметный и орудный) или не признали их падежами.

Одной из причин, создавших такой разнобой, является то, что в даргинском (как и во многих других горских языках Дагестана) иногда очень трудно отличить послелог от окончания, т. е. отличить сочетание имени с послелогом от формы имени в том или ином косвенном падеже.

В то время, как один исследователь принимает ту или иную форму имени за падеж, другой эту форму принимает за сочетание послелога с именем. Вопрос осложняется и тем, что большинство даргинских падежей действительно возводится к сочетанию имени с послелогом, т. е. исторически эти падежи являются сочетаниями имени с послелогом. Вопрос осложняется также и тем, что этот процесс в даргинском языке до сих пор еще продолжается и различные словосочетания находятся на различных ступенях развития в этом направлении. В то время, как некоторые послеложные формы уже потеряли все признаки словосочетаний и превратились в падежи, другие еще сохраняют эти признаки в той или иной степени.

Вопрос о числе падежей в даргинском языке может быть разрешен тройко: или мы скажем, что в даргинском языке имеются лишь три первичных падежа (именит., эргатив., родит.); или скажем, что все послеложные формы тоже являются падежами, или же, наконец, скажем, что кроме трех первичных падежей мы имеем еще послеложные — вторичные падежи; но не все послеложные формы являются падежами, а лишь часть их.

Последнее решение вопроса является единственно правильным решением, и поэтому все исследователи так или иначе шли по этому пути решения вопроса. Но этот путь представляет гораздо больше трудностей, чем два предыдущие. Мы здесь должны точно разобраться в том, чем послелог отличается от окончания. Только тогда мы установим границу между падежами и послеложными формами.

Как окончание, так и послелог в даргинском языке нельзя ничем, никаким другим словом, отделить от имени. Но это не

значит, что все послеложные формы (в том числе бесспорные) являются падежами. Невозможность вставить другое слово между послелогом и именем не может быть решающим доказательством того, что эта форма составляет одно слово. Такие сочетания послелога с именем, как *школала гьалаб* «около школы» тоже не допускают вставления слова между ними, тем не менее мы здесь имеем два слова, а не одно. В даргинском языке несамостоятельное наречие (послелог), так же, как и несамостоятельное прилагательное (*ахъ, урга*) вообще не отделяется от имени, к которому оно относится.

Показатели местных падежей *чи* (муг. *ки*), *чиб, чибад* (муг. *киб, китти*) *у, уб, убад*, послелоги: *кад, сад, сат*, в том или ином диалекте употребляются как наречия: *ки*, «наверх», *киб* «наверху», *китти* «сверху», *кат арикьвян* (муир.) «пошел вниз». В акушинском же диалекте эти элементы в такой форме не употребляются. При отдельном употреблении в этом диалекте они приобретают иную форму: *чеди, чедиб, чебкад, уди (удиб, удибад, убкад), катхел (кад), сатхел (сад)*. Что касается других диалектов (муиринский, мугинский и др.), то здесь, как мы говорили, эти элементы, вернее их диалектные соответствия, употребляются и отдельно в такой форме. В этих диалектах элементы *чи, у* и производные от них формы употребляются двойко: с эргативным падежом (в роли падежных окончаний) и с родит. п. (в роли послелогов):

столлиу «под стол»

столла у «под стол»

столлики «на стол»

столла ки «на стол» и т. д.

Показатель исходн. п. *ад* как в других диалектах, так и в акушинском, иногда употребляется в роли определения (ср. прилагательные типа наречий: *урга, чебахI, убахI*) говорят: *ад дагI* «южный ветер» (ветер, который дует с низменности). Но это не значит, что эти элементы, показатели местных падежей, являются сами по себе послелогом, так как один и тот же элемент здесь может употребляться как отдельное слово и как часть слова. Подобно этому много слов—наречий и имен в даргинском языке часто входят в состав глагола в качестве приставок и именных частей.

Таким образом ни отдельное употребление того или иного элемента, ни невозможность вставки между ним и именем другого слова не могут быть критерием, пригодным для отличия послелога от падежного окончания.

В числе признаков, отличающих послелог от падежного окончания, мы имеем и то, что падежное окончание не должно иметь конкретного локального значения, в то время как послелог имеет весьма конкретное локальное значение. Если мы сравним различные показатели падежей даргинского языка между собою, то мы увидим, что одни из них содержат в себе,

как вещественное значение, понятие направления на или под предмет, понятие покоя над или под ним, понятие удаления сверху или снизу от предмета. Другие же показатели, например, показатели эргатива и родит. падежа не содержат никакого конкретного вещественного значения. Их значение отвлеченное, чисто формальное. Часть показателей падежей: *с* (дат.) *зи* (*зиб, зибад*), (*гIиб, гIибад* или *хIиб, хIибад*) уже утратила свое конкретное вещественное значение. В этом отношении элементы *с, зи* (*зиб, зибад*) *гIи* или *хIи*, (*гIиб, гIибад, хIиб, хIибад*) гораздо ближе к бесспорным окончаниям падежей, какими являются *ли* и *ла*, чем показатели *чи* (*чиб, чибад*), *у* (*уб, убад*), которые уже употребляются как наречия.

О том, что направит. форма и форма покоя являются падежами, никто не спорит. Жирков, исключавший из числа местных падежей исходные падежи, почему-то не сомневался в том, что направит. и местный падежи являются падежами. Вероятно, потому, что от направит. падежа образуется местный, от которого тоже образуется еще форма: исходный падеж; он считал именно эту форму послеложной.

Однако возможность образования от форм местного падежа новой формы не может быть доказательством того, что исходные формы являются падежами, так как и послелоги в даргинском языке подвергаются изменениям—склоняются по местным падежам: *чеди* «наверх», *чедиб* «наверху», *чедибад* «сверху». Следовательно, образование исходного падежа от местного, и местного от направительного в одинаковой мере можно рассматривать, как образование послеложной формы от падежа и как образование послеложной формы от другой послеложной формы, т. е. как различные формы послелога, стоящего после существительного.

Но за то, что элемент *ад* (показатель исходных падежей) является не послелогом, а падежным окончанием, говорят следующие соображения:

— в настоящее время в даргинском языке нет такого послелога, который требует перед собой постановку имени в местн. падеже; равно также нет такого послелога, перед которым имя ставится в эргативе;

— элемент *ад* возводится к наречию-послелогу *ад, ат*, соответствующему *с кад, кат; сад, сат* (*ад* первоначально означало «вверх», а в урахинском диалекте и сейчас иногда означает «вверх» *кад* «вниз», *сад* «сюда», но *ад* в роли наречия не употребляется ни в акушинском, ни в урахинском диалектах);

— в акушинском и урахинском диалектах *ад* прибавляется к местн. падежу с классным показателем. В акушинском диалекте в указательных местоимениях он может прибавляться факультативно и к местному и к направительному падежам: *итад, итабад* «оттуда» (*ит* «он, тот»; *ита* «туда»). Как видно, здесь из показателя *ад* остается один лишь согласный звук.

В мугинском диалекте акушинскому *ад* соответствует *т*, всегда прибавляемый к направит. падежу: *гьитат* «оттуда» (ср. акуш. *итад*); *шагьарлизит* «из города». В муиринском диалекте также этот элемент упростился до одного звука *р* (*шагьарлиццир* «из города»), всегда прибавляемого к направит. падежу: *шагьарлицци* «в город».

Таким образом, акушинский *ад* или *д*, мугинский *т*, *тта* и муиринский — одно и то же. Здесь, следовательно, нет никакого основания исключать исходный падеж из числа местных падежей; он является таким же падежом, каким являются направит. и местный.

Услар в число падежей включил также следующие послеложные формы:

- 1) Равняющий падеж: *адамцад* «столько, сколько человек»;
- 2) Уподобляющий падеж: *адамгьуна* «такой, как человек»;
- 3) Тождественный падеж: *адамъон* «так, как человек» (акуш. *ван*);
- 4) Уступающий падеж: *адамгьийшиб* «чем человек».

Падежный характер этих форм Жирков отрицал правильно. Эти формы падежами не являются, а являются результатом сочетания имен со словами, потерявшими самостоятельное употребление, но еще не успевшими оформиться как падежные окончания. За это говорит следующее:

— они прибавляются к любому падежу: *адамлацад* «столько, сколько у человека», *адамлиццад* «столько, сколько (делает) человек», *адамлиццад* «столько, сколько человеку», *адамличцад* «столько, сколько к человеку» и т. д.; *адамлагьуна*, *адамлигьуна* и т. д.; *адамлаван*, *адамливан* и т. д., *адамлисийшиб* и т. д.

— От первых двух (*цад*, *гьуна*) можно образовать все падежи: *адамгьунала*, *адамгьунали*, *адамгьуначи* и т. д.

Здесь, как видим, склоняется целое словосочетание. Частицы *цад* и *гьуна* могут принимать падежные окончания: хотя в них семантика имени давно исчезла, но форма еще сохраняется;

— Элемент *ван* прибавляется не только к именам, но и к наречиям, деепричастиям и основам глагола: *ахгьиван саби* «высоковато»; *вак^иливан* «как только пришел»; *ахгьванбуцис* «приподнять».

Эти элементы мы не считаем за послелоги, так как послелог, как правило, управляет тем или иным падежом, чего нет в данном случае. Они в современном состоянии своем скорее всего похожи на словообразовательные частицы и являются вместе с именем как бы сложными словами: *гьуна* и *цад* синтаксически образуют прилагательные; *ван* и *ийшиб* образуют наречия.

В акушинском диалекте элемент *ван* как бы «выветривается» и часто упрощается до одного звука *н*: *итан* «так как он»;

вак^илин «как только пришел». Но считать его суффиксом и сказать, что *Алин* «как Али» есть одно слово—наречие нельзя, так как прибавлением *н* имя не выходит из своей категории, оно остается таким же именем, каким оно было до этого.

Быховская¹ к местным падежам прибавляла еще одну форму на *кад* «вдоль, вниз по», *к^адакад* «по долине», *гьуникад* «по дороге». Эту форму в школьной грамматике падежом не считают, как и многие другие послеложные формы. Во-первых, эта форма по своему образованию выходит из морфологической системы местных падежей. Известные нам местные падежи даргинского языка образуются последовательно: от именительного образуется эргатив, а от эргатива: направительный, затем местный, затем исходный; или же направительный падеж образуется непосредственно от именительного падежа, а от направительного и остальные местные падежи. Например: *эмх^е* «осел», *эмх^ечи* «на осла», *эмх^ечиб* «на осле», *эмх^ечибад* «с осла». Что касается формы на *кад* (*кад^ли*), то она образуется непосредственно от именительного падежа, не давая дальнейших образований.

Элемент *кад* в акушинском диалекте имеет значение направленности вообще: безразлично, вверх, вниз или прямо. В урахинском и других диалектах он употребляется как для обозначения предмета, по которому идет движение вообще, так и для выражения самого движения вниз. В последнем значении он соотносительен с *ад* в значении движения вверх (ср. *сад* для движения «сюда» и *бет* для движения «туда»). Во втором значении элемент *кад* (*кат*, *кат^I*) в других диалектах употребляется и отдельно.

Это показывает, что элемент *кад* в отличие от *ад* и других элементов, признаваемых нами как падежные окончания даргинского языка, отличается значительной самостоятельностью.

Когда мы говорим, что такая-то форма является падежом, мы говорим, что здесь мы имеем не два слова, а одно. И, наоборот, когда мы говорим, что данная форма является словосочетанием, мы говорим, что здесь мы имеем два слова. Но, как мы говорили выше, наличие двух слов в такой послеложной форме как *гьуникад* «по дороге», *итабах^I* «в ту сторону», *итг^еб* «туда» не обнаруживается ни морфологически, ни синтаксически. Нужно сказать, что подобные словосочетания послелогов и имен очень близки к падежным формам, что они составляют одно синтаксическое целое. Этим и объясняется то, что такие послеложные формы путем прибавления суффикса прилагательного дают прилагательное, в то время, как послелог (*кад*, *бах^I*, *г^еб* и т. п.) в отдельности не в состоянии принимать какие-либо окончания или суффиксы. Примеры: *к^адакад^си* «то, что по направлению долины», *ишабах^I^си* «то,

¹ См. сборн. «Язык и мышление», 1940 г., № 10, стр. 64.

что обращено сюда», *итглевси* «тот, который находится там».

Точно также все падежи, за исключением эргатива и направит. принимают суффиксы прилагательного и образуют особый вид отименного прилагательного: *Алиласи* «принадлежащий Али», *Алисси*, *Алисил* «причитающийся Али»; *Аличилси* «то, что с Али» и т. д.

В губденском диалекте, где местный падеж совпадает с направительным, прилагательное образуется как бы от направит. падежа: *хзулила* «то, что в комнате», *уркИлала* «то, что находится на сердце».

Прибавление суффикса прилагательного к родит. падежу практикуется и в литературном языке, хотя и подвергается возражениям со стороны отдельных даргинцев; в живом языке оно имеет место в гапшиминском диалекте. Все прилагательные, образованные от падежей и послеложных форм, фактически остаются формой существительного и не превращаются в прилагательные: *ит ахъси музаличбси хъали изба-читальня саби* «домик, который находится на том высоком холме изба-читальня». Здесь *ахъси* «высокий» является определением для *муза* «холм»; *музаличбси* «находящийся на холме» является определяемым для *ахъси* и определением для *хъали* «домик». Дело в том, что *музаличбси* исторически является словосочетанием, равным *музала чедибси* «находящийся на верху холма» (если переделать это словосочетание по-мугински, то будет: *музаличбси, музала кибси*). Несмотря на то, что словосочетание *музала кибси* приняло форму *музаличбси* (акуш. *музаличбси*), причем стало осознаться, как одно слово с показателем местн. падежа и суффиксом прилагательного, оно еще остается словосочетанием. Прилагательное *музаличбси* исторически разлагается на два: *музала* (существительное в родит. падеже) и *чедибси, чибси* «находящийся на верху» (прилагательное, образованное от послелога).

В даргинском языке немало случаев, когда служебное слово (поскольку оно исторически является самостоятельным словом) склоняется (*гзуна* и т. п.) и принимает словообразовательные суффиксы, свойственные именам и корням с вещественно-качественной семантикой.

Образование таких прилагательных от тех или иных косвенных падежей говорит тоже за то, что эти падежи происходят от послеложных форм.

ПЕРВИЧНЫЕ И ВТОРИЧНЫЕ ПАДЕЖИ.

Перечисленные выше падежи даргинского языка можно разбить на две категории: на первичные и вторичные (или послеложные). Первичными падежами являются: именительный, родительный и эргативный. Вторичными — являются все остальные падежи. Все они исторически восходят к сочетанию имени в именит. или эргативном падеже с послелогами: для

дательного падежа *с* (цудах. *з*, кайт. *жи*, гинтинск. *й*); для совместного *чил* (цудах., *цилла*, кайт. *цилли*, урах. *чу*, муг. *чул*); для предметного *числа* (цудах. *яла*, муг. *кила*); для орудного *чибли* (цудах. *ябле*, муг. *кибли*); для направит. *чи* (*зи, гли, у*); для местного *чиб* (*зиб, глиб, уб*); для исходного *чибад* (*зибад, глибад, убад*).

То, что элементы *чи, гли, у* и их производные формы *чиб, чибад, глиб, глибад* или *хлибад, уб, убад* исторически являются послелогами и наречиями, легко доказать. Они, как уже было сказано, в том или ином диалекте употребляются и отдельно в роли послелогов и наречий. Они встречаются также в составе глагола в роли префиксов (*чи, че; чебихъес* «наложить»; *гли, гле: глебахъес* «сберечь»; *у: убихъес* «подложить»). Остаются не ясными до сих пор элементы дательного падежа с разновидностью направит. падежа *зи*.

Направит. падеж на *зи* можно было бы называть дательноместным, так как он употребляется и в роли дательного падежа. Между дательным на *с* и дательным на *зи* существует разница, заключающаяся в том, что первый падеж употребляется, когда хотят дать что-либо навсегда в собственность, а второй — когда хотят дать это на временное пользование, в чье-либо распоряжение.

Есть основания сказать, что эти два падежа генетически связаны между собою. Сравним цудах. *з* (кайтаг. *ж, жи; дамиж, дамижи* «мне», *эттижи* «тебе» и «на тебя»). Кайтагская форма на *жи* употребляется и в значении дательного падежа, и в значении направительного: кайтагское *эттижи-даргин. хлед* «тебе» и *хлечи* «на тебя»; *умралжин* «к соседу» — акуш. *унрачи; ирциф марттавигара* «сесть на лошадь» (акуш. *урчиличи мурдайэс*).

Это показывает, что дательный падеж даргинского языка имеет непосредственное отношение к местным падежам на *зи* и *чи*. Есть и другие факты, говорящие за то, что *зи* и *чи* генетически связаны между собою. Они когда-то были одним элементом с фонетическими разновидностями: *зи, чи, цци*. Акуш. *зи* — цудах. *цци*, кайт. *жи*; акуш. *чил* (совместн. пад.) — цудах. *цилла*. Отсюда: акуш. *зи*, цудах. *цци* с одной стороны, и акуш. *чи*, цудах. *шу, цци* — с другой.

Таким образом дательный падеж даргинского языка происходит от дательно-аллативного *зи*, который тоже возводится к направительному на *чи*, и является послеложным падежом. Поэтому и дательный падеж, и дательно-аллативный падеж на *зи* мы считаем вторичными падежами, хотя элементы *с* и *зи* в настоящее время не употребляются как послелоги ни в одном диалекте даргинского языка.

Остановимся на окончаниях совместного и предметного падежей — *чил* и *чила*. Легко убедиться в том, что элемент *л* в *чил* является показателем эргатива (ср. *ли*). За это говорит

тот факт, что в отдельных диалектах даргинского языка вместо окончания *ли* в эргативе мы часто слышим один *л* (кубачинский, гапшиминский и др. диалекты). Кроме того, в отдельных диалектах и в поэзии встречается форма *чули* (вместо *чул, чил*); кайтагцы говорят *цилли*, цудахарцы *цилла*. В таком случае совместный падеж исторически не что иное, как разновидность эргатива. Но в настоящее время его уже нельзя считать эргативом, он является самостоятельным падежом со своими функциями, совпадающими до некоторой степени с функциями эргативного падежа.

Таким образом мы имеем здесь несколько производных от эргатива форм: через направит. падеж (*чил*), через местн. падеж (*чибли*) и кроме того, показатель эргатива *ли* настраивается и на исходный падеж (*алли*). Следовательно, показатель эргатива настраивается на все местные падежи. Он же в основном дает начало всем косвенным падежам; эргатив даргинского языка — это основной падеж, давший начало склонению даргинского имени.

Что касается *ла* в предметном падеже (*адамличила* «о человеке»), то оно происходит от окончания родит. падежа. Его современное значение «о предмете» (*адамличила* «о человеке») развивалось от значения родит. падежа. В настоящее время фраза: *адамличила хабар бурес* «рассказать о человеке» разбирается в даргинской грамматике так: *адамличила* — косвенное дополнение, относящееся к глаголу *бурес, хабар* — прямое дополнение (объект). В прошлом *адамличила* дополнением не было, оно было определением для *хабар* и фраза осознавалась так: сказать рассказ (какой?) человека.

Таким образом и эти, как бы вторичные падежи: совместный, предметный, орудный образовались по типу первых двух падежей. Как в образовании первичных, так и в образовании вторичных падежей, участвуют одни и те же элементы *ла, ли*, которые возводятся к одному и тому же суффиксу косвенных падежей *л*. С другой стороны в образовании падежей принимали участие и послелого. Послеложный элемент *чи* сочетался с именем в эргативе (ибо имя, стоящее перед ним; стояло в эргативном или родительном падеже). Но поскольку *чи* исторически являлось именем, по старой традиции оно до сих пор склоняется и образует два падежа. Производная форма элемента *чи*, т. е. *чиб* (окончание местного падежа), тоже дает другой падеж — *чибли* (*карандашличибли* — «карандашом»).

Как видно, общие и местные падежи даргинского языка отличаются друг от друга не только семантически, но и по своей морфологической форме, по способу их образования. Показателем общих косвенных падежей является *л* и возводимые к нему фонетические разновидности, показателем же местных падежей является послелог, который тоже может склоняться. Изменение послелога по местным падежам является

своеобразным, так как это склонение вовсе не похоже на склонение имени по общим падежам.

Типы склонения в даргинском языке.

Имена в даргинском языке склоняются различно. Проще всего с морфологической точки зрения склоняется множ. число всех имен. От именит. падежа множ. числа заменой конечного *и* на *а* (в показателе множ. ч.) и прибавлением *ни* образуется эргатив множ. числа, причем добавление *ни* является факультативным; остальные падежи (в том числе и родительный) образуются от формы эргатива без *ни*; эргат. от *адамти* «люди» будет *адамтани* и *адамта, хьулри* «дома, комнаты», — *хьулрани* и *хьулра, Алихъали* «Алиевы» — *Алихъалани*, родит. падеж: *адамтала, хьулрала, Алихъала*; дат. падеж: *адамтас, хьулрас, Алихъалас*; направит. падежи: *адамтаци, хьулраци, Алихъалачи* и т. д.

Эргатив с усеченным окончанием, т. е. эргатив на *а*, большей частью употребляется тогда, когда в предложении он выражает не субъект, а косвенное дополнение.

Например: *хингла укес* «покушать хинкал», *хлязта виркъес* «играть» (букв.: «играми заниматься»), *кьуна угес* «лгать» (букв.: «ложь говорить»; «ложь» — *кьуни* множ. число).

В акушинском диалекте в этом значении полная форма эргатива не употребляется, нельзя сказать: *хлязтани виркъес*.

Так как при окончании множественного числа — *хъали* эргатив на *а* совпадает с родит. падежом, то здесь усеченная форма не употребительна, хотя остальные падежи образуются именно от этой усеченной формы: *Алихъалас, Алихъалачи* и т. д.

Эта сокращенная форма эргатива встречается лишь в диалектах акушино-урахинской группы. В диалектах цудахарской группы для множ. числа существует единая форма на *ли*, общая с формой ед. числа. Склонение множественного числа в этих диалектах не отличается от склонения единственного:

	Акуш.		Цудах.	
	Един. число	Множ. число	Един. число	Множ. число.
Имен. п.	<i>адам</i> „человек“	<i>адамти</i>	<i>адим</i>	<i>адимте</i>
Эргат. п.	<i>адамли</i>	<i>адамта (ни)</i>	<i>адимли</i>	<i>адимтали</i>
Имен. п.	<i>хляйван</i> „скотина“	<i>хляйванти</i>	<i>хляйван</i>	<i>хляйванте</i>
Эргат. п.	<i>хляйвай</i>	<i>хляйванта (ни)</i>	<i>хляйванни (из хляйванли)</i>	<i>хляйвантали</i>

В мугинском диалекте окончание множ. числа *хъали* подчиняется общему закону, действующему в диалектах акушинско-

урахинского типа и при склонении подвергается обычным изменениям *Алихъай* (эрг.) *Алихъа* (родит.), *Алихъайчу* и т. д.

Множественное число прилагательных и местоимений в склонении не отличается от множественного числа существительного.

Иначе и по-разному склоняются существительные в единственном числе. Часть имен образует косвенные падежи прямо от именит. падежа, другая, большая часть образует их от эргатива. Сам по себе эргатив имеет три фонетически различных окончания: *ли*, *ни*, *й* причем косвенные падежи могут образоваться от разновидностей *ли* и *й*, но не от *ни*. Таким образом, склонение имен в даргинском языке не единое; в основном мы имеем четыре типа склонения: I-е — склонение имен в множественном числе; II-е — склонение имен, косвенные падежи которых образуются от именит. падежа; III-е склонение имен, эргатив которых оканчивается на *ли*; IV-е — склонение имен, эргатив которых оканчивается на *й*.

Отличие этих четырех склонений друг от друга заключается лишь в наличии в составе окончаний падежей элемента эргатива, или его отсутствия, с одной стороны; и в том — какова форма этого элемента эргатива — с другой. Что касается родит. падежа, то он большею частью образуется от именит. падежа; причем в тех именах, у которых эргатив на *й*, родит. падеж имеет усеченную форму на *а* (в урах. диалекте это *аа* долгое).

Для того, чтобы правильно склонять даргинские имена, нужно знать правила применения в разных именах окончаний эргатива. Нужно сказать, что эти правила изобилуют исключениями; легко формулируются они для имен на согласный, но очень трудно для имен на гласный, и в особенности имена односложные.

Окончание *ли* прибавляется:

— к именам на согласный звук кроме *н* и *л*; *дис* «нож» — *дисли*; *рас* «пила» — *расли*; *миз* «лед» — *мизли*; *хъалч* «крыша» — *хъалчли* и т. д. Кроме того, есть некоторые имена на «согласный *л*, которые, как исключение, принимают *ли*, как-то: *вакил* — *вакилли* «уполномоченный», *гъамбал* — *гъамбалли* «амбал», *дигинал* — *дигиналли* «диагональ» (материя).

— К односложным именам на гласный: *хя* «собака» — *хяли*; *зе* «соль» — *зели*; *цла* «огонь» — *цлали*; *хле* «кровь» — *хлели*; *хъу* «поле» — *хъули* и др.;

— К названиям неодушевленных вещей, оканчивающихся на гласный (в отношении *а*, *и*, *е* с тем условием, что перед ними не будет согласного *л*): *барда* «топор» — *дарбали*; *къелхле* «лопата» — *къелхлели*; *гякълу* «ум» — *гякълули*; *партия* — *партияли*; *уркура* «арба» — *уркурли* и др.

Эта группа имен может принимать также суффикс *ни* факультативно: *бардани*, *къелхлени*, *гякълуни*, *партияни*.

В одинаковой мере *ли* и *ни* могут принимать и некоторые названия живых существ на гласный: *узи* «брат» — *узили* и *узини*; *урши* «сын» — *уршили* и *уршини*; *рурси* «дочь» — *рурсили* и *рурсини*; *дярхля* «мальчик» — *дярхляли* и *дярхляни*; *урчи* «лошадь» — *урчили* и *урчини* и другие.

Если же перед гласными *а*, *и*, *е* стоит *л*, то здесь встречаются все три окончания — *ли*, *й* и *ни*:

— *гили* (деревянная часть седла) — *гилини*; *гъули* «дикий лук» (растение) — *гъулини*; *тевле* «ясли» — *тевлени*; *къяли* «ветка» — *къялини* и *къяй*; — *бала* «шерсть» — *балали* *гъала* «гарцевый сбор» — *гъалали*; *шала* «свет» — *шалали*; *ула* «сито» — *улали*; *къала* «крепость» — *къалали*; *чичгала* «змея» — *чичгалай*, *къала* «ком» — *къалали*; *хъали* «дом» — *хъай*; *хлули* «глаз» — *хлуй*; *канаула* «подпруга» — *канауй* и др.

Как правило, в таких именах должно бы быть *й*; *ли* и *ни* здесь допускаются лишь как исключения, когда имя при окончании *й* может смешиваться с другим словом, например, *бала*, *гъала*, *гъяли*, *шала*, *къала* и другие, которые принимают исключительно, *ли* или могут его принимать. Если бы мы образовали от них эргатив на *й*, то они звучали бы так: *бай*, *гъай*, *гъяй*, *шай*, *къай*, и смешались бы с другими словами: *бай* «середина», *гъай* «слово», *гъяй* «сани», *шай* (эргатив от слова *шали* «бок, сторона»), *къай* (ср. глагол *къайбикес* «прекратиться»).

Что касается *ни*, то это окончание допускается там, где в случае прибавления *ли* получается удвоение этого слога: *гъулили*, *къялили* и т. д. (*гъулини*, *къялини*).

Здесь нужно сказать и то, что в косвенных падежах имен, принимающих в эргативе *ли*, оно сохраняется. Но в акушинском в именах на согласный (кроме *л* и *н*) *ли* часто опускается, и все косвенные падежи образуются от именительного падежа:

Приведем примеры:

Акуш.

Имен. *МахIямад* «Магомед»;
Эрг. *МахIямадли*;
Родит. *МахIямадла*;
Дат. *МахIямадлис* и *МахIямадис*;
Совм. *МахIямадличил*
и *МахIямадичил*;
Имен. трактор
Эрг. тракторли
Род. тракторла
Дат. тракторлис и тракторис.

Урах.

МухIяммад;
МухIяммадли;
МухIяммадла;
МухIяммадлис;
МухIяммадличил;
трактор
тракторли
тракторла
тракторлис

дудеш «отец» — *дудешличи* и *дудешичи* «к отцу» (акуш.)
неш «мать» — *нешичи* (тоже)
жинжирагъ «юла, волчок» — *жинжирагъичи* и *жинжирагъ-личи*.

При окончании *й* основа имени подвергается фонетическим изменениям: *н, л* (*ла, ли, ле*) выпадают.

Окончание *й* прибавляется:

— к прилагательным и причастиям на *н* и к существительным на *н* или *л*: *сирхІян* «сургинский» и «сургинец» — *сирхІяй*; *губдалан* «губденский» — *губдалай*; *къялизан* «подойник» (посуда для доения) — *къялизай*; *хІяйван* «скотина» — *хІяйвай*; *хьунул* «женщина» — *хьунуй*; *мурул* «мужчина» — *муруй* и др.

— к существительным на *ла, ли*: *бигъала* «веревка» — *бигъай*; *ибала* «шов» — *ибай*; *бурала* «пословица» — *бурай*; *хъали* «дом» — *хъай*; *хІяли* «сало» — *хІяй*; *хІули* «глаз» — *хІуй*.

Мы говорили, что отдельные имена на *л, ла, ли* не допускают окончания *й* или вместе с ним допускают и одно из окончаний *ли* и *ни*: *Али* (чтобы не смешивать с междометием *ай* «ой»); *вали* (чтобы не смешивать с восклицанием *вай!* «ай», или *вай* «поясница» и другие).

Окончание *ни* прибавляется:

— к множественному числу и к един. числу имен названий живых существ на гласный: *хІяйванти* «скот» — *хІяйвантани*; *эмхІе* «осел» — *эмхІени*; *анхъчи* «садовник» — *анхъчини*; *валликъяна* «спутник» — *валликъянани*; *унра* «сосед» — *унрани*; *ярма* «белка» — *ярмани* и др.

Выше было сказано, что односложные имена на гласный оканчиваются в эргативе на *ли*: *хя* — *хяли* и т. д., поэтому не все названия живых существ подчиняются только что сформированному правилу. Среди них имеются и такие, которые допускают наряду с *ни* — *ли* или *й*: *валри* «верблюды» — *валрини* и *валрили*; *урчи* — *урчини* и *урчили*; *урши* — *уршини* и *уршили*; *рурси* — *рурсини* и *рурсили* и т. д.

Как мы видели, эргативный падеж в даргинском языке (так же, как и во многих других дагестанских языках) имеет много фонетических разновидностей. В урахинском диалекте число этих форм доходит до 12: *ли, й, ни, лин, лини, йин, йини, ан, ун, уни, а*: *урчи* «лошадь» — *урчили, урчилини, урчилини*; *хІяйван* «скотина» — *хІяйвай, хІяйвайин, хІяйвайини*; *аба* «мать» — *абаан, абаани*; *Уму* (соб. имя жен.) — *Умуун, Умууни*;

Как видно из примеров, окончания *ни-ини, ан-ани, ун-уни, лин (лини), йин (йини), а(ани)* (мн. ч.) факультативны, причем окончания *лин (лини), йин (йини)* и *ани* являются составными. Здесь мы имеем два окончания — явление наславания одного окончания на другое. Любопытен тот факт, что на окончания *ли* и *й* наславается окончание *ни*, а не наоборот. Обратного явления в диалектах акушино-урахинского типа

в эргативе (но не в производных от него косвенных падежах) не наблюдается, оно наблюдается в некоторых диалектах цудахарского типа, например, в гапшиминском, где в местоимениях 1 и 2 лица (но не в именах) на окончание *ни* наславается *ли*: *нунили, хІунили* (вместо акушинских *нуни, хІуни*).

Наслаивание вторых окончаний эргатива в акушинском диалекте встречается также в местоимении во вторичном склонении, в формах как *дилайли* «моим» (*дила* — родит. от *ну* «я», *дилайли* — эргатив с двумя окончаниями *й* и *ли*).

Разнообразие форм эргатива, которое наблюдается в акушинском и урахинском диалектах, отсутствует в диалектах цудахарского типа, в Губдене и Мюрего. В диалектах цудахарского типа единым окончанием эргатива является *ли* (которое после *н* основы переходит в *ни* — ассимиляция), в губдено-мюрегинском говоре *ни* как в единственном, так и во множественном числе является общим окончанием эргатива.

Если предположение о том, что показатель *ли* древнее показателя *ни* правильно, то появление *ни* в акушино-урахинских диалектах нужно рассматривать как дифференциацию показателей эргатива. Тогда, в губдено-мюрегинских говорах не является результатом развития склонения в этих говорах по направлению к уравнию парадигмы. Любопытно, что в этих говорах суффикс наречия и деепричастия не *ни*, а *ли*, т. е. он с показателем эргатива является омонимичным.

Стремлением к уравнию парадигмы склонения можно объяснить и единый показатель *ли* в цудахарском диалекте. Цудахарский диалект из прежних двух показателей *й* и *ли* сохранил лишь последний.

Мугинский диалект сохранил всего лишь два окончания *ли* и *й*. Что касается *ни*, то оно встречается лишь в местоимениях 1 и 2 лица в един. числе: *нуни, хІуни*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в акушинском диалекте от многих имен на гласный косвенные падежи образуются от эргатива на *ли*, но в самом эргативе этих же имен мы видим *ни*:

<i>валри</i> «верблюды»	— <i>валрини</i> — <i>валриличи</i>
<i>барха</i> «мерка» (сыпуч. тел)	— <i>бархани</i> — <i>бархаличи</i>
<i>варгы</i> «войлок»	— <i>варгыни</i> — <i>варгыличи</i>
<i>рурси</i> «дочь»	— <i>рурсини</i> — <i>рурсиличи</i> , и др.

Устная народная поэзия показывает, что окончание эргатива *й* в прошлом в даргинском языке имело гораздо большее распространение, чем настоящее время (см. Абдуллаев «Что дает фольклор для изучения языка?» Лингв. сборник Даг. Базы Акад. Наук «Дагестанские языки». Издание 1947 г., стр. 143).

Формы направительных падежей.

Напомним, что различных серий направительных падежей, как мы говорили выше, имеются четыре (в урахинском и

других диалектах их даже пять): *чи* «на...» и «к...»; *у* «под...»; *гли* или *ли* «в...» и «около»; *зи* «в...».

Примеры:

уталичи «на стул» и «к стулу»; *урчиличи* «на лошадь» и «к лошади»; *уталиу* «под стул»; *шугли* «к стороне»; *цалигли* «к огню»; *хъайгли* «домой»; *шагъарлизи* «в город»; *шизи* «в воду».

Разница в значении между *гли* и *зи* заключается в том, что *гли* или *ли* выражает «внутри» такого предмета, который имеет внутри себя пространство, а *зи* — предмета, который состоит или из сплошной массы, или из частей, среди которых может что-либо находиться. Элемент *гли* в значении «к чему-либо» вообще встречается сравнительно редко.

Есть и другие формы направительных падежей, которые выражают то или другое из этих локальных понятий, а также такие, которые выражают сближение вообще без указания на отношения к предмету, с которым сближаются.

В акушинском диалекте существует форма, омонимически совпадающая с формой родит. падежа, но неупотребительная от названий одушевленных существ, например: *кьакьала* «на улицу»; *шарала* «в озеро»; *анхъла* «в сад»; *бехла* «к краю»; *цала* «к огню»; *бархила* «на солнце»; *сандукла* «в сундук»; *цулала* «в зуб» (положить что-нибудь) и др.

По своему значению эта форма примыкает к направительной форме на *гли*. Имена, направит. падеж которых в акушинском диалекте оканчивается на *ла*, во множ. числе принимают окончание *гли*.

Нужно отметить, что форма на *ла* часто заменяется более употребительным окончанием *зи*.

Кьакьурбахли и *кьакьурбази* «на улицы»; *щурбахли* «в озеро»; *сандукунахли* «в сундуки»; *унхърази* «в сады» (но не *унхърахли*).

Описанной форме акушинского диалекта в цудахарском соответствует форма на *ле* (совпадающая с окончанием эргатива в этом диалекте): *кьакьале* «на улицу», *анхъле* «в сад», *бехле* «на край», *цале* «к огню», *мякъле* «около», *берле* «на солнце» и др. В урахинском диалекте эта форма встречается как исключение, и омонимична с формой эргатива: *мякъли* «около» (вместо акушинского *мякъла*), *дубли* «на край» (вместо акушинского *дубла*).

По значению окончание *ла* (*ле*, *ли*) выражает то «внутри», то «около»: *цала* «около огня», *кьанила* «в сундук». Урахинская же форма на *ли* употребляется лишь во втором из указанных значений («около, у»).

В мугинском диалекте этой форме соответствует *легле* (муг. *гле* соответствует акуш. *гли*): *кьакьарлегле* «на улицу», *анхълегле* «в сад», *цалегле* «к огню», *мякълегле* «около», *сандуклегле* «в сундук», *цулалегле* «в зуб».

Нет сомнения в том, что цудахарская форма на *ле* и акушино-урахинские формы на *ла* и *ли* являются результатом упрощения первоначальной мугинской формы: в этих диалектах конечный согласный *г*, *л* выпал вместе с гласными *и*.

От некоторых исконно даргинских имен, обозначающих названия помещений или мест, мы можем видеть образование направительной формы на *ни*:

гъайни «во двор» (*гъая* «двор»); *дузани* «в лес» (*дуз* «лес, роща»); *диркъани* «на равнину» (*диркъа* «плоскость, равнина»; противоположно понятию «в горы»).

В акушинском и многих других диалектах имена, допускающие такое окончание направ. падежа очень немногочисленны; это окончание в этих диалектах является уже архаическим. В урахинском диалекте оно употребляется шире: *кьванъани* «в сундук» (*кьванъи* «сундук»), *Жангани* «в Жанга» (название местности).

В мугинском диалекте вместо *ни* встречается окончание *на*: *шанкъана* «на мельницу», *муръана* «на оплачивание» (умершего) и некоторые другие. Этот элемент (*на*) является суффиксом отглагольных наречий: *ну ваина* «туда, куда я хожу». Этот же элемент мы имеем в наречиях: *чина* «куда», *бухлина* «внутри».

Есть имена, которые в направ. падеже оканчиваются на один гласный *и*, или *а*, или *е*:

дубри «в горы, на гору» (от *дубур(а)*); *гъинзи* «к роднику, на родник» (от *гъиниз*); а также в урахин. *кьакьбри* «на улицу» (от *кьакьбар(и)*); *шун* (нареч.) «по воду» (от *шин*); *Диб-букли* «в Дибук» (название селения); *Муэри* «в Муира»; *ша* «в селение, домой» (от *ши*); муг. *гъайна* «во двор» (от *гъайни*); *хъайгле* «во двор» (от *хъайгли*); *мижгита* «в мечеть» (*мижгит*); *ккисса* «в сени» (от *ккисси*); *дурхъя* «в конюшню» (от *дярхъ*); *шанкъана* «на мельницу» (от *шанкъан*); урах. *Гъая* «в Ая» (селение).

Как видно из примеров, отдельные слова с этими окончаниями подвергаются флексии основы (*дярхъ* — *дурхъи*, *гъиниз* — *гъинзи*, *шин* — *шун* и др.).

Есть имена, у которых при образовании направит. падежа окончание не изменяется, изменяется иногда лишь основа: *хъули* «домой, в комнату, в дом» (от *хъали*); *Мугри* «в сел. Мугри»; *Хинтла* «в Гинта»; *Бутри* «в Бутри», *Мулебкли* «в Мулебки»; *Ахъуша* «в Акуша», *Лаваша* «в Леваши»; *Хъям-шима* «в Гапшима» и др. (названия селений).

Для указания направления иногда служит и гласный *у* (*Мухлу* «в селение Муги») или элемент *ли* (*архъали* «в путь»; *архъля* «путешествие по делам»).

Направит. падежи с окончаниями *ни*, *а*, *и*, *у* встречаются лишь от исконно даргинских слов — названий селений.

помещений, земельных угодий, от местоимений, наречий (*гъала* «вперед», *гъела* «назад», *урга* «в середину») и в настоящее время являются непродуктивными.

От всех форм направительных падежей прибавлением к ним классного показателя образуются местные падежи: *галгаличи* «на дерево» — *галгаличиб* «на дереве»; *къунбахли* «в сундуки» — *къунбахлиб* «в сундуках»; *хъайгли* «домой» — *хъайглиб* «дома»; *хъули* «в комнату» — *хъулиб* «в комнате»; *дубри* «в горы» — *дубриб* «в горах, на горе»; *столлиу* «под стол» — *столлиуб* «под столом»; *гъяйни* «во двор» — *гъяйниб* «во дворе».

Наконец, от всех местных падежей прибавлением общего окончания *ад* образуются исходные падежи: *къунбаглибад* «из сундуков»; *хъайглибад* «из дома»; *хъулибад* «из комнаты»; *дубрибад* «с горы»; *столлиубад* «из под стола»; *гъяйнибад* «со двора».

В урахинском диалекте все исходные падежи могут дифференцироваться по направлению движения сверху или снизу, причем образуются следующие формы: *адамгъулачибад* и *адамгъулашибад* «от людей кверху»; *адамгъулачубсад* «от людей сюда»; *адамгъулачибхъад* и *адамгъулашибхъад* «от людей сверху».

К формам исходного падежа в акушинском и урахинском диалектах факультативно прибавляется слог *ли*: *адамгачибад* и *адамгачибадли* «от людей»; *цъаличибад* и *цъаличибадли* «от огня».

Ко всем местным и исходным падежам для выражения значения «еще» прибавляется *-ал*:

адамличиб «у человека», *адамличибал* «еще у человека»; *адамличибад* «от человека», *адамличибадал* «еще от человека»; *цъаличиб* «на огне», *цъаличибал* «еще на огне»; *цъаличибал* «с огня», *цъаличибадал* «еще с огня». Например: *хъула хъайглибал бехлемцурлири* «колесо было повреждено еще дома».

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.

Прилагательные даргинского языка, как часть речи, в основном получили полное морфологическое оформление. Своей формой они обычно отличаются от всех остальных частей речи, оформляясь при помощи специальных суффиксов. Но существуют и такие прилагательные, которые не имеют никакого морфологического оформления. Такие неформленные прилагательные можно разделить на две группы: прилагательные-основы и прилагательные-слова. Прилагательным-основой мы называем такое прилагательное, которое может принять суффикс прилагательного, но он «опущен». Такое прилагательное характеризуется тем, что оно употребляется

только с определяемым словом, вместе с определяемым словом составляя единое целое, синтаксически не расчленимое. Между таким прилагательным и определяемым им словом нельзя вставить другое слово; такое прилагательное не склоняется и отдельно не отвечает ни на какой вопрос. На вопрос «какой» и т. п. приходится отвечать или прилагательным, оформив его суффиксом, или же словосочетанием: неформленным прилагательным вместе с определяемым им словом: *ахъ дубур* «высокая гора» (полная форма *ахъси*), *мурхъ къада* «глубокое ущелье» (полная форма *мурхъси*); *вай адам* «плохой человек» (*вайси*), *ахI рурси* «хорошая девочка» (*ахIси*) и т. д.

Неформленные прилагательные, являясь семантически самостоятельными словами с вещественным значением, формально приравниваются к служебным словам, они являются как-бы определительными приставками. Поэтому они без определяемого слова не употребляются. Определяемое слово как бы восполняет недостаточность неформленного прилагательного.

Такие неформленные прилагательные всегда сопровождаются в речи выражением эмоциональных чувств, они являются эпитетами в художественной речи и употребляются в поэзии, в разговорной же речи только тогда, когда хотят придать ей эмоциональность, когда хотят выразить те или иные чувства. С этой целью любое прилагательное может употребляться в неформленном виде. Тем не менее, нужно полагать, что неформленное прилагательное — это, вообще говоря, архаическая форма. Этим и объясняется его эмоциональность и тот факт, что оно держится в языке так устойчиво именно благодаря наличию этого оттенка повышенной выразительности.

Приведем примеры неформленных прилагательных: *хъудра ахI саат бираб!* «и тебе счастливый час!» (букв.: «и тебе пусть будет хороший час»; *ахI* — неформ. прилагательное *ахIси*); *вай замана ваклади, дила хъурхъан Батирай:* «в плохое время пришел мой урахинский Батирай»: (*вай* — *вайси* «плохой»); *баклаали бугъяр дуги* «если придет холодная ночь» (*бугъяр* — *бугъярси* «холодный»); *мургул агвар бацI хъали* «пустая комната без мужа» (*агвар* — *агварил* «не имеющие»; *бацI-бацIси* «пустой»); *уркIлилис къабул шалай* «любимая сердцу красавица» (*къабул* — *къабулил*, *къабулси* «любимый»); *усал субла асил мас* «недостойного мужа достойная жена» (*усал* — *усалси* «недостойный»; *асил* — *асилси* «достойный»); *хъар вацIайла хъанцI бицIван* «как серый волк нижнего леса» (*хъанцI* — *хъанцIа* «серый»); *цIяб хIяри жана-заван* «как труп в темную могилу» (*цIяб* — *цIябси* «темный»);

завни дахгал ахъ дубрир «на высокой пышно цветущей горе»
ахъ — ахъси «высокий»¹.

В поэзии и в выражениях, сопровождаемых сильными чувствами, часто встречаются также неформленные причастия: *мукъара ахъдихъиб бицъгван* «как волк, которому не досталось ягненка».

Другая группа неформленных прилагательных — это слова, которые употребляются и отдельно от определяемого, но не в качестве прилагательных, а в качестве другой части речи: существительного или наречия. Слова, которые по своей морфологической форме не отличаются от существительных, но часто употребляются в роли прилагательного, естественно, являются существительными; в даргинском языке много существительных, употребляемых в качестве определения: *бекI* «голова» — *бекI някъ* «кисть руки» (букв.: «голова руки»); *хъяб* «шея» — *хъяб някъ* «запястье» (букв.: «шея руки»); *бекI гъиз* «основной источник»; *бекI мас* «капитал» (букв.: «голова товара»); *алхIят* «воскресенье» — *алхIят бархIи* «воскресный день»; *совет хIукумат* «советская власть»; *коммунист партия* «коммунистическая партия» и пр.

В этой категории имен, как мы уже говорили, имеются и такие, которые по своей семантике непосредственно примыкают к прилагательным: *сукъур* «слепой, слепец»; *чулахъ* «калека»; *пакъир* «несчастный, бедный, бедняк»; *мискин* «бедный»; *къиркъир* «скупой, скупец»; *сахават* «щедрый» и др. Большинство таких имен заимствовано из лексики других языков.

Такие имена, с одной стороны, похожи на неформленные прилагательные — они принимают суффиксы прилагательного: *сукъурси, чулахъси, мискинси* и т. д., но они отличаются от неформленных прилагательных тем, что они употребляются и отдельно от определяемого слова и самостоятельно отвечают на вопрос определения, чего нет у неформленных прилагательных, или у существительных в роли определения, которые в этой роли являются синтаксически прилагательными. Они или сливаются в единое целое с определяемым словом или же превращаются в прилагательное так, что несмотря на то, что они являются существительными, не могут быть определяемыми — к ним нельзя прибавить определение. Мы можем говорить *халал бекI* «большая голова», *бабза хъяб* «толстая шея». Но сочетание *халал бекI някъ* будет букв.: «большая голова руки», т. е. «большая кисть руки», *бабза хъяб някъ* «толстое запястье». Это свойство таких сочетаний мы считаем за признак, говорящий об их лексическом объединении.

¹ Все примеры взяты из сборника песен Батырая, составленного С. Омаровым, 1928 года.

Другая подгруппа неформленных прилагательных — это некоторые наречия, которые употребляются как прилагательные: *урга школа* «средняя школа», *чебахI ши* «верхний аул», *убахI ши* «нижний аул», *гъала хъали* «передняя часть комнаты» (букв.: «передняя комната»), *гъела хъали* «задняя часть комнаты» (букв.: «задняя комната») и др.¹

Слова: *урга* «в середину», *чебахI* «вверх», *убахI* «вниз», *гъала* «вперед», *гъела* «назад» — по своей морфологической форме являются наречиями и большей частью употребляются в этом значении. Такие наречия с направительным значением иногда принимают суффикс прилагательного, но тогда значение прилагательного изменяется: нельзя сказать *убахIси ши* вместо *убахI ши*, так как с прибавлением суффикса прилагательного *убахI* приобретает качественное значение «низкий, ничтожный».

Суффиксы прилагательных.

В даргинском языке, если учесть его различные диалекты, имеется много суффиксов прилагательных: *а, си, л (ил), ла, ган* (муир.), *къа (къя), кай* (кайт.), *на* (урах., мекег.), *бай* (губд.), *к* (муир.), *ан (ен), ар (ер), чи, кар* и др.

В суффиксах *а, ан, ар* гласный *а* чередуется с *е (э)* и *я* в зависимости от звуков основы, к которой эти суффиксы прибавляются (*бархъа* «прямой», *берхIе* «желтый», *блхъя* «шустрый»).

Суффиксами прилагательных акушинского диалекта являются: *а, си, л (ил), ла, ан (ен, н), ар, ер, чи, кар* и др.

Остановимся на этих суффиксах:

Суффикс *а*: *цIуба* «белый», *хъанцIа* «синий», «голубой», *бабза* «толстый»; *букIула* «тонкий» и др. Суффикс *а* прибавляется к корням — основам слов; он в настоящее время уже непродуктивен.

Прилагательные с этим суффиксом характеризуются тем, что они во множественном числе (в отличие от прилагательных с суффиксами *си, ил*) оканчиваются на *би* (когда такое прилагательное на *а* субстантивируется и употребляется отдельно от существительного).

Суффикс *си*: *буцIарси* (мн. ч. *дуцIарти*) «горячий»; *бугIарси* «холодный»; *ахъси* «высокий»; *гъашси* «низкий»; *халаси* «большой»; *биштIаси* «маленький»; *цIакъси* «сильный»; *загIипси* «слабый, больной» и др.

Самым продуктивным суффиксом прилагательного в акушинском диалекте является именно *си* (мн. ч. *ти*) *буцIарси бархIи* «жаркий день», *дуцIарти бурхIни* «жаркие дни».

¹ Такие прилагательные в даргинской орфографии принято писать слитно.

(агарси) «не имеющий; например: *гякълучев* «умный», *гякълуагар* «безумный, безумец»; *давлачев* «богатый, богач».

При помощи *си* и частично *л* (*ил*) прилагательное можно образовать:

— от неформленной основы: *ахъси* «высокий», *гялхиси* «низкий»;

— от указательного местоимения в именит. падеже: *итил*, *цархил* «другой»;

— от некоторых существительных в именит. падеже: *цлакь* «сила» — *цлакьси* «сильный»; *вай* «зло» — *вайси* «злой, плохой»; *бек* «голова» — *бекьси* «главный»; *диркь* «равнина» — *диркьси* «ровный» и др.

— от наречия: *гьалаб* «вперед» — *гьалабси* «то, что впереди, передовой, предыдущий»; *гьелаб* «позади» — *гьелабси* «то, что позади, задний, отстающий» и др.;

— от любого имени в одном из косвенных падежей (за исключением эргатива и направительного): *дила* «мой» — *дилал* «собственный мой»; *Алила* — *Алиласи* «принадлежащий Али»; *колхозла* «колхоза» — *колхозласи* «колхозный, принадлежащий колхозу»; *колхозлис* «колхозу» — *колхозлисил* «то, что принадлежит колхозу»; *колхозличил* «с колхозом» — *колхозличилси* «то, что с колхозом»; *колхозличила* «о колхозе» — *колхозличиласи* «то, что о колхозе»; *колхозлизиб* «в колхозе» — *колхозлизибси* «то, что в колхозе»; *колхозлизибад* «из колхоза» — *колхозлизибадси* «то, что из колхоза».

Образование прилагательных от родит., дат., совместн. предметного падежей и от исходных падежей встречается в литературном (письменном) языке; устной речи большинство таких образований чуждо.

Многие послелогии, служебные слова и частицы в сочетании с именем путем прибавления суффикса дают сложные прилагательные: *кьадакад* «по долине» — *кьадакадси* «то, что вдоль долины»; *итабах* «в ту сторону» — *итабахьси* «то, что направлено в ту сторону»; *нушагдеб* «на нашей стороне» — *нушагдебти* «те, которые стоят за нас» и др.

Частицы *гьуна*, *цад*, соединясь с именами, дают прилагательные: *Алигьуна* (*Алигьунаси*) «такой, как Али, подобный Али»; *Алицад* «столько, сколько Али». Частица *цад* встречается в роли наречия: *итцад* *кьалабали* «так быстро».

Прилагательные, образованные от косвенных падежей и послеложных форм имен при помощи служебных слов и частиц составляют особую категорию. Они с одной стороны являются прилагательными, а с другой — существительными. Поэтому прилагательное, образованное от косвенного падежа собственного имени при помощи суффикса, и прилагательное, образованное от любого падежа имени при помощи служебных слов и частиц, должны в даргинском языке писаться с заглавной буквы. Дело в том, что такое существительное

и после прибавления этого суффикса, или служебной частицы или слова остается именем собственным, оно не переходит в категорию прилагательных. Это можно доказать тем, что такое имя может быть определяемым в то время, как настоящее прилагательное не принимает определения: *нушала халал уриши* «наш старший сын», *нушала халал уришиличибси кьапа* «шапка, находящаяся на нашем большом сыне». В последнем словосочетании *уришиличибси* является прилагательным, образованным от местного падежа *уришиличиб*, и является определением для *кьапа* «шапка». В то же время *уришиличибси* является определяемым для *нушала* и *халал*.

Что касается прилагательного, образованного от родит. пад., то мы знаем, что его суффикс *ла* в то же время употребляется и в роли суффикса прилагательного: *дурала улкни* «внешние страны»; в губденском диалекте — *уркьилала секьал* «то, что содержится в сердце» и др. Видимо, в прошлом такое употребление было гораздо шире, сейчас же во многих диалектах даргинского языка это — явление архаическое, и *ла* как суффикс прилагательного непродуктивно. Поэтому в некоторых диалектах (например, в гапшиминском) и в литературном языке иногда к архаическому суффиксу *ла* прибавляется новый суффикс *си* — явление «наслаивания» продуктивного суффикса на непродуктивный, что вообще достаточно часто встречается в даргинском языке. Однако, недавняя, еще не укоренившаяся в языке, практика прибавления *си* пока не успела повлиять на такие имена и превратить их в прилагательные.

Изменение прилагательных по классам и числам.

Не все прилагательные даргинского языка изменяются по классам. Прилагательные, образованные от основы с классным показателем в начале или в конце (когда прилагательное образовано от наречия, при помощи суффикса *чев*, когда прилагательное образовано от падежной формы с классным показателем в окончании) изменяются по классам, согласуясь с определяемым:

— *ваба* «толстый» (мужчина), *рабза* «толстая» (женщина), *бабза* «толстое», *укьула* «тонкий» (мужчина), *рукьула* «тонкая» (женщина), *букьула* «тонкое»;

— *чедибси* «верхний», *гьалавси* «передовой», *ургарси* «средняя»;

— *гякълучев* «умный», *гякълучер* «умная», *гякълучеб* «умное, умные».

Изменяемость по классам является свойством тех основ и слов, от которых образуется прилагательное. В даргинском языке есть основы с классным показателем, и прилагательные, наречия, глаголы, образованные от них, изменяются по классам. Есть также основы, в которых нет классного показателя,

и слова, в том числе и прилагательные, образованные от них, не содержат классных показателей.

В кубачинском диалекте классный показатель прибавляется и в начале, и в конце, или же только в конце прилагательного: *цубазиб*, *цубазив*, *цубазий* «белый» и т. д.

В свое время Услар сделал попытку дать правило изменности прилагательных даргинского языка. Эти правила, или, как сам он говорит «замечания», до некоторой степени годны и для недаргинца, практически изучающего даргинский язык, и могут несколько помочь ориентироваться в том, изменится ли то или иное прилагательное по классам или нет. Тем не менее надо сказать, что сформулированные им правила являются далеко неточными.

Прилагательное в роли определения, как мы говорили, в числе согласуется или не согласуется с определяемым именем.

Не согласуются в числе неформленные прилагательные, прилагательные на «окаменелый» суффикс *а*: *ахъ дубура* «высокая гора» — *ахъ дубурти* «высокие горы»; *дянг майдан* «широкий простор» — *дянг майдунти*; *цуб(а) кагъар* «белая бумага» — *цуб кагъурти*. Не согласуются также все прилагательные на *ар*, *чи*, *кар*. Прилагательные на *си* и *л* (*ил*) в числе всегда согласуются с определяемым словом: *цулбар чар* «зубчатое колесо» — *цулбар чарани*; *сирхлян кьял* «сургинская корова» — *сирхлян кьюли*; *стахановчи ялчи* «рабочий-стахановец» — *стахановчи ялчни*; *гясикар адам* «сердитый, нервный человек» — *гясикар адамти*; *ахси колхоз* «хороший «колхоз» — *ахти колхозуни*; *халал юрт* «большой дом» — *халати юртани*.

Что касается падежа, то прилагательное не согласуется с определяемым и всегда стоит в именит. падеже: *ахси адам* «хороший человек» — *ахти адамтала* «хороших людей»; *халал хъали* «большая комната», *халал хъайчи* «к большой «комнате», *халати хъулрачивад* «от больших домов».

Склонение прилагательных.

Склонение прилагательных почти не отличается от склонения существительных. Прилагательное не подвергается внутренней флексии ни при образовании множ. числа, ни при образовании падежей, и те фонетические изменения, которые имеют место в существительных на *л*, здесь не происходят: прилагательное на *л* в эргативе и родительном падеже сохраняют свою полную форму: *халалли*, *халалла*, *виштлалли*, *виштлалла* и другие. В отличие от прилагательных на *л*, прилагательные на *н* (*ен*, *ян*) подчиняются относящемуся сюда фонетическому закону и склоняются наравне с существительными: *сирхлян* — *сирхля* «сургинского», *сирхляй* (эргат.) и т. д.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ.

Числительные характеризуются тем, что они определяют предмет с его количественной стороны, при чем, в отличие от некоторых прилагательных, также выражающих количество, и от местоимений *чем*, *сецад* «сколько», числительное выражает количество точно.

По своей синтаксической роли даргинские числительные как порядковые, так и количественные, ничем не отличаются от прилагательного. Определяемое имя ставится после числительного и всегда в единственном числе: *хлябал адам* «три человека», *вецлну цара маза* «11 овец». Если перед определяемым числительным стоит прилагательное, которое согласуется с определяемым в числе, то оно (прилагательное) ставится во множественном числе, хотя определяемое имя остается в единственном: *хлябал ахти урчи* «три хороших лошади», *вецлал гякълучебти адам* «десять умных людей».

Образование числительных.

В простых числительных даргинского языка от 2 до 100 мы различаем две составные части, одна из которых является корнем, а другая суффиксом. Приводим ряд количественных числительных:

ца «1», *клил* «2» (*кли-ал*), *хлябал* «3» (*хляб-ал*); *авал* «4» (*ав-ал*), *шел* «5» (*шу-ал*, муг. *шувал*, урах. *швал*), *урегал* «6» (*урег-ал*), *верхлел* «7» (*верхл-ал*, мекег. *ерхлел*; урах. *верхлал*), *гехлел* «8» (*гехл-ал*; урах. *гахлал*); *урчлемал* «9» (*урчлем-ал*, мугоб. *урчлебал*); *вецлал* «10» (*вецл-ал*); *вецлну цара* «11» (*вецл-ну*, *ца-ра*), *вецлну урчлемра* «19», (*вецл-ну*, *урчлем-ра*); *гъал* «20» (*гъа-ал*; урах. *гъаал* с долгой гласной, усиш. *гъаял*, *гъаал*); *гъану цара* «21» (*гъа-ну*, *ца-ра*); *хлябцали* «30» (*хляб-цл-али*); *урчлемцлали* «90» (*урчлем-цл-али*); *даршал* «100» (*дарш-ал*), *даршим ца* «101» (*дарш-лим*), *азир* «1000» (*азирлим ца* «1001» (*азир-лим-ца*).

Как видно из примеров, *ал* в простых числительных от двух до десяти и в числительных 20 и 100 является окончанием количественного числительного; в десятках от 30 до 90 к окончанию *ал* прибавляется *и* (*али*). В сложных числительных (до 99) это окончание выпадает и появляются элементы, связывающие обе части числительного *-ну*, *-ра*.

Иногда (в детской игре и в других случаях) употребляются лишь корни числительных без этих суффиксов: *ца*, *кли*, *хляб*, *ав*, *шу*, *урег*, *верхл*, *гехл*, *урчлем*, *вецл*. Те же самые корни мы находим во многих дагестанских языках; в кубачинском диалекте они в колич. числительных употребляются без суффикса: *кйве* — 2, *гяб* — 3, *авгъ* — 4 и т. д.

¹ В мугобском вместо *лим* мы имеем *либ*, что значит «над»; *даршалиб ца* значит: «на сотне единица».

В лакском и в некоторых других языках Дагестана числительные снабжены классными показателями, которые согласуются в зависимости от класса определяемого имени. В даргинском языке числительные по классам не изменяются, но можно полагать, что и даргинские числительные в прошлом изменялись по классам, и согласные *в, д* (*верхлел, вецлал, даршал*)¹ являются окаменелыми классными показателями.

Суффиксы составных числительных *-ну* и *ра* (*вецну цара*) являются союзами, связывающими обе их части; *вецну цара* буквально будет «десять и один и». Но в современном даргинском языке «союзность» этих элементов не создается; к тому же элемент *-ну* в современном даргинском языке является союзом не соединительным, а противительным.

Начиная от 30 до 90 составные десятки состоят из трех частей: двух корней, первый из которых выражает число десятков, а второй обозначает «десять» и суффикса *али*: *хляб* (3), *-цI*, (10), *-али* — 30. Но не так обстоит дело с *гьал* (20). Числительное *гьал* распадается лишь на две части — корень *гьа* и суффикс *ал* (а не *али*). По аналогии с другими десятками основа *гьа* должна была бы состоять из двух частей: числа десятков и самого десятка. Числительное 20 составляет исключение из общего ряда и в других языках Дагестана: в лакском, аварском, лезгинском и др.: дарг. *гьал* — лак. *кьуба* (б кл. показ.), авар. *кьо-го* (пишется *кього*), лезг. *кьа-д*.

Это объясняется тем, что в этих языках наравне с десятиричной системой исчисления применялась и применяется двадцатиричная система. В настоящее время в даргинском языке нет двадцатиричной системы, но приходится сказать, что и в даргинском языке прежде, вероятно, применялась двадцатиричная система. Поэтому 20 не сознавалось, как два десятка, а сознавалось, как особое число, а 30, 40 и т. д. понимались как сумма 20 и 10, двух двадцаток и т. д.

В то время как сложные числительные до 99 включительно связываются между собою союзными суффиксами *-ну* и *-ра*, прибавляемыми к обеим частям сложного целого (*гьану цара* «21») числительные *даршал* «100» и *азир* «1000» со следующими за ними числительными, связываются посредством суффикса *лим*: *даршим ца* «101», *даршим вецлал* «110», *даршим вецну цара* «111», *азирлим урчлемдаршим авцланну урчлемра* «1949».

Число, выражающее количество сотен и стоящее перед *даршал*, и само слово *даршал* при соединении теряют суффиксы *ал*: *кли-дарш* (из *кел-даршал*) «200»; *хляб-дарш* (из *хлябал-даршал*) «300». Что касается *азир* 1000 и далее (*мил-*

лион, миллиард и т. д.), то они сохраняют свою полную форму: *кел азир* (а не *клиазир*) «2000».

Порядковые числительные.

Порядковые числительные образуются прибавлением к основе простого числительного или к составному числительному причастия *ибил* «сказанный», или *эсил* «то, что должно быть сказано»: *клиибил* «второй» (букв.: «два сказанный»); *вецл-ибил* «десятый»; *гьаибил* «двадцатый»; *вецну цара ибил* «11-й»; *хлябцлаибил* или *хлябцлали ибил* «30-й»; *цаэсил* «первый»; *даршэсил* «сотый».

Таким образом мы видим, что порядковые числительные в даргинском языке образуются тем же способом, как и в других дагестанских языках: аварском, лакском, табасаранском, лезгинском и др. Порядковые числительные даргинского языка являются как бы причастием сложного глагола, первой частью которого является числительное; другие формы таких глаголов не употребляются в языке.

Дробные числительные.

Дробные числительные в даргинском языке развиты слабо. Для выражения «половины» существует слово *байхгала* (б клас. показатель) диалектные разновидности: *баяхгала, белкьу, байхгьу* (ср. *биркьа* «полмерки»). Это слово по происхождению связано со словами *бай* «середина», *байбахгьес* «резать пополам». Для выражения «четверти» употребляют слово *авбаркьала* (*ав* «4», *баркь* «деление», *ала* суффикс отвлеченности). Остальные дроби выражаются описательно: *хлябла ца, хлябал бутлала ца бутла* « $\frac{1}{3}$ » (букв.: «трех один», «трех долей одна доля») *авла ца* « $\frac{1}{4}$ », *шула ца* « $\frac{1}{5}$ » и т. д.

Некоторые другие виды числительных.

Простое числительное с союзной частицей *ра* выражает определенность тех предметов, о которых говорится. Если фраза *кел адам баклиб* обозначает «два каких-то человека пришло», то фраза «*келра адам баклиб*» обозначает «двое людей пришли, оба пришли» (причем оба известны слушателю).

Что касается числительного *ца* «один», то оно может выражать самые разнообразные значения, в том числе и значение неопределенности: *адам ваклиб* значит «пришел какой-то известный человек», а фраза: *ца адам ваклиб* «пришел какой-то человек».

От даргинского числительного при помощи различных суффиксов образуются различные слова, выражающие разные понятия: при помощи суффикса *-на* образуется кратное наречие: *клина* «два раза», *хляйна* «три раза», *авна* «4 раза», *шуйна* «5 раз», *вецну царайна* «11 раз», *гьайна* «20 раз»,

¹ В мекегинском диалекте вместо *в* в числительном *верхлел, вецлал* мы имеем *е*: *ерхлел, ецлал*.

хлябцалайна «30 раз» и т. д. Понятие «один раз, однажды» выражается словом *гьачам* (но в сургин. диалекте: *цайна*).

При посредстве этих наречий выражается в языке умножение: (*клина хлябал* «дважды три»; *хляйна шел* «трижды пять»).

Как видно из примеров, во многих числительных (*ца* в *цайна*, *кли* в *клийна*, *хляб* в *хляйна* и т. д.) при образовании кратного наречия происходят некоторые фонетические изменения. Мы видим, что перед *на* в числительных на гласный и в числительном *хляб* вставляется *й*. Историческое объяснение этому мы находим в кубачинском и муиринском диалектах. Кубачинские соответствия звучат так: *кльигна* «два раза», *гьягна* (и *гьябжина*) «три раза». В муиринском имеется служебное слово *гина* (*жина*) со значением «раз, только»; откуда и происходит суффикс *-на*.

При помощи суффикса *-ка* или *-рка* образуется основа со значением повторения, удвоения: *хлябкаци* «в три слоя», *кликкаци* «двойной», *кльиркали* (нареч.) «в два слоя».

Для выражения значений «одинарный, единица», «двойка» и т. д. существует форма на *-лик* (кумык.): *кльилик* «двойка», *шуйлик* «пятерка» и т. д.

Для выражения «двукратный, двукратно» и т. п. существует форма на *някъ* (букв. «рука»): *кльинякъли* «в двукратном размере» и др.

От этой формы образуется еще другая форма, которую можно называть порядковым наречием: *кльинайс* «во-вторых, в другой раз, потом, второй раз», *хляйнайс* «3-й раз», *авнайс* «4-й раз» и т. д.; этой форме эквивалентна другая: *кльинаэсил*, *хляйнаэсил* и т. д.

Диалектными разновидностями формы на *йс* являются: *кльивналлиз* (усиш.), *шуйналлиз* (цудах.). Это показывает, что эти формы являются дательным падежом кратного наречия; с другой стороны их эквивалент на *эсил* показывает, что эта форма является как бы инфинитивом: *кльинаэс*, *кльинайс* «букв.: «дважды сказать»».

Для образования распределительной формы числительного со значением «по одному», «по два» и т. д. в даргинском языке повторяется основа: *ца-ца* «по одному», *кликлел* «по два», *шуйшел* «по пять» и т. д.; или с оформлением наречия: *кликлили*, *хлябхлябли* и т. д.

Для выражения «пары» или вообще группы имеется форма на *бехI*, *дехI* (*б* и *д* являются классными показателями): *ца-дехI дабри* «пара обуви», *кльидехI дабри* «две пары обуви», *хляббехI хъалибарг* «три семейства» и т. д.

Склонение числительных.

Склонение количественных числительных имеет некоторые отклонения от склонения существительных. Они заключаются в следующем:

В числительных от 2 до 10 и в круглых десятках, 20 и 100 — все косвенные падежи образуются от корня числительного без суффикса *ал*, причем эргатив принимает показатель *ли* *кел* «2» — *кльили*, *кльила*, *кльилис*, *кльиличи*; «3» *хлябал* — *хлябли*, *хлябла*, *хляблис*, *хлябличи*; в других числительных косвенные падежи образуются от полного числительного: «30» — *хлябцали* — *хлябцалай*, *хлябцала*, *хлябцалайс*, *хлябцалайчи*; «90» *урчлемцали*, *урчлемцалай* — *урчлемцала*, *урчлемцалайс* «11» *вецъну цара* — *вецъну царали*, *вецъну царала*.

МЕСТОИМЕНИЕ.

В даргинском языке имеются следующие разряды местоимений:

Личные: *ну* «я», *нуша* «мы»; *хлу* «ты», *хлуша* «вы»; *сай* «он»; «сам», *саби* «они, сами»;

Притяжательные: *вегI* (букв.: «хозяин»), *вегIла* (родит. пад. от *вегI*; классн. показ. *в* в *вегI*, *вегIла* в роли местоимений не чередуется: *вегI*, *вегIла* употребляются для всех трех классов одинаково);

Указательные: *иш* «этот» (у 1-го лица), *ишди* множ. ч.; *ил* «этот, тот» (у 2 лица), *илди* множ. ч.; *ит* «тот», *иди* множ. ч. (пишется *итди*); *икI* «тот» (выше говорящего), мн. ч. *икIди*; *их* «тот» (ниже говорящего), множ. ч. *ихди*.

Вопросительные: *чи* «кто», *чихъали* (множ. чис. от *чи*); *се* «что»; *чум* «сколько», *чумбехI*, *чумдехI* (множ. ч.); *чиди* «какой, который».

Определительные: *гьар*, *гьарил*, *гьар чиди*, *гьар чиди ца* «каждый, всякий», *баягъи*, *бегIла* (*вегIла*, *регIла*, *дегIла*) «самый»; *лебил*, *лебил*, *лебилра*, «все»;

Отрицательные: *чилра* «никто», *селра* «ничто», *цалра* «ни один» (при отрицании).

Неопределенные: *чумал*, *чумрил*, *цачумал* «несколько»; *чидил*, *чидирил* «какой-то»; *серил* «что-то»; *цаца* «некоторые»; *чи-биалра* «кто-нибудь»; *се-биалра* «что-нибудь»; *чиди-дигара* «какой угодно»; *се-дигара* «что угодно».

Отрицательные местоимения нами так названы условно, так как они употребляются в качестве неопределенных и без отрицания в вопросе;

хъулив чилра агара «в комнате нет никого»;

хъулив чилра клеву? «есть ли в комнате кто-нибудь?»;

ишаб селра леб «здесь имеется что угодно».

Местоимение 3-го лица *сай* (*саби, сари*) вместе с союзом *ра* и его множественное число *чули* тоже с союзом *ра* — во всех падежах в даргинском письменном языке получили широкое употребление в роли относительного местоимения, связывающего определительное придаточное предложение и придаточное предложение образа действия с главным предложением.

В роли местоимения 3-го лица употребляются указательные местоимения: *иш, ит, икI, их* «тот».

Склонение местоимений.

В отличие от имен существительных, прилагательных и числительных, которые все без исключения склоняются, среди местоимений имеются такие, которые встречаются лишь в именит. падеже; они не склоняются. Таковыми являются: *лебил* «все» (но не *лебилра*), *гьар* «всякий, каждый», *чумал, цачумал*, «несколько»; *чидил, чидирил* «какой-то»; *чирил* «кто-то»; *серил* «что-то» и некоторые другие.

Склонение личных местоимений отличается от склонения существительных следующими особенностями:

множественное число 1 и 2-го лица оканчивается на *ша* хотя в именах такого склонения множественности не встречается. Множественность в местоимении *сай* выражается классными показателями (*б, р*).

Все косвенные падежи местоимения 3-го лица во множественном числе образуются от другого корня *чу*: *чули, чула, чус* и т. д. причем эти падежи образуются, минуя форму эргатива. Что касается единственного числа, то здесь косвенные падежи образуются от основы именит. падежа, но с выпадением классного показателя и изменениями в основе: *сунела, сунени, сунес* и т. д. Следовательно, это местоимение все косвенные падежи имеет от архаического ныне неупотребительного эргатива *суне, сунни*. Это предположение подтверждается тем, что в некоторых диалектах (урах. и др.) и сейчас форма *сунни* употребляется как эргатив.

Родит. падеж местоимения 1-го лица образуется от другого корня *ди* (цудак. *ду* «я»): *дила* «мой»; дательный падеж образуется от видоизмененной основы *на*: *наб* «мне», и все падежи, за исключением эргатива, образуются от дательного: *набчи* «ко мне», *набчила* «обо мне» и т. д.

От личного местоимения 2-го лица эргатив образуется от основы *хIу*: *хIуни*, остальные же падежи образуются от видоизмененной основы *хIе*: родит. *хIела*, дат. *хIед* и т. д.

Дательный падеж местоимений 1-го и 2-го лица своим окончанием отличается от дательного падежа существительных и местоимений 3-го лица: окончание 1-го лица *б* (в ед. и мн. ч.) 2-го — *д* (мн. ч. *б*): *наб, нушаб, хIед, хIушаб*.

В кайтагском и кубачинском диалектах произошло выравнивание парадигмы склонения местоимений 1 и 2-го лица со склонением существительных: здесь к окончанию дательного падежа *м* прибавляется окончание *й, ж* (акуш. *с*): *дамиж, дамйжи* (кайт.), *дамий* (кубач.) «мне»; *эйтиж* (кайт.), *иттий* (кубач.) «тебе».

Указательное местоимение 3-го лица *ит* и другие: *ил, иш, икI, их* перед падежным окончанием принимают гласный *и*, который в родит. падеже переходит в *а*: эрг. *итини*, родит. *итала*, дат. *итис* и т. д.

Приводим таблицу склонения личных местоимений в акуш. диалекте и наиболее отклоняющиеся от них формы цудахарского диалекта:

	Акуш.	Цудак.	Акуш.	Цудак.
1-ое	<i>Ну</i> «я»	<i>ду</i>	<i>нуша</i> «мы»	<i>нухьха</i>
эрг. п.	<i>нуни</i>	<i>дале</i>	<i>нушани</i>	<i>нухьхале</i>
род. п.	<i>дила</i>	<i>дила</i>	<i>нушала</i>	<i>нищала</i>
дат. п.	<i>наб</i>	<i>дам</i>	<i>нушаб.</i>	<i>нищаб</i>
	<i>набчил</i>	<i>дамцела</i>	<i>нушачил</i>	<i>нищацела</i>
	<i>набчила</i>	<i>дамияла</i>	<i>нушачила</i>	<i>нищаябле</i>
	<i>набчибли</i>	<i>дамиябле</i>	<i>нушачибли</i>	
	<i>набчи</i>	<i>дамыцу, дамья</i>	<i>нушани</i>	<i>нищу,</i>
	<i>набчиб</i>	<i>дамыцуб, дамьяб</i>	<i>нушачиб</i>	<i>нищя</i>
	<i>набчибад</i>	<i>дамыцула, дамьяла</i>	<i>нушачибад</i>	<i>нищяцуб,</i>
				<i>нищяб</i>
				<i>нищяцула</i>
				<i>нищяяла</i>
2-е л.	<i>хIу</i> «ты»	<i>гIу</i>	<i>хIуша</i> «вы»	<i>гIуца</i>
эрг. п.	<i>хIуни</i>	<i>гIеле</i>	<i>хIушани</i>	<i>гIуцали</i>
род. п.	<i>хIела</i>	<i>гIяла</i>	<i>хIушала</i>	<i>гIуцала</i>
дат. п.	<i>хIед</i>	<i>гIят</i>	<i>хIушаб</i>	<i>гIуцаб</i>
	<i>хIечил</i>	<i>гIяцила</i>	<i>хIушачил</i>	<i>гIуцаццала</i>
	<i>хIечила</i>	<i>гIяяла</i>	<i>хIушачила</i>	<i>гIуцаяла</i>
	<i>хIечибли</i>	<i>гIяябле</i>	<i>хIушачибли</i>	<i>гIуцаябле</i>
	<i>хIечи</i>	<i>гIяцу, гIяя</i>	<i>хIушачи</i>	<i>гIуцацу,</i>
	<i>хIечиб</i>	<i>гIяцуб, гIяяб</i>	<i>хIушачиб</i>	<i>гIуцацуб,</i>
	<i>хIечибад</i>	<i>гIяцула, гIяяла</i>	<i>хIушачибад</i>	<i>гIуцацуб,</i>
				<i>гIуцацала</i>
3-е л.	<i>сай</i> «он»	<i>сайе</i>	<i>саби</i>	<i>сабе</i>
эрг. п.	<i>сунени</i>	<i>сунеле</i>	<i>чули</i>	<i>чуле</i>
род. п.	<i>сунела</i>	<i>сунела</i>	<i>чула</i>	<i>чула</i>
дат. п.	<i>сунес</i>	<i>сунез</i>	<i>чус</i>	<i>чус</i>

Акуш.	Цудах.
сунечил	сунеццела
сунечила	сунеяла
сунечибли	сунеябле
сунечи	сунещу, сунея
сунечиб	сунещуб, сунеяб
сунечибад	сунещула, сунеяла.

Акуш.	Цудах.
чучил	чуццела
чучила	чуяла
чучибли	чуябле
чучи	чущу, чуя
чучиб	чушуб,
чучибад	чушула,

	Акуш.	Цудах.
3-е л.	ит «он, тот»	ит
эрг. п.	итини	итили
род. п.	итала	итила
дат. п.	итис	итиз
	итичил	итиццела
	итичила	итияла
	итичибли	итиябле
	итичи	ития
	итичиб	итишуб
		итияб
	итичибад	итишула
		итияла

	Цудах.
	чи «кто»
эрг. п.	чили
род. п.	чила
дат. п.	чис
	чичил
	чичила
	чичибли
	чичи
	чичиб
	чичибад

	Акуш.
	се «что»
эрг. п.	сели
род. п.	села
дат. п.	селис
	селичил
	селичила
	селичибли
	селичи
	селичиб
	селичибад

	Акуш.
	че
	гвили
	гвила
	гвиз
	гвиццела
	гвияла
	гвиябле
	гвищу, гвия
	гвишуб, гвияб
	гвишула; гвияла.

	Цудах.
	се
	сели
	селла
	селиз
	селиццела
	селияла
	селиябле
	селищу, селия
	селишуб, селияб
	селишула, селияла.

Г Л А Г О Л.

Общая характеристика даргинского глагола.

Даргинский глагол имеет много наклонений, имеет сложную систему личных окончаний, которыми он согласуется то с объектом, то с субъектом. Он имеет длительный и недлительный виды, однократный и многократный виды, чрезвычайно ярко выраженные морфологически.

Даргинский глагол, как часть речи, морфологически богато оформлен. Несмотря на это, анализируя состав даргинского глагола, почти во всех случаях легко установить пути оформления и сравнительно недавнего выделения его различных морфологических форм. Основа даргинского глагола является в то же время формой желательного наклонения и отглагольным существительным (хотя не от всех глаголов она употребительна в последнем значении):

белкI «письмо» и «чтобы написал»

белчI «чтение» и «чтобы прочитал»

баркь «действие, поступок» и «чтобы сделал».

Любая основа глагола в предложении в сочетании с другими словами может употребляться для выражения желательности (пожелание, заклинание, проклятие и проч.). При этом такая основа глагола является существительным и склоняется наравне с ним.

Примеры: *Чинава иши давла маг?* ...«где этот, чтобы ему добра не было!» (*маг* от глагола *гес* «дать»).

Ит давла магги бетахъахъиб «этот, чтобы ему добра не было, потерял».

гъавакIгу, ит вебкIличи «пойди же к этому, чтобы он умер!»

Здесь же упомянем о том, что слово *сай* (*саби, сари*) в даргинском языке употребляется и в роли местоимения (сам, он), и в роли вспомогательного глагола-связки при сказуемом.

Даргинский глагол можно точно отличить от всех остальных частей речи, но для этого недостаточно принимать во внимание одну какую-либо особенность, а нужно привлечь совокупность всех показателей. Такая совокупность является необходимой и достаточной для разграничения глагола от имени. Какие же это показатели?

Даргинский глагол выражает действие или состояние, изменяется по лицам (за исключением описательных форм прошедшего времени на *ри* и формы на *ши*), по временам, по наклонениям и видам. Он может быть переходным и непереходным. Преобладающее большинство даргинских глаголов принимает классные показатели.

Изменение по лицам и временам однако не является отличительным признаком только глагола. Будучи сказуемым, любое слово в даргинском языке изменяется по лицам и временам, при помощи добавления к нему окончаний сокращенной связки (*ра, ри*) *ну хъуливра* «я дома» (*ну* «я», *хъулив* местн. п. от *хъали* «дом», *ра* связка 1-го лица), *хлу хъуливри* «ты дома» или «ты был дома» (*хлу* «ты», *ри* связка 2-го лица и показатель прошедшего времени), *ну хъуливри* «я был дома», *нура* «это я», *хлури* «это ты» или «это был ты»; *нури* «это был я», *ну учителя* «я учитель», *хлу учительри* «ты учитель» или «ты был учителем», *ил учитель сай* «он учитель», *ит учитель сайри* (и сокращенно: *ит учительри*) «он был учителем»; *хлури?* «это ты?», это был ты?, *чи сая?* «кто такой?», *ит чи сайри* «кто он был?», *итри* «это был он».

Классные показатели также не могут служить достаточным признаком глагольности; они принимаются не только глаголами, но и другими частями речи (существительным, прилагательным, числительным, местоимением и наречием).

Одному лишь глаголу свойственны категории наклонения, вида и залога. Быть хотя бы в нескольких наклонениях, быть совершенным и несовершенным, переходным или непереходным — может только глагол. Этим мы и отличаем глагол от имени-сказуемого, которое также выражает лицо и время. Но тогда из круга глаголов как бы выходят такие глаголы, как *сай* «есть», *ахлен* «нет», *леб* «имеется, находится». Эти глаголы встречаются лишь в изъявительном наклонении, в других наклонениях они не бывают.

Мы должны найти следовательно такой признак глагольности, который бы охватил и эти три глагола.

Даргинский глагол имеет и иные формальные признаки, по которым можно различать глагол от имени. Одним из них является возможность прибавления суффикса отглагольного существительного *ни*. Этот суффикс можно прибавить только к глаголу, причем ко всем глаголам без единого исключения.

Поэтому для даргинского глагола можно дать такое определение, которое охватило бы все его разновидности с одно-временным исключением всех слов, которые не являются глаголами: глагол есть часть речи, которая может принимать суффикс *ни*. Такое определение, конечно, не раскрывает вполне сущность даргинского глагола, но практически оно является полезным.

К другим признакам глагола относятся отрицательные префиксы *хе, ма*. Их можно прибавить только к глагольным формам, однако, четыре глагола не принимают их:

сай «есть», *ахлен* «не есть», *леб* «имеется», *агара* «не имеется».

Однако, в кубачинском диалекте отрицательный (аналогичный акушинскому *ахлен*) глагол образуется прибавлением отрицательного префикса *а*: *а саби* «не есть».

Суффикс инфинитива *эс (ёс)* не принимают лишь три первые из указанных глаголов (*сай, ахлен, леб*), остальные глаголы все принимают его и таким образом все образуют инфинитив.

Таковы характерные признаки даргинского глагола.

Классные показатели в глаголе.

Место классного показателя в даргинском глаголе — непосредственно перед корнем глагола. Отрицательные префиксы и префиксы места стоят перед *сай, леб*, где классный показатель стоит после корня.

В одном и том же глаголе мы часто видим два и больше классных показателя. Это бывает тогда, когда префикс или именная часть глагола или обе части также имеют классные показатели:

гъаббердес «прорвать» (*гъаб* префикс с кл. показ. б), — *гъардердес* «прорвать» (в конце префикса *р*, в начале глагола *д*); *чевваргес* «насмехаться» (*чев* префикс с кл. показ.) — *чеббаргес; үвватес* «покинуть, оставить» — *уббатес; гъаввиэс* «определить» — *гъаббиэс; гъаввухъес* «убежать» — *гъаббухъес*;

При стечении двух в одно из них (второе) часто выпадает: *чеввердес* и *чеввердес* «оторваться»; *чеввахъес* и *чеввахъес* «отделить»; *чевваргес* и *чевваргес* «насмехаться».

В мугинском диалекте кл. показатель *р* в префиксах *гъар, кир, глер* и др. окаменел:

гъарухъис «убежать» — *гъарбухъис; киряхъяс* «отделить» — *кирбахъяс; глерерттис* «искореняться» — *глерберттис*.

В кубачинском в причастиях классный показатель имеется и в конце слова.

акуш.

белкунци
левси

кубач.

кабжибзиб «написанный»
левзив «тот, который находится».

Не все глаголы в даргинском языке изменяются по классам. Есть глаголы, в которых тот или иной показатель окаменел, больше всего показатели *д, б*: *дукелцидихъес* «стать смешным», *хляздухъун* «охота появилась», *гъимидухъес* «гневаться», *дигес* «любить» (в акуш., в других диалектах в этом глагоде классные показатели чередуются).

Есть глаголы, которые не содержат классных показателей: *аклес* «родиться, создаться», *атлес* «завязнуть», *акес* «спаять», *какьес* «насыпать», *касес* «взять», *сасес* «получить», *серхес* «стать бодрым», *хес* «принести», *гес* «дать», *кес* «привести» и другие.

Есть глаголы, в которых классный показатель появляется лишь в отдельных формах:

арукьес «уйти» — *аррукьес*, *арбукьес*, *ардукьес*; но *аркьяс* «уйду» (для всех классов); *арбухес* «унести» — *арухес*, *аррухес*, *ардухес*; но *архис* (*архид арху*) «унесу» для всех классов); *арбукес* «увезти» — *аррукес*, *арбукес*, *ардукес*; но *арку* «унесет» (для всех классов).

При образовании от совершенного вида с классным показателем вида несовершенного и наоборот, иногда классный показатель выпадает, но не перед звуком а:

биршес «сжать жатву» — *иршес*; *бирзес* «подойти» — *изес*; *биркес* «побелить» — *иркес*; *белклес* «написать» — *луклес*; *белглес* «ощипать» — *лутлес*; *белкьес* «насытиться» — *лукьес*, и др.

Классные показатели выпадают также после префиксов и именных частей сложного глагола.

Инфинитив

Инфинитив в акушинском и во многих других диалектах имеет суффикс *эс* (*ес*, *яс*) в урахинском диалекте: *ис*, (*яс*): *белклес* «написать», *белчлес* «прочитать», *кайэс* «посидеть, сесть», *чезэс* «увидеть», и др.

В цудахарском диалекте вместо *эс* (*ес*) имеем *из*, что сближает даргинскую форму инфинитива с аварской формой на *изе*: *ваклес*, цуд. *вачлиз* (ср. авар. *вачлизе*) «прийти»; *абхьес* (цуд. *абшиз*) «открыть»; *кайэс* (цуд. *кайжиз*) «сесть».

Даргинский инфинитив имеет морфологическое сходство и с лезгинским деепричастием на *из*, играющим в этом языке роль инфинитива. Он имеет также сходство с инфинитивами агульского, цахурского, рутульского и других дагестанских языков, где инфинитив также оканчивается на *с*.

Вместо цудахарского *э* в отдельных диалектах цудахарской группы мы имеем *ж* или *й*: *ваклиз* (усиш.), *ваклий* (бутрин.). Эти соответствия (*с-з-ж-й*) в даргинском языке наблюдаются только в окончаниях инфинитива и дательного падежа, ср. *Алис* (дат. от *Али*), *Ализ*, *Алиж*, *Алий*.

В кайтагском языке такой формы инфинитива нет, но есть равносильная с ней по значению другая форма на *ара*, *ана*: *барккара* «найти» (акуш. *баргес*), *цявана* «прийти» (акуш. *ваклес*).

Такая же форма существует и во многих диалектах цудахарской группы. В некоторых из них, например, в мугинском,

эта форма употребляется наравне с формой на *ис* (акуш. *эс*): *айзараайзис* «встать», *элзанаэлзис* «вставать», *кайаракаийис* «сесть», «сидеть», *керанакерис* «сидеть» (мугинский диалект).

Нужно отметить, что как *эс* (*ис*), так и *ана*, *ара* сами по себе являются инфинитивами от простейших глаголов: *эс*, *ара* (*ана*), что значит «сказать, сделать, становиться»; от них образуются во всех диалектах формы наклонения и временные формы. Разница между *ана* и *ара* фонетическая. Чтобы знать, какие глаголы принимают *ана* и какие *ара*, в тех диалектах, где есть эти суффиксы, — можно помнить следующее соотношение: если прошедшее время совершенного вида оканчивается на *н*, то инфинитив совершенного вида будет на *ана*: *вякьун* «посетил, сходил» — *укьяна*, *белкун* «написал» — *белк'ана*, *атлун* «завяз» — *ат'ана* (мугинский диалект). Инфинитив несовершенного вида оканчивается на *ана*: *вашана* «ходить», *элзана* «вставать», *балтана* «оставлять» и др. (муг.). В остальных случаях инфинитив будет образован на *ара*: *багыара* «узнать», *айзара* «встать», *батара* «оставить» (муг.).

Даргинский инфинитив Услар называл неокончательным наклонением, Жирков — долженствовательной формой. Мы не находим никакой надобности выдумывать для даргинского инфинитива новые названия, хотя и «инфинитив» тоже термин неудачный. Можно называть его и неопределенной формой или неопределенным наклонением, так как здесь не определено, к какому времени и лицу относится действие или состояние: выражаемое инфинитивом.

Даргинский инфинитив резко отличается от отглагольного существительного на *ни*. В то время, как отглагольное существительное склоняется наравне с другими именами, инфинитив принимает окончания лишь нескольких падежей: родительного (*ваклесла мелла* «вместо того, чтобы прийти») и локатива — уступающего (*ваклесличиб* «чем прийти»). Если отглагольное существительное на *ни* вместе с послелогом *багыандан* «по причине, ввиду, ради» в предложении выражает причину, инфинитив с тем же послелогом выражает цель: *вак'ни багыандан* «ввиду прихода», т. е. «ввиду того, что пришел»; *вак'ес багыандан* «для прихода», т. е. «для того, чтобы прийти».

Таким образом, даргинский инфинитив имеет двойное употребление: он употребляется и как русский инфинитив, и в значении «чтобы» с инфинитивом: *ваклес* значит «прийти» и «чтобы прийти».

Повидимому, даргинский инфинитив имеет прямое отношение к будущему времени глагола, за что говорят, между прочим, два факта: совпадение его по форме с будущим следственным и невозможность образования его от глаголов, которые не имеют будущего времени *сай*, *ахлен*, *леб*. Тем не менее называть даргинский инфинитив целевой или долженст-

вательной формой нет необходимости, так как он употребляется не только в значении «чтобы» с инфинитивом, но чаще всего в значении «чистого» инфинитива.

Если сравнить даргинский инфинитив с русским, то надо признать, что даргинский инфинитив по значению конкретнее русского. По-даргински, как известно, нельзя сказать «прочитать», а можно лишь сказать, соблюдая согласование по классу, прочитать нечто мужского, женского среднего класса или прочитать много чего-либо», например, читать сочинения мужчин или женщин, читать по списку их имена и проч.; *белкес* значит: «прочитать нечто среднего класса или много мужского или женского класса». В отличие от русского инфинитива, даргинский инфинитив требует подлежащего в именительном, активном или дательном падеже, как и всякая другая форма глагола. К русскому же инфинитиву нельзя поставить подлежащее в именительном падеже. Мы можем сказать «я прочитал газету», «я» здесь подлежащее. Если мы заменим «прочитал» инфинитивом, то связь между «я» и глаголом исчезнет: «я» не может быть грамматическим подлежащим для инфинитива «прочитать».

В даргинском языке можно сказать: *ну учлес дигулра* и *наб учлес дигулра* «я хочу» или «мне хочется учиться». Какая же синтаксическая разница между этими даргинскими предложениями? В первом предложении *ну* «я» является подлежащим для инфинитива *учлес* «учиться», а во втором *наб* «мне» является подлежащим для глагола *дигулра* «хочу». Таким образом даргинский инфинитив наравне с другими спрягаемыми и не спрягаемыми формами глагола определяет падеж подлежащего и в предложении играет роль как бы придаточного сказуемого, обстоятельства цели и дополнения. Однако, дополнением даргинский инфинитив может быть только тогда, когда его подлежащее совпадает с подлежащим дополняемого глагола, как в предыдущих примерах. Если же оба подлежащих не совпадают, то вместо инфинитива мы встречаем деепричастие или (редко) отглагольное существительное. *Наб хлу учули (учли) дигулра* «я хочу, чтобы ты учился».

Отрицательная форма инфинитива образуется правильно от его положительной формы.

Основы глагола и её состав.

Основой глагола мы считаем ту часть его, которая остается после опущения окончания. Почти все даргинские глаголы распадаются на эти две части. Например, глагол *белкес* «написать» мы можем разбить на две части, одна из которых «окончание», другая — основа: *белк-ес*.

Исключение составляет глагол *эс* «сказать», в котором «окончание» совпадает с основой. Дело в том, что глагол *эс*

служит в то же время и окончанием для других глаголов. Он является первичным глаголом, который как бы «дал» спряжение почти всем остальным глаголам даргинского языка.

Основа даргинского глагола, как мы говорили, в то же время есть желательное наклонение, которое употребляется и как отдельное слово в этом значении.

Исключение составляют глаголы *сай, ахлен, леб, агара* и некоторые другие, основа которых состоит из одного лишь согласного: *гес* «дать», *хес* «принести», *кес* «привести». Основы этих глаголов *г, х, к*, не выступают в роли желательного наклонения и образовать его от них нельзя. Нельзя образовать желательное наклонение и от глаголов *сай, ахлен, леб, агара*. Это объясняется тем, что все эти глаголы употребляются в настоящем или в прошедшем времени, а желательное наклонение выражает желание чего-либо в будущем. Глагол *эс* также составляет исключение. От этого глагола желательное наклонение будет *э*. Но в инфинитивной форме этого глагола мы основы (*а*) не видим. Поэтому определение основы даргинского глагола как части его, которая остается по отнятии от инфинитива окончания, не охватывает всех ее типов.

Основы глагола может быть первичной или производной, вторичной. Первичная основа даргинского глагола всегда состоит из одного слога и имеет согласный исход. Другие же основы можно рассматривать как производные. Первичная основа даргинского глагола, как таковая, не имеет никакого оформления, т. е. в даргинском языке основа не образуется никаким суффиксом.

Инфинитив

барес «сделать»
касес «взять»
белкес «написать»

Основа

бар
кас
белк

В некоторых глаголах по отделении окончания от основы в конце ее появляется гамза:

кайэс «сесть, посидеть» (акуш.)
аэс «дойти вверх»
каэс «дойти вниз»
эс «сказать»
хьалгис «остаться» (урах.)
алгис «отрезать»
бергис «высохнуть»
кергис «сидеться»
амгис «очиститься»

кай
а
ка
а
хьалг
алг
берг
керт
амг

Как видно из примеров, в акушинском диалекте гамза появляется лишь после *й* и *а*; в урахинском и мугинском

диалектах—и после согласных *л, р, м*. В этих глаголах с гамзой перед окончанием слышится перерыв голоса: *беръис*. Он отчетливее слышен в урахинском и мугинском диалектах, чем в акушинском. В акушинском диалекте перерыв голоса после *л, р, м* исчез, исчезла также гамза в составе основы.

урах.	акуш.
<i>хьалъ</i>	<i>кал</i>
<i>алъ</i>	<i>ал</i>
<i>беръ</i>	<i>бер</i>
<i>амъ</i>	<i>ам</i> (от <i>амъэс</i> «очиститься»).

Явление это — чисто фонетическое. Гамза перед гласным окончания переходит в простой перерыв голоса: *кайъэс* — *кайс*, *хьалхъис*. Эта гамза сохраняется в конце чистой основы и перед согласным аффикса: *кайъни* «сидение», *хьалъни* «от *хьалъис* «остаться»).

Во многих диалектах цудахарской группы вместо акушино-урахинской гамзы мы имеем согласные *г, ж, з*, которые сохраняются во всех формах:

Таким образом, гамза в конце основы не является каким-либо формативом, она входит в состав корня.

В составе первичной основы выделяется часто корень и классный показатель, который (если он есть) должен стоять непосредственно перед корнем. Первичный корень даргинского глагола состоит большею частью из одного или двух согласных, первым из которых является один из звуков *л, н, м, б*. Но бывает и так, что в корне мы находим только один гласный, который иногда сливается с гласным префикса и дает долгий гласный (в урахинском диалекте), или же выпадает; а в чистой основе перед согласным суффиксом, как было упомянуто выше, сопровождается гамзой.

Примеры слияния гласного корня с гласным префикса:

каэс «дойти вниз»; *аэс* «дойти вверх»; *саэс* «дойти сюда».

В урахинском диалекте гласный *а* в префиксе долгий: *хьаайис*, *ааис*, *сааис*; в цудахарском диалекте после гласного стоит согласный *гъ*: *кегъиз*, *сегъиз*.

Как видно, в акушинском диалекте произошло упрощение формы: корень, состоящий из гамзированной гласной, выпал из середины глагола, префикс сам занял место корня.

Гласный, стоящий перед корневым согласным, часто чередуется с другим для выражения значения совершенного или несовершенного вида:

барес «сделать» — *бирес* «делать»;

бемдес «распухнуть» — *бумдес* «пухнуть»;

бемхлес «промокнуть» — *бумхлес* «мокнуть».

Следовательно, гласный в этом случае не является принадлежностью первичного корня, но является формативом.

Если слившиеся с корнем префиксы от корня уже не отделяются, то классный показатель стоит перед ними, а не после них, как это вообще бывает при делимых префиксах:

биэс «делаться» (префикс *би*)

чебаэс «увидеть» (префикс *че*)

Отличить простую основу глагола от производной нетрудно.

При наличии в глаголе классного показателя легко узнать имеется ли при глаголе префикс (как и начальная именная часть) или нет: та часть основы, которая стоит перед классным показателем, будет префиксом или именной частью данного сложного глагола.

Легко обнаруживается префикс (или именная часть) вставлением отрицательного префикса в основу; отрицание будет стоять после префикса (или именной части).

Такой способ различения простой основы от производной при выражении отрицания в акушинском диалекте вполне оправдывает себя:

аклес «создаться, родиться» — *ахлеклес*; *асес* «купить» — *ахлесес*.

Для урахинского диалекта это правило не применимо, так как в нем отрицание не всегда ставится после префикса:

хьабихъиб «положил» (*хьа* — акуш. *ка*) — *аххьабихъиб* «не положил»

ахл — акуш. *хле*); *арбуха* «унеси» — *армахуд* «не уноси».

Начальный звук *а*, во многих глаголах принадлежностью корня первоначально не был. Это префикс, уже окаменевший в данных глаголах. Тот факт, что *а* здесь префикс, подтверждается и тем, что в урахинском, цудахарском и других диалектах при отрицании он принимает ту же самую форму, к которой вообще исторически возводится префикс *а* в даргинском глаголе, т. е. форму *ад* (*ат, гьатл*):

адахлааклвис «не родиться»; *атхлессиз* «не купить».

В даргинском языке различаются две параллельных основы: основа совершенного вида глаголов и основа несовершенного вида.

Основа совершенного вида выражает совершенное, законченное действие или закончившееся состояние; основа несовершенного вида выражает не совершенное, не законченное или повторяющееся действие или состояние. Основа совершенного вида большею частью совпадает с первичной основой; основа же несовершенного вида производится от нее путем внутренней флексии:

Основа совершенного вида

Основа несовершенного вида

батес «оставить»

балтес «оставлять»

батлес «обругать»

балтлес «ругать»

бацес «вспахать»

балцес «вспахивать»;

<i>битес</i> «поколотить»	<i>биртес, итес</i> «колотить»;
<i>биклес</i> «выбрать»	<i>бирклес</i> «выбирать»;
<i>бицлес</i> «налить»	<i>бирцлес</i> «наливать»;
<i>белклес</i> «написать»	<i>луклес</i> «писать»;
<i>барес</i> «сделать»	<i>бирес</i> «делать»;
<i>бамсес</i> «устать»	<i>бумсес</i> «уставать»;
<i>бяхъес</i> «ударить»	<i>бирхъес</i> «бить, ударять»;
<i>бирзес</i> «дойти»	<i>изес</i> «дойти»;
<i>бирбес</i> «сшить»	<i>ибес</i> «шить»;
<i>беркес</i> «покушать, поест»	<i>букес</i> «кушать, есть»;
<i>бержес</i> «попить»	<i>бужес</i> «пить»;
<i>белчлес</i> «прочитать»	<i>бучлес</i> «читать».

Как видно из примеров, звуки *л* и *р* в отдельности или с чередованием гласных, большей частью образуют основу несовершенного вида.

Выше даны примеры на чередование гласных при образовании несовершенного вида, но встречается, хотя редко, и чередование согласных: *вакI* (*вак.ес*) — *ваиш* (*вашес*) «итти».

Как видно из примеров, не всегда *р* и *л* дают основу несовершенного вида, *бирз* например, является основой совершенного вида, при основе несовершенного вида *из* «дойти» и др.

Таким образом, основа совершенного вида не всегда является первичной, а наоборот, иногда основа несовершенного вида является первичной: *иклес* «выбрать», *изес* «дойти», *ибес* «шить» дают основы совершенного вида: *биркI*, *бирз*, *бирби* и др.

Есть отдельные глаголы, у которых обе основы по форме совпадают: *бурес* «сказать, сказывать», *укес* «кушать, есть», *ужес* «выпить, пить» и др. Есть также незначительное число глаголов, у которых нет совершенной основы: *узес* «работать», *улхъес* «танцовать».

В то время, как префиксы играют в глагольном словообразовании большую роль, продуктивными суффиксами даргинский глагол не богат; имеются, однако, суффиксы, образующие отглагольные имена и наречия. Отдельно мы остановимся на суффиксе каузатива (понудительного залога).

Как основы совершенного, так и несовершенного вида прибавлением суффикса *ахъ*, *яхъ*, *ехъ* образуют каузативную (понудительную) форму основы:

<i>эс</i> «сказать» — <i>ахъэс</i> «заставить сказать»;
<i>гес</i> «дать» — <i>гахъес</i> «заставить дать»;
<i>хес</i> «принести» — <i>кахъес</i> «заставить принести»;
<i>кес</i> «привести» — <i>кахъес</i> ; «заставить привести».
<i>лугес</i> «давать» — <i>лугахъес</i> «заставить дать»
<i>бихес</i> «носить» — <i>бихахъес</i> «заставить носить».
<i>бикес</i> «водить» — <i>бикахъес</i> «заставить водить»

бяхъес «ударить» — *бяхъяхъес* «заставить ударить»
белгъес «сеять» — *белгъехъес* «заставить посеять»

Можно полагать, что даргинская форма каузатива в прошлом была описательной. Из двух глаголов в этой форме получился один глагол: *луклес* «писать», *ахъес* «заставить сказать» — вместе дало: *луклахъес*. Две основы *лукI* и *ахъ* соединились, из них образовалась составная основа. Вторая основа потеряла свое вещественное значение и превратилась в суффикс.

Отрицательные формы глагола образуются прибавлением отрицательного префикса к положительной основе глагола. Отрицательный префикс в даргинском глаголе стоит перед корнем.

Примеры утвердительных и отрицательных форм глагола с отрицательным префиксом *хе*:

<i>гес</i> — <i>хегес</i> «не дать»;
<i>хес</i> — <i>хехес</i> «не принести»;
<i>кес</i> — <i>хекес</i> «не привести»;
<i>аклес</i> — <i>ахлеклес</i> «не родиться, не появиться»;
<i>баклес</i> — <i>хебаклес</i> «не придти»;
<i>бячес</i> — <i>хебячес</i> «не сломать».

Примеры повелительных и желательных форм утвердительных и с отрицательным префиксом *ма*:

<i>бячен</i> — <i>мабячад</i> «не сломай»;
<i>бебкIаб</i> — <i>мебебкIаб</i> «пусть не умрет»;
<i>айзаб</i> — <i>амайзаб</i> «пусть не встает»;
<i>касаб</i> — <i>камаасаб</i> «пусть не берет».

При отрицании основа глагола подвергается некоторым изменениям, а именно:

— классный показатель *в* вместе со следующим гласным выпадает:

<i>вебкIес</i> — <i>хебкIес</i> «не умереть»;
<i>вакIес</i> — <i>хебкIес</i> «не придти».

— основа глагола, если в ее составе нет префикса для усиления отрицания повторяется (факультативно):

<i>батес</i> — <i>хебатес</i> и <i>бахъебатес</i> «не оставить»;
<i>белчлес</i> — <i>хебелчлес</i> и <i>белчIхебелчлес</i> «не прочитать»;
<i>багъес</i> — <i>хебагъес</i> и <i>багъIхебагъес</i> «не узнать».

— при основе глагола с префиксом места — отрицание ставится после префикса места:

<i>аклес</i> — <i>ахлеклес</i> «не родиться»;
<i>касес</i> — <i>кахъесес</i> «не взять»;
<i>сасес</i> — <i>сахъесес</i> «не получить»;
<i>чегъес</i> — <i>чехъегъес</i> «не надеть».

В мугинском диалекте в таких случаях префикс может быть выпущен:

<i>вакIис</i> — <i>хлекIис</i> «не прийти»;
<i>кассис</i> — <i>хлессис</i> «не взять»;

При сохранении в мугинском в отрицательной форме префиксов *ка, са, а* — они восстанавливаются в своей полной форме *кат, сат, ат*:

кабихьис — *катхлебихьис* «не положить»;

сассис — *сатхлессис* «не взять»;

ассис — *атхлессис* «не купить».

В урахинском и цудахарском диалектах префиксы *хьа, са, а* также сохраняются с восстановлением полной формы, (урах. *хьад, сад, ад*; цудах. *кат, сат, ат*), причем в урахинском диалекте префиксы *хьа, са, а* повторяются и после отрицания, но уже в неполной форме:

айзис — *адахлайзис* (урах.)

хьайис — *хьадаххьайис* (урах.)

саасис — *садахсаасис* (урах.)

гьайжиз — *катхлежайжиз*;

кайжиз — *катхлежайжиз*;

сассиз — *сатхлессиз*.

Сложные основы глаголов.

В даргинском языке многие глаголы имеют сложные основы, первой частью которых является какое-либо имя, иногда даргинское по происхождению (порою даже ныне уже отдельно неупотребительное), иногда же заимствованное из другого языка (русс., араб., тюрк.).

В даргинском языке есть такие служебные глаголы, которые прибавляются к заимствованным словам и придают им настоящую даргинскую глагольную форму; с другой стороны имеется много основ, которые входят в сочетание с известной группой простых глаголов и образуют сложные глаголы. Таковы многие русские глагольные заимствования:

Организовать-барес «организовать», буквально: «организовать — сделать»; *качать-барес*, «качать», буквально: «качать — сделать».

организовать-биэс «организоваться», буквально: «организовать — сделаться».

отказ-изэс «отказаться» буквально «отказ — сделаться».

Такой прием глаголообразования встречается во многих языках (дагестанских, иранских, тюркских и др.).

В таких глаголах мы видим две основы. Одна из них — вторая, является собственно глаголом, который может принимать классные показатели, отрицательные префиксы и префиксы места. Первая же часть может быть именем, наречием или такой основой, которая не употребляется, как отдельное слово в речи; первая часть может быть как мы видели, также русским глаголом в форме инфинитива.

Примеры сложных основ, где первая часть — имя существительное:

пикри «дума, мысль» — *пикрибарес* «думать», *пикриухъес*, *пикриизэс* «подумать, задуматься», *пикрихлэс* «думать»; *ял* «терпение, выдержка» — *ялбуцес* или *ялбарес* «потерпеть, вытерпеть»; *кьас* «намерение» — *кьасбарес* «намереваться».

Примеры глаголов, где первая часть — основа, употребительная только с глаголом:

гьандуцес «терпеть»; *таманбарес* «закончить»; *халабарес* «увеличить»; *цлуббарес* «побелить».

Примеры глаголов, где первая часть — наречие:

дура «наружу» — *дурабитлэс* «вынуть»; *бухна* «внутри» — *бухнаасэс* «внести»; *гьала* «вперед» — *гьалабикэс* «опередить»; *гьела* «назад» — *гьелабикэс* «отстать» (даем здесь лишь основные значения).

Примеры сложных основ, где первая часть — глагол:

гьайиклэс «говорить» — *гьайиклэсвахлэс* «начать говорить»; *луклэсвахлэс* «начать писать»; *учлэскаэс* «начать читать».

Основы, которые в настоящее время не употребляются как отдельные слова, частью являются заимствованиями из других языков, как: *ахтарди* «проверил», *мисхиллади* «высмеивал»; (кумык.); *отказ, качать* (русс.) частью — словами, ранее употреблявшимися и отдельно. Со временем или само такое слово исчезло из языка, как *гьан* «терпение, воспоминание», или же устарела данная его форма, как *хала, биштла* (*халабаэс* «увеличиться»; *биштлабаэс* «уменьшиться»); *лех* (*лехлахъес* «слушать»).

Сливаться с простым глаголом и образовать сложный глагол имя может не только в именительном падеже, но и в других падежах:

Примеры такого слияния:

пикрихлэс «думать»; *гьайиклэс* «говорить»; *хлелибаклэс* «покрыться кровью» (букв. «кровью придти»); *дягльибяхъес* «проветриться» (букв.: «ветром побиться» — эргат.); *зелабарес* «посолить» (букв.: «соли сделать» — родит.); *сунес барес* «присвоить» (букв.: «себе сделать» — дат.).

Имя, слившееся с глаголом, исторически являлось подлежащим, прямым или косвенным дополнением простого глагола. При слиянии грамматического подлежащего с глаголом логическое подлежащее может ставиться в форме родит. или дат. падежа, а иногда в форме местн. падежа:

дила дукелцидухъун «мне смешно стало» (букв.: «мой смех вышел»);

итала урлелцидухъун «ему жалко стало» (букв.: «его жалость вышла»);

наб децл агиб «мне обидно стало» (буквально: «мне обида попалась»);

наб гьанбикиб «мне вспомнилось», т. е. «я вспомнил»;

набчи бугъярагиб «я простудился», (букв.: на меня попал холод).

Классный показатель в глаголах *дукелцидухъун*, *урклецидухъун* согласуется с именной частью *дукелци* «смех», *урклеци* «жалость».

При слиянии прямого объекта с глаголом, глагол становится часто непереходным, но подлежащее остается в эргативном падеже:

Нуни гьандуцира «я выдержал» (*гьан* «терпение»; отдельно не употребляется). Здесь глагол в лице согласуется с подлежащим *нуни* в эргативном падеже, а по классу — с именной частью глагола.

Иногда имя, как объект, сливается с глаголом, глагол остаётся однако переходным и принимает при себе другой объект в именительном падеже, с которым он и согласуется по классу:

пикрибарес «подумать» (букв.: «думу сделать»; глагол требует при себе прямого объекта, напр. *масъала* «вопрос»), *гъай отказбарес* «отказаться от слова» (букв.: «отказ сделать»); *мас талаббарес* «имущество потребовать» (букв.: «требование сделать»).

Таким образом в даргинском языке мы видим, как спрягаемый глагол может присоединять к себе поясняющие его слова (имена, наречия и т. д.), образуя сложные глаголы. С течением времени слово, входившее в состав глагола в отдельном употреблении может измениться или выйти из употребления как отдельное слово, но в составе глагола оно может сохранить свою форму. В языке таким образом образуются глагольные основы, которые не употребляются отдельно, как имена или наречия. В конце концов эти основы сливаются с глаголом так, что вне глагольной формы они не встречаются, тогда данный глагол как бы перестает быть глаголом, он по существу становится формативом, а именная часть при нем — корнем. И далее, сложный глагол опять может стать как бы простым, и в свою очередь может вступать в сочетание с пояснительными словами, опять может поглощать их и мы получаем таким образом все новые и новые сложные глаголы.

Глагол с префиксом с этой точки зрения — это тот же сложный глагол, первая часть которого — наречие. Все префиксы даргинского глагола в то же время, в том или ином диалекте употребляется и отдельно в значении наречий, или возводятся к таковым.

Из простых глаголов, игравших роль в таких сложениях первое место занимал глагол *эс* «сказать». Таковую же роль стали играть и другие глаголы: *барес* «сделать», *биэс* «стать, сделаться», и др., которые в отдельности почти не поддаются переводу.

Приведем примеры (давая здесь этим глаголам лишь самые общие значения):

барес «делать» — *икъалабарес* «помогать» *къайгъибарес* «постараться» (*къайгъи* «забота»); *цлакъбарес* «усилить» (*цлакъ* «сила»);

• *биэс* «делаться» — *ахлбиэс* «улучшиться»; *таманбиэс* «закончиться»;

биклес «говорить, делать» — *пикришклес* «думать»;

• *буэс* «держатъ» — *ахъбуэс* «поднять»; *гъашбуэс* «опустить»; *чебуэс* «наставить»; *гъеббуэс* «поддержатъ»;

бухъес «вывести, утратить, пройти» — *урклухъес* «испугаться»; *пикриухъес* «подумать»; *гъайухъес* «поговорить»;

буэс «остаться, разрушиться» — *букъбуэс* «испортиться», *чярхлбухъэс* «выплеснуться»;

бушес «сбросить» — *чебушес* «накинуть»; *убушес* «подостлать»; *чеббушес* «выбить»;

• *бизес* «встать» — *тагбизес* «стоять»; *хлакбизес* «оцепенеть, стоять в недоумении»; *халабизес* «показаться большим»; *ункъбизес* «показаться хорошим, понравиться»;

баглес «закрыть» — *чебаглес* «закупорить», *дадбаглес* «стоять растопырив ноги»;

бахлес «начать» — *изесбахлес* «заболеть» (произн. *идзес*);

ахъес «ставить» — *хъарахъес* «опереться»; *лехлахъес* «послушать»; *бахлахъес* «выставить»;

✓ *бикес* «падать» — *къайбикес* «перестать»; *хъарбикес* «стать зависимым»; *уббикес* «отстать»;

азс «сделаться» — *ташаэс* «остановиться».

Так как процесс образования сложных глаголов продолжается, то иногда трудно установить, имеем ли мы дело со словосочетанием, состоящим из простого глагола и поясняющего его слова, или со сложным глаголом, так как одно и то же имя или наречие, то употребляется как отдельное слово, то сливается с глаголом:

тап школала гъала кабикиб «мяч упал около школы» — *урчи гъалакабикиб* «конь опередил»;

нуни ахлЯ някъ буцира «я держал руку гостя» — *някъбуэс* «взяться за руку»;

хлева чеб батес «рубашку оставить» (на теле) — *хлева чебатес* «рубашку снять».

Отличить сложный глагол от сочетания глагола с поясняющим его словом для даргинца нетрудно. Для этого достаточно попробовать прибавить к глаголу перед корнем усилительный префикс *ка*. Если можно его прибавить, то глагол сложный.

Таким образом:

хлерэс «посмотреть» (букв.: «взгляд сделать») — *хлеркаэс*;

лехлахъес «послушать», (букв.: «ухо повесить») — *лехлахъэс*;

гъалабахъэс «предложить» — *гъалакабахъэс*; *гъалабикес* «опередить» — *гъалакабикес*; *къакълицилкес* «лечь на спину»

— *кэакличикайкес* (*гэала, кэакэличи* являются составными частями глагола, а не пояснительными словами к глаголам *бихэс* «положить», *бикес* «сделаться»).

Характерной особенностью основы даргинского глагола является и то, что ее можно отделить от окончания, вставляя после основы модальное слово или частицу. Сложная основа отличается тем, что она после вставленного слова не повторяется, а простая основа — повторяется.

вакIра вакIуб гэайра ухэун «пришел и поговорил».

В первом глаголе простая основа (*вакI*) повторяется, а во втором сложная основа (*гэай*) — не повторяется.

Глагольные префиксы.

Здесь мы должны говорить только о тех префиксах глагола, которые не являются классными показателями или отрицательными префиксами, т. е. о префиксах направления и места.

Перечислим префиксы даргинского глагола: *а, ка, кат, катхIел, катхIелбяхI, лаг, лагбяхI; са; сат, сатхIел, сатхIелбяхI; ар; бу; бе; бет, бетхIел, бетхIелбяхI; бат; лу, ля; че, чеб, чеди; чебяхI; у, уди, уб, убяхI; гва, гwab; гвала, гвалабяхI; гIе, гIеб, гIела, гIелабях, гIелам; гIер, гIергэи; дура; бухIна; урга, ургар; ургада; ахэ, гIаш; л, т, х, кI.*

Кроме того, эти префиксы употребляются в сочетаниях друг с другом.

Последние четыре названных префикса *л, т, кI, х* встречаются лишь в глаголе-связке и потому, строго говоря, префиксами не являются: *леб* «имеется», *теб* «имеется» (на том же уровне), *клеб* «имеется» (вверху), *хеб* «имеется» (внизу).

Эти же согласные звуки в указательных местоимениях выступают как суффиксы: *ил* «этот» (у второго лица), *ит* «тот» (на том же уровне), *их* «тот внизу», *икI* «тот вверху». Это обстоятельство дает нам возможность предполагать происхождение глагола со значением «имеется» от указательного местоимения с классным показателем, понимать его как бы форму местного падежа: *леб, илеб, илеби*. Можно предполагать два пути такого развития. Один из них — образование этого глагола от глагола *би* «имеется» (без точного указания места) и локализирующего его указательного местоимения. Второй возможный путь — образование этого глагола от указательного местоимения в местном падеже какого-либо глагола; затем форма *илеб (илаб)* «там, у второго лица» приобретает глагольное значение: «имеется (там)» и наконец начальный гласный выпадает, что дает форму *леб*.

Таково, по нашему предположению местоименное происхождение префиксов *л, т, кI, х* и глаголов-связок *леб, теб, клеб, хеб*. В губденском диалекте этих четырех префиксов нет;

в нем для всех значений «имеется» употребляется глагол *леб*. В акушинском и в других диалектах *леб* также употребляется для выражения понятия «имеется вообще» без локального оттенка.

В кайтагском диалекте этих префиксов, повидимому, не было и вместо даргинских *леб, теб, клеб, хеб* там существует один глагол *би* (*б* классный показатель, изменяемый в формах *ри, ди, ви*).

Даргинские префиксы по значению можно классифицировать следующим образом:

— Префиксы, выражающие направление или место действия относительно горизонта («вверх», «вниз»);

— префиксы, выражающие направление или место действия относительно горизонта и говорящего лица или другого предмета («сюда», «отсюда»);

— префиксы, выражающие направление или место действия относительно предмета («перед», «впереди», «назад», «позади», «над», «наверху», «под», «внизу», «внутри», «снаружи», «посередине»);

— префиксы, выражающие направление действия без отношения к горизонту или к предмету («вверх», «вниз»);

— префиксы, выражающие движение в оба конца («вверх-вниз», «туда-сюда»);

Многие из префиксов в настоящее время приобрели отвлеченные значения, подчас далекие от своих основных локальных значений.

Приведем здесь префиксы акушинского наречия, причем дадим основные переводы этих префиксов. Значения глаголов с префиксами мы будем указывать на все, приводя лишь одно более употребительное, основное значение:

а «вверх»: *абацлес* «влезть», *абатес* «посадить вверху», *абухэс* «стремиться вверх», *айзес (аизес)* «встать», *абитлес* «вынуть», *атес* «подсадить», *аклес* «родиться, появиться».

ка «вниз»: *кайэс (каизэс)* «сесть», *кацлес* «опуститься», *кабатес* «опустить вниз», *кабухэс* «стремиться вниз».

Префикс *ка* в ряде глаголов сохраняя свое локальное значение, приобретает еще значение усилительности. В состав любого сложного глагола или глагола с префиксом можно вставить префикс с усилительным значением: *таманбариб* «закончил» — *таманкабариб* «уже закончил»; *гвалабикиб* «опередил» — *гвалакабикиб* «уже опередил».

Производные от *ка* префиксы *кат, катхIел, катхIелбяхI* употребляются лишь с несколькими глаголами: *катухэс* «стремиться вниз», *катхIеликес* или *катхIелбыхIликес* «отправиться вниз».

лаг, лагбяхI «вверх»: *лагизес* «наткнуться», *лагикес* или *лагбыхIликес* «отправиться вверх», *лагухэс* «стремиться вверх».

са «сюда»: *сасес* «взять», *сабаэс* «дойти сюда», *сабухъес* «стремиться сюда», *сабатес* «высидеть» (цыпленка).

Производные от *са* префиксы *сат*, *сатхлел*, *сатхлелбяхл* встречаются лишь в двух-трех глаголах.

ар «отсюда»: *арбухес* «унести», *арбукъес* «уйти», *сархес* «выиграть».

бу, *бе*, *бет*, *бетхлел*, *бетхлелбяхл* (б кл. показатель) «туда»: *хес* «принести» — *бухес* «унести», *гес* «дать мне, тебе» — *бедес* (из: *бедгес*) «отдать, дать ему»; *бетухъес* «стремиться туда», *бетхлелбикес* «отправиться туда».

бат «от»: *батбухъес* «развязаться, освободиться», *батаэс* «отпустить» (ср. нареч. *батли* «свободно»).

лу, *ля* «сюда, ко мне, к тебе»: *гес* «дать мне, тебе» — *лу-гес* «давать мне, тебе», *лявкъяс* «приду сюда, к тебе».

че «на»: *чебихъес* «наложить», *чебатес* «добавить», *чебуцес* «наставить», *чебиэс* «надеть».

че «сверху»: *чеббердес* «снять», *чеббелклес* «переписать», *чеббатес* «скинуть».

чеди «над»: *чедибикес* «победить», *чедиартлес* «покрыть глазурию» (посуду), *чедибухъес* «переправиться».

челяхл «наверх»: *челяхлбухъес* «влезть на верх», *челяхлбикес* «дойти до верху».

у «под» (цудах. *гу*): *убихъес* «подложить», *убуцес* «подставить», *убиэс*, «устроить засаду», *убикес* «осесть».

уди «под»: *удибикес* «подпасть», *удиакъес* «подсыпать»;

уб «под»: *уббушес* «выбить» (из под чего-либо), *уббатес* «оставить», *уббухъес* «освободиться».

убяхл «вниз»: *убяхлбухъес* «опуститься», *убяхлбикес* «упасть».

гва «перед»: *гвабихъес* «заслонить, предложить», *гвабуцес* «потянуть», *гвабухъес* «податься вперед».

гваб «спереди, впереди»: *гваббердес* «прорвать», *гваббикес* «прорваться», *гваббухъес* «убежать», *гваббаклес* «зайти, показаться».

гвала «вперед»: *гвалабикес* «опередить», *гвалаэс* «заградить», *гвалабаклес* «заделать».

гвалабяхл «вперед»: *гвалабяхлбиэс* «наладиться».

гле «назад»: *глебяхъес* «накинуть», *глеклес* «закрыть, засунуть».

глеб «сзади»: *глеббердес* «искоренить», *глеббуцес* «поддерживать», *глеббаэс* «догнать».

глепа «назад»: *глепабикес* «отстать», *глепабяхъес* «сэкономить».

глепабяхл «назад»: *глепабяхлбиэс* «податься назад».

глепам «назад»: *глепамбиэс* или *глепабяхлбиэс* «разла- диться».

глер «сзади»: *глердарес* «подражать».

глергъи «после, сзади»: *глергъишхъес* «следовать, побежать следом» (пишется *эргъи*).

дура «наружу»: *дурабухъес* «выйти», *дураэс* «выпустить», *дурасес* (*дураасес*) «вынуть».

бухлна «внутри»: *бухлнабухъес* «войти», *бухлнабикес* «ворваться», *бухлнаэс* (*бухлнааэс*) «посадить, загнать».

урга «в середине»: *ургабикес* «попасть в середину»;

ургабухъес «перебить».

ургар «из середины»: *ургарухъес* «освободиться, найти время, удосужиться».

ахъ «верх» (акуш. *глахъ*) *ахъбуцес* «поднять», *ахъбиэс* «подняться».

гляш «вниз»: *гляшбуцес* «опустить», *гляшбиэс* «понизиться, опуститься».

Префиксы по своему составу бывают простые и производные. Последние состоят из двух простых префиксов или из префикса места и классного показателя. Второй префикс может быть повторением первого или противоположным первому по значению. Классный показатель большей частью стоит в конце префикса, а иногда в начале: *чегъес* «сдать» (*че* — простой префикс); *чеббатес* «снять» (одежду) (*чеб* — префикс с кл. показателем в конце); *бетухъес* «стремиться туда» (*бет* — префикс с кл. показателем в начале); *чеб-чеббухъес* «перелиться через край» (повторение префикса *чеб*); *уди-чедибиэс* «вернуться вверх дном»; *бет-садбулхъес* «туда-сюда ходить»; *урчегбикес* «собраться»; *ита-ишабикес* «пропасть» (букв.: туда-сюда уйти).

Повторение одного и того же префикса дает то же значение, но с оттенком ослабления или усиления. В акушинском диалекте повторяются лишь те префиксы, которые имеют некоторую самостоятельность.

Префикс в составе глагола занимает то же место по отношению к корню, что и именная часть в сложных глаголах, т. е. он стоит перед отрицанием.

Характерной особенностью даргинских префиксов является то, что любой из них можно отделить от глагола, вставив ту или иную частицу или модальное слово между префиксом и глаголом (если только данный глагол без префикса вообще употребляется). И эта особенность сближает префигированный глагол со сложным глаголом, именную часть которого также всегда можно отделить от простого глагола.

Примеры: *бухес* «понести», *арбухес* «унести» — *ар чина бухеса!* «какое там унес!» (буквально: куда унес!; *ар* — префикс, *чина* «куда», частица *а* в конце слова *бухеса* — вопросительная частица); *асиб* «купил» — *а чина абеса!* «какое там купил!» (т. е. не купил; префикс *а* здесь повторяется, так как данный глагол без префикса не существует); *чесаиб* «взял на себя, обязался», *чера асиб*, *таманра бариб* «и обязался и

исполнил» (*че* — префикс, *ра* — союзная частица; *таман* — именная часть сложного глагола *таманбариб* «исполнил»).

Как именная часть даргинского глагола, так и большинство префиксов, а именно, те из них, которые в данном диалекте, в таком же виде употребляются и как отдельные слова, в поэзии могут стоять и после глагола: *бухъун гъала*, т. е. *гъалабухъун* «опередил», *бикиб чеди*, т. е. *чедибикиб* «победил».

Эти свойства даргинских префиксов, общие с именными частями глагольного спряжения показывают, что даргинские префиксы еще не окончательно слились с глаголом. Глагол с префиксом — это исторически сложный глагол, первая часть которого когда-то была отдельным наречием. Префиксация сейчас должна рассматриваться как часть продолжающегося процесса слияния пояснительных слов с глаголом. Поэтому можно сказать, что префиксация является в языке категорией развивающейся. Незначительная сравнительно роль префиксов в акушинском диалекте объясняется некоторым недоразвитием его в этой области, в противоположность урахинскому и цудахарскому диалектам.

Инфиксы видовых форм даргинского глагола *р* и *л*, которые теперь нам кажутся вставленными внутрь корня, были конечными звуками прежних префиксов. Потом начало префиксов (*би*, *ба* и др.) окаменело, они перестали изменяться, а звуки *р* и *л* сохранились в середине нового корня как формативы, образующие виды глагола: *бацес* — *балцес* «вспахать — вспахивать», *батес* — *балтес* «оставить — оставлять», *бицес* — *бирцес* «наполнить — наполнять», *бицес* — *бирцес* «продать — продавать».

Согласование глагола по классу и по лицу.

Даргинский глагол в составе предложения по классу всегда согласуется с тем именем, которое в предложении стоит в именительном падеже, причем при переходном глаголе это имя будет объектом, а при непереходном — субъектом:

нуни кагъар белкунра «я написал письмо»

нуни кагъурти делкунра «я написал письма»

Патимат раклиб «Патимат пришла»

хленкъ баклиб «стадо пришло»

Что касается связи при деепричастии или причастии в описательных формах переходного глагола, то она может согласоваться по классу или с именительным падежом (объектом), или с эргативным падежом (субъектом).

В урахинском диалекте чаще встречается согласование связи с объектом.

Примеры:

Колхозникунани пергерти гъунарти сархули сари «колхозники добиваются блестящих успехов (*сари* здесь согласовано

с объектом *гъунарти* «подвиги, успехи»; *сархули* — деепричастие от глагола *сархес* «выиграть»).

Лебилра артишкьянабала 90 процентли хИянчила нормаби тамандирули саби «90 процентов жнецов выполняют свои нормы» (*саби* согласовано с эргативным падежом, т. е. с субъектом — *процентли*; *тамандирули* — деепричастие от *тамандирес* «выполнить, закончить»). Из обл. газеты «Колхозное знамя»; 10 августа 1947 года.

хЛуни кагъар луклули виадли, нуни пиж билкъас «если ты пишешь письмо, то я затоплю печку» (*виадли* согласовано по классу с *хЛуни*).

С согласованием по лицам дело обстоит иначе. Здесь переходный глагол, при условии, что объектом является 3-ье лицо, а субъектом 1-ое или 2-ое лицо, всегда согласуется с 1-м или со 2-м лицом, стоящим в форме именительного падежа, эргативного или дательного. Если же 1-ое и 2-е лицо при глаголе стоит одно в именительном, а другое — в эргативном или дательном падеже, то глагол по лицу согласуется с именем в именительном падеже.

нуни ит валас «я его знаю» (*валас* по лицу согласовано с эргативным падежом *нуни*).

хЛуни ит валад «ты его знаешь» (*валад* согласовано с *хЛуни*)

итини ну валара «он меня знает» (*валара* согласовано с *ну*, т. е. с имен. падежом).

итини хЛу валари «он тебя знает» (*валари* согласовано с *хЛу*, т. е. с именительным падежом),

нуни хЛу валари «я тебя знаю» (согласовано с *хЛу*, т. е. с имен. падежом).

хЛуни ну валара «ты меня знаешь» (согласовано с *ну*)

наб хЛу дигулри «я тебя люблю» (согласовано с *хЛу*)

хлед ну дигулра «ты меня любишь» (согласовано с *ну*, т. е. с имен. падежом).

наб ит дигулра «я его люблю» (согласовано с *наб*, т. е. с дат. падежом).

итис ну дигулра «он меня любит» (согласовано с *ну*, т. е. с имен. падежом).

Точно также глагол согласуется и во множественном числе.

В учебных грамматиках даргинского языка принято было считать объект (прямое дополнение) второстепенным членом предложения, поясняющим глагол-сказуемое. Но если судить по согласованию глагола с объектом по классу всегда, а по лицу частично, то мы должны признать, что прямой объект при переходном глаголе в даргинском предложении не является подчиненным членом предложения, а наоборот подчиняющим.

Иным является положение субъекта в даргинском предложении. С одной стороны, глагол согласуется с ним лишь по

классу и частично по лицу, с другой стороны, глагол управляет субъектом: в зависимости от залога, переходности или непереходности глагола субъект ставится то в именительном, то в эргативном, то в дательном падеже.

Таким образом субъект и глагол-сказуемое в даргинском предложении взаимно подчинены друг другу. Субъект требует, чтобы глагол был поставлен в том или ином классе, в том или ином лице, а глагол в свою очередь требует, чтобы субъект был поставлен в том или ином падеже. Глагол управляет субъектом и в то же время согласуется с ним. Объект же не обнаруживает никаких свойств подчиненного слова; он всегда стоит в именительном падеже, требует постановки глагола в том или ином классе, в том или ином лице.

Итак, объект в даргинском предложении является таким же главным членом предложения, как и субъект.

Глаголы утверждения и отрицания.

В даргинском языке имеются две пары противоположных по значению глаголов, служащих для выражения утверждения и отрицания: *саби* «есть» и *ахлен* «не есть», *леб* «имеется» и *агара* (усилительная форма *бугагара* с начальным классн. показ.) «не имеется, отсутствует». Первая пара глаголов: *сай* — *ахлен* является связками при именном и наречном сказуемом и без них в отдельности не может выступать в роли сказуемого. Вторая же пара: *леб* — *агара* самостоятельно может служить сказуемым.

Эти четыре глагола в своей основной форме выражают настоящее время и изменяются по лицам:

- ну адам сайра* «я человек»
- хлу адам ахленри* «ты не человек»
- ит адам сай* «он человек»
- ну левра* «я присутствую, нахожусь» (здесь)
- хлу леври* «ты присутствуешь, находишься» (здесь)
- ит лев* «он присутствует, находится» (здесь)
- ну агус* «я отсутствую, меня нет».
- нуша агехле* «мы отсутствуем, нас нет».
- хлу агуд* «ты отсутствуешь, тебя нет».
- хлуша агудая* «вы отсутствуете, вас нет».
- ит агара* «он отсутствует, его нет».
- итти агара* «они отсутствуют, их нет».

Для выражения прошедшего времени к глаголам *сай*, *ахлен*, *леб* прибавляется суффикс *ри* (мн. 2-ое лицо *рая*)

- ну адам сайри* «я был человек»
- хлу адам сайри* «ты был человек»
- итра леври* «он тоже присутствовал»

Что касается глагола *агара*, то он изменяется по временам наподобие правильного глагола несовершенного вида:

- ну агаси* «я отсутствовал, меня не было»
- нуша агехлери* «мы отсутствовали, нас не было»
- хлу агади* «ты отсутствовал, тебя не было».
- хлуша агадари* «вы отсутствовали, вас не было»
- ит аги* «он отсутствовал, его не было»
- итти аги* «они отсутствовали, их не было».

Будущего времени эти глаголы не имеют; будущее их образуется от других глаголов: *биэс* «иметься, находиться»; *бетаэс* «становиться» (отрицательные формы *хлэбиэс*, *бет-хлээс*).

Утвердительные глаголы *сай* и *леб* изменяются по классам: *сай*, *саби*, *сари*; *лев*, *леб*, *лер*. Отрицательные глаголы *ахлен* и *агара* по классам не изменяются.

Отглагольные имена и наречия образуются от формы настоящего времени: *сайни*, *сабли*; *ахлени*, *ахли*; *лебни*, *лебли*.

Глагол *агара* отличается от других глаголов тем, что он имеет форму настоящего времени, не похожую на форму других глаголов, и тем, что он имеет для 1 и 2 лица форму будущего времени в значении настоящего и общего времени.

В системе глагола имеются отрицательные частицы или префиксы отрицания: *хле* (*хля*), *ма* (*мя*, *ме*), в которых гласные чередуются в зависимости от гласного корня.

ма (*мя*, *ме*) употребляются только при желательном-повелительных формах, при остальных формах употребляется *хле* (*хля*).

Примеры:

- мабирид* «не делай»,
- мякьяд* «не приходи»,
- вебкмебкляб* «пусть не умрет»,
- хлякьян* «не придет».

Акушинскому отрицательному префиксу *хле* (*хля*) в урахинском соответствует *ахл*. Это показывает, что глагол *ахлен* и префикс *ахл*, а следовательно и *хле* (*хля*) имеют одно происхождение.

Глагол *ахлен* в кубачинском диалекте отсутствует, его заменяет *сай* с отрицанием *а*.

Диалектные разновидности отрицания: *хла* (муиринский диалект), *гля* (пудахарский), *е* (гингинский), *а* (кубачинский, кайтагский и некоторые другие диалекты).

Глаголы-связки.

В даргинском языке сказуемое главного предложения может быть выражено или глаголом в личной форме или связкой, или заменяющей связку частицей. Сказуемое, выраженное неличной формой глагола или выраженное другой частью речи должно быть связано с подлежащим при помощи связки.

Связка *сай* часто опускается и заменяется окончанием, выражающим время и лицо. Говорят:

ну лявкьбули сайра «я иду» и *ну лявкьбулра*;
хлу лявкьбули сайри «ты идешь» и *хлу лявкьбулри*;
ну адам сайра «я человек (есмь)» и *ну адамра*;
хлу адам сайри «ты человек (еси)» и *хлу адамри*;
ну ахлси сайра «я хорош (есмь)» и *ну ахлсира*;

При подлежащем в 3-м лице связка настоящего времени *сай* не опускается.

Окончание *ри* выражает и 2-е лицо наст. времени и прошедшее время всех трех лиц. Поэтому в прошедшем времени при именном и наречном сказуемом лицо не выражается; окончание *ри* указывает на любое из трех лиц:

ну аркьбулри «я шел» (*аркьбули сайри*)
хлу аркьбулри «ты шел»
ит аркьбулри «он шел»
ну адамри «я был человек»
хлу адамри «ты был человек»
ит адамри «он был человек»

Полная форма связки: *сай*, *сайри*, *сайра* — исторически, повидимому, предшествовала сокращенным формам *ра*, *ри*. Таким образом, глагольное значение именно связано с элементом *сай* и лишь заимствовано от него частицами *ра*, *ри*. Поэтому в 3-м лице *сай* одно служит связкой.

ит адам сай «он человек»
ит лявкьбули сай «он идет».

Связка *сай* изменяется по классам: *сай* (муж.), *саби*, *сар*; вместо этих форм встречаются и их сокращения: *саб*, *сар*.

Связку *сай*, как выражение сказуемости заменяют не только окончания *ра*, *ри*, ее может заменить и ряд других частиц: вопросительные, союзноусилительные: *гу*, *ну*, *кьалли*:

ит чи сай? Хлясану? «Кто он? Гасан?» (вопрос. частицы *а*, *у*)

ит аadamу? «Он человек?»
ит лявкьбулив? «Он идет?» (вопр. частица *в*)
ил далайгу «ведь это — песня» (*гу* «ведь»)
хларая, либквалину: «смотрите, идет»: (*ну*; *урах*)
иш карандаш кьалли «это же карандаш» (*кьалли*)
Вообще связка часто опускается в восклицаниях
хлера, бец! лявкьбули! «смотри волк идет!»

Если бы мы считали *ра*, *ри*, глаголами, то нам пришлось бы считать глаголами и все частицы, играющие в том или ином типе предложения роль связки. Элементы — *ра*, *ри* являются просто окончаниями, выражающими одновременно сказуемость (вместе со связкой *сай* и без нее), время и лицо.

Мы говорили, что при именном и наречном сказуемом в прошедшем времени *ри* лица не выражает. Иначе обстоит дело при глагольном сказуемом; элементы *ра*, *ри* в его соста-

ве играют не роль связки, а роль личных окончаний, как в настоящем времени:

ну ваклира «я пришел»
хлу ваклири «ты пришел»
хлуша даклирая «вы пришли»

В акушиноурахинской группе диалектов эти элементы по лицам различны лишь в настоящем и прошедшем времени. В будущем времени в отдельных диалектах этой группы факкультативно, а в других обязательно, к окончаниям 1-го и 2-го лица прибавляется *ра*:

ну ливкьясра «я приду» (*урах*)
хлу ливкьядра «ты придешь»
гьит ливкьян «он придет».

В цудахарском диалекте во всех трех лицах будущего времени появляются окончания *ра* (для 3-го лица), *да* (из *ра*; для 1-го лица) и *де* (из *ри*; для 2-го лица):

ду левглад(да) «я приду»
глу левглад(де) «ты придешь»
ит левглад(ра) «он придет».

Таким образом, элементы *ра*, *ри* по традиции появляются и там, где в них уже нет надобности. Если в глаголе прошедшего времени они выражают 1 и 2 лица, то в глаголе будущего времени лица выражены и без них.

Переходность и непереходность глагола.

В даргинском языке различаются глаголы переходные, непереходные и переходно-непереходные. По форме переходный глагол от непереходного в акушинском диалекте отличается только в будущем категорическом времени и в повелительном наклонении. В остальных временах и наклонениях переходный и непереходный глаголы по своей морфологической форме одинаковы.

Переходный глагол от непереходного в форме будущего категорического времени отличается, с одной стороны, субъектно-объектным спряжением, с другой стороны, переходный глагол в 3-м лице всегда имеет гласный исход: *а* (*я*), *е* или *у*; а непереходный — согласный исход: *ан* (*ян*), *ен*, *ар* или *ур*. Что касается 1-го и 2-го лица, то показателями переходности или непереходности глагола здесь служат гласные *а*, *и*, *у*, которые стоят перед показателями лица *с*, *д* и чередуются в зависимости от переходности (*а* или *и*) и непереходности (*у* и в редких случаях *а*) глагола.

Что касается повелительного наклонения, то здесь форма глагола зависит не только от его переходности или непереходности, но и от вида глагола: глаголы несовершенного вида, здесь образуют все одинаковую форму, независимо от их переходности или непереходности. Такую же форму обра-

зуют глаголы, прошедшее категорическое время которых оканчивается на *ун* или *ур*. Форма повелительного наклонения, оканчивающаяся на гласный образуется лишь от глаголов совершенного неопределенного вида, прошедшее категорическое время которых оканчивается на *иб* или *уб*.

Ниже мы даем спряжение нескольких глаголов по всем трем лицам в будущем категорическом времени и повелительные наклонения этих же глаголов.

Переходный глагол, оканчивающийся на гласный а в 3-м лице буд. катег.

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
(в лице согласуется с субъектом)			
Един. число	<i>белхъас</i>	<i>белхъад</i>	<i>белхъа</i>
Множ. число	<i>белхъехе</i>	<i>белхъада(я)</i>	<i>белхъа</i>

(в лице согласуется с объектом)

Един. число	<i>белхъара</i>	<i>белхъари</i>	<i>белхъа</i>
Множ. число	<i>белхъара</i>	<i>белхъарая</i>	<i>белхъа</i>
" "	<i>делхъара</i>	<i>делхъарая</i>	<i>делхъа (белхъа)</i>

Переходный глагол, оканчивающийся на гласный у в 3-м лице буд. катег.

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
(в лице согласуется с субъектом)			
Един. число	<i>кайсис</i>	<i>кайсид</i>	<i>кайсу</i>
Множ. число	<i>кайсехе</i>	<i>кайсидая</i>	<i>кайсу</i>

(в лице согласуется с объектом)

Един. число	<i>кайсури</i>	<i>кайсура</i>	<i>кайсу</i>
Множ. число	<i>кайсура</i>	<i>кайсурая</i>	<i>кайсу</i>

Непереходный глагол, оканчивающийся на ан в 3-м лице буд. катег.

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Един. число	<i>булкIус</i>	<i>булкIуд</i>	<i>булкIан</i>
Множ. число	<i>дулкIехе</i>	<i>дулкIудая</i>	<i>булкIан (дулкIан)</i>

Непереходный глагол, оканчивающийся на ар в 3-м лице буд. катег.

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Един. число	<i>усус</i>	<i>усус</i>	<i>усар</i>
Множ. число	<i>дусехе</i>	<i>дусудая</i>	<i>бусар (дусар)</i>

Непереходный глагол, оканчивающийся на ур в 3-м лице буд. катег.

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Един. число	<i>иршус</i>	<i>иршуд</i>	<i>иршур</i>
Множ. число	<i>иршехе</i>	<i>иршудая</i>	<i>иршур</i>

Последний пример — один из случаев употребления переходного глагола, в качестве непереходного, что часто встречается в даргинском языке.

Повелительное наклонение.

	СОВЕРШ.		НЕСОВЕРШ.	
	Един. число	Множ. число	Един. число	Множ. число
Перех.	<i>белхъа</i> «разрушай»	<i>белхъая</i>	<i>белхъен</i>	<i>белхъеная</i>
	<i>каса</i> «возьми»	<i>касяя</i>	<i>кайсен</i>	<i>кайсеная</i>
	<i>бирша</i> «пожни»	<i>биршая</i>	<i>иршен</i>	<i>иршеная</i>
Непер.	<i>белхъи</i> «разрушись»	<i>делхъирая</i>	<i>белхъен</i>	<i>делхъеная</i>
	<i>балкIан</i> «скривись»	<i>далкIеная</i>	<i>булкIеная</i>	<i>дулкIеная</i>
	<i>усаэн</i> «засни»	<i>дусаэнная</i>	<i>усен</i> «спи»	<i>дусенная</i>
			<i>иршен</i> «жни»	<i>иршеная</i>

Глагол *бахъес* переходно-непереходный; совершенный вид глагола *иршес* «жать» переходный, а несовершенный — переходно-непереходный.

Переходный глагол требует субъекта в эргативном (или реже в дательном) падеже; объект стоит в именит. и (редко) в родит. падеже. Субъект непереходного глагола, как правило, стоит в именит. падеже, но при сложных непереходных глаголах иногда субъект стоит в эргативе:

нуни гъайбарра «я, отправился»
хIуни ахIил гъандуцири «ты хорошо выдержал, вытерпел».

Одни глаголы всегда употребляются как непереходные, другие употребляются и как переходные, и как непереходные.

Непереходные.

ацлес «войти»
усес «спать»
висес «плакать»
улхъес «танцовать».

Переходно-непереходные.

буцес «держат, держаться»
бицлес «наполнить, наполниться»
бахъес «разрушить, разрушиться».

Будущее категорическое таких переходно-непереходных глаголов имеет две формы личных окончаний:

бурцу «удержит» (переходн. значение)
бирцу «наполнит»
белхъа «разрушит»
бурцар «удержится» (непереходн. значение)
бирцур «наполнится»
белхъан «разрушится»

Из любого переходного глагола в даргинском языке можно образовать непереходный глагол, образовав от него формы несовершенного вида. Несовершенный вид от переходного глагола имеет значение или непереходного, или переходно-непереходного:

асес «купить» — *исес* (переходно-непереходный);
бердес «сорвать» — *удес* «срывать» (переходно-непереходный);

беркес «съесть, покушать» — *укес* «кушать» (непереходный)

бержес «выпить» — *ужес* «пить, напиться» (непереходный)

белцлес «почитать» — *бучлес* «читать» (переходный, но в значении: *учлес* «читать, учиться» — непереходный).

Если глагол может быть переходным и непереходным, то субъектом глагола соответственно может быть как эргативный падеж, так и именит. падеж:

Шара шинни бицлиб «озеро наполнилось водой» (*шара* «озеро» — подлежащее, *шинни* «водой» — косвенное дополнение), или: «вода наполнила озеро» (*шинни* — подлежащее, *шара* — прямое дополнение).

Даргинский язык допускает две различных эргативных конструкции, одинаковых по своему значению: 1) конструкцию, где эргатив выражает подлежащее (субъект) действия переходного глагола при объекте в именительном падеже; и 2) конструкцию, где эргативный падеж выражает объект (косвенное дополнение) непереходного глагола при подлежащем (субъекте) в именительном падеже — конструкция, обратная предыдущей.

Русскую фразу «я режу мясо» на даргинский язык свободно можно перевести в двух вариантах: *нуни дигъ кьисбирулла*, и: *ну дигъли кьискиулла*. В первом предложении глагол *кьисбирулла* — переходный и по классу согласуется с прямым объектом *дигъ* «мясо», во втором предложении глагол *кьискиулла* непереходный и согласуется по классу с подлежащим (субъектом) в именит. падеже: *ну*. (Женщина скажет: *кьискиулла*, многие «мы» *кьискиулла*).

Употребление переходного глагола в непереходной длительной форме в виде указанной здесь конструкции для даргинского языка обыкновенное явление. *Нуни кьацли беркунра* «я съел хлеб» — можно выразить так: *ну кьацли укунра* «я наелся хлеба (хлебом)».

Нуни шин держира «я выпил воду»
ну шинни ужира «я напился водой» (т. е. напился воды)
нуни газета бучулла «я читаю газету»
ну газетали учулла «я нахожусь в процессе чтения газеты».

Переходный глагол даргинского языка, употребляемый непереходно, напоминает иногда возвратный или страдательный глагол русского языка:

нуни табтар бучулла «я читаю книгу»
ну табталли учулла «я занят чтением книги»;
нуни шин держира «я выпил воду»
ну шинни ужира «я напился воды»
нуни урчи чебиулла «я вижу лошадь»
урчи чебиур «лошадь видна»
нуни вявла бикьулра «я крик слышу»
вявла бикьур «крик слышится»
наб шигъуна секлал гьанбиркулра «я такую вещь думаю»
наб шигъуна секлал гьанбиркур «мне такая вещь думается».

Когда мы говорим: *бадира бицлиб* «ведро наполнилось», подлежащим нужно считать *бадира* «ведро», когда же говорим: *Алини бадира бицлиб* «Али наполнил ведро» подлежащим нужно считать Али. Когда говорим *шара шинни бицлиб* «озеро наполнилось водой» подлежащим может быть *шара* «озеро» и тогда глагол будет в возвратном значении; подлежащим можно здесь считать и *шинни* «водой», тогда глагол будет действительным.

Когда же возвратный даргинский глагол по своей форме отличен от действительного, тогда двойной грамматический разбор невозможен:

шара шинни бирцур (возвр.) «озеро наполнится водой» (*шара* — подлежащее);
шара шинни бирцу (действ.) «вода наполнит озеро» (*шинни* подлежащее).

В таких фразах как:
дила урши дьвтазив кавшиб «мой сын на войне убит»,
кагъар белкIи саби «письмо написано», — подлежащим нужно считать *урши* «сын» и *кагъар* «письмо».

От любого даргинского глагола можно образовать каузатив, или принудительную форму, — разновидность переходного глагола.

Али усаун «Али заснул» — *нуни Али усаухъунра* «я Али усыпил» (убаюкал).

Алини кагъар белкIун «Али написал письмо» — *нуни Алини кагъар белкIахъунра* «я заставил Али написать письмо».

При каузативе от непереходного глагола субъект остается в том же именительном падеже, но ставится грамматическим объектом.

При каузативе от переходного глагола непосредственный деятель выражается формой направительного падежа с окончанием *зи*.

Субъект выражающий лицо, понуждающее к действию, при каузативе выражается эргативным падежом.

Наклонения и времена.

Даргинский глагол имеет следующие наклонения: желательное, желательно-повелительное, повелительное, изъявительное, вопросительное, следственное, сослагательное и три условных.

Все эти наклонения имеют положительные и отрицательные (запретительные) формы. Изъявительное, следственное и все три условных наклонения имеют различные временные формы. Вопросительное наклонение, которое выражает вопросительную форму сказуемого, может быть рассматриваемо как разновидность любого из остальных наклонений, могущих выступать в роли сказуемого.

Об инфинитиве мы выше говорили; нам остается здесь говорить о других наклонениях.

Желательное наклонение.

Всякая основа даргинского глагола, взятая в отдельности без добавления каких-либо формативов дает желательное наклонение, выражающее желание или заклинание:

вакI «чтобы пришел!»

алх «чтобы умер!»

ургъ «чтобы жил! чтобы здоровствовал!»

Услар это наклонение называл повелительно-желательным, а Жирков — повелительной формой. Однако, это наклонение не выражает никакого повеления, оно выражает только желание.

Услар приводил пример урахинской фразы: *хIу хвийтагъ!* переведенный им так: «превратись в собаку»; это не точно. Точный перевод этой фразы будет: «чтобы ты превратился в собаку!». Как в русском так и в даргинском языке повелительное наклонение вообще можно употреблять в значении желания: *ургъи*: «будь здоров!» *вебкIи* «умри!» Что же касается употребления желательного наклонения в значении повеления, приказа, то в даргинском такого употребления не встречается; нельзя сказать *белкI* в значении *белкIен* «напиши».

Желательное наклонение даргинского языка, как мы видим, отличается от других наклонений отсутствием какого бы то ни было морфологического оформления. Оно является основой (основной формой) даргинского глагола, от которой образуются во всех остальных наклонениях все спрягаемые и неспрягаемые формы глагола.

Желательное наклонение по лицам не изменяется, но по числам изменяется и может склоняться как имя, сохраняя значение желательного наклонения:

сай алх! «чтобы он умер!»

сай жьвли вебкI! «чтобы он поскорее умер!»

саби алхари! «чтобы они умерли!»

Показатель множественности *ари, яри, ери* в других глагольных формах не встречается, но встречается в именах.

Желательная форма встречается сравнительно редко в речи, хотя Жирков ошибочно считал в «Грамматике даргинского языка» (1926 года), что она самая употребительная повелительная форма. Главным образом эта форма встречается в проклятиях и восклицаниях. По своему значению это наклонение аналогично подобной форме кумыкского языка: *гелгир* «чтобы пришел», *къалгъир* «чтобы остался».

Желательно-повелительное наклонение.

От желательного наклонения образуется желательно-повелительное наклонение. Услар называл его будущим допускаемым; Жирков — будущим II; нам кажется, что правильнее его назвать так, как мы здесь предлагаем. В отличие от желательного наклонения, формы желательно-повелительного наклонения изменяются по лицам.

НЕПЕРЕХОДН. ГЛАГОЛ.

	Ед.	Множ.
1 л. Соверш.	<i>вакIас</i> «чтобы я пришел»	<i>дакIехIе</i>
Несов.	<i>вашас</i> «чтобы мы ходили»	<i>дашехе</i>
2 л. Соверш.	<i>вакIаби</i>	<i>дакIаба</i>
Несов.	<i>вашаби</i>	<i>дашаба</i>
3 л. Соверш.	<i>вакIаб</i>	<i>бакIаб</i>
Несов.	<i>вашаб</i>	<i>башаб</i>

ПЕРЕХОДН. ГЛАГОЛ.

Ед.		Множ.
1 л. Соверш.	<i>бацас</i> «чтобы я вспахал»	<i>бацехле</i>
	Несов. <i>балцас</i> «чтобы я пахал»	<i>балцехле</i>
2 л. Соверш.	<i>бацаби</i>	<i>бацабая</i>
	Несов. <i>балцаби</i>	<i>балцабая</i>
3 л. Соверш.	<i>бацаб</i>	<i>бацаб</i>
	Несов. <i>балцаб</i>	<i>балцаб</i>

Форма на *аба* для 1 лица ед. и мн. числа употребляется в отдельных диалектах, хотя ее нет ни в акушинском, ни в урахинском. В этих диалектах 1-е лицо оканчивается иначе и изменяется по числам: *ну ваклас* «чтобы я пришел» (акуш.) *нуша дакলেখе* «чтобы мы пришли».

Для 2-го лица ед. числа тоже имеется другая диалектная форма на *ад*: *хлу ваклад* «чтобы ты пришел» (ср. условн. *вакладли*).

Форма желательного-повелительного наклонения часто встречается между прочим в выражениях поздравлений и благопожеланий:

хулкхули ша вааби! «чтобы ты достиг своего селения веселый!» (говорится уезжающему или находящемуся где-то далеко от родины); *вебкласли, вебклас* «если умру, то пусть умру» (в ответ тому, который говорит «ты умрешь»).

Эта форма употребляется и для выражения предположения: *ит ваклаб ну ваклас — декларси ахлен* «он ли придет, или я — безразлично»; *ит ваклаб, хлу ваклад — се деклардеша?* «какая разница, он ли придет, или ты?».

Множественное число 1-го лица этой формы в урахинском диалекте употребляется в значении так называемой следственной формы. Урахинцы говорят: *ну ваклишав?* я приду ли? (т. е. мне можно или нужно придти?). Но: *нуша даклахлав* «мы идем ли?» (вместо *нуша даклишав?*).

Таким образом, форма желательного-повелительного наклонения имеет несколько значений, близких к значению будущего времени с тем или иным оттенком.

Повелительное наклонение.

К желательного-повелительному наклонению по своему значению близко стоит повелительное наклонение, которое образуется непосредственно от желательного наклонения (от основы) путем прибавления особых окончаний: *а, а (я); и, ира (я); ен, ена (я); аба (я)*.

бара «сделай», *бара (я)* «сделайте».

багы «узнай», *багыра (я)* «узнайте»

бирен «делай», *бирена (я)* «делайте»

укян «иди», *дукьяна (я)* «идите»

Ну хлуни велклаба «меня ты запиши», *ну хлушани велклаба (я)* «меня вы запишите».

Повелительное наклонение глаголов несовершенного вида всегда оканчивается на *ен (ян)*: *луклен* «пиши», *бален* «знай», *учлен* «учись» и т. д.

На *ен (ян)* оканчивается также повелительное от глаголов у которых прошедшее категорическое в 3-м лице кончается на *ун*: *белкун* «написал» — *белклен* «напиши», *белчун* «прочитал» — *белчлен* «прочитай», *бацун* «вспахал» — *бацен* «вспаши».

На *а (я, е)* оканчивается повелительное от таких переходных глаголов, у которых прошедшее категорическое в 3-м лице оканчивается на *иб*:

касиб «взял» — *каса* «возьми»

бариб «сделал» — *бара* «сделай»

буриб «сказал» — *бура* «скажи»

На *и* оканчивается повелительная форма от всех других глаголов:

багыур «узнал» — *багы* (прош. на *ур*)

аклуб «родился» — *акли* (прош. на *уб*)

ваклиб «пришел» — *вакли*.

Что касается форм повелительного наклонения на *аба, абая*, то они, служат для выражения приказа воздействия на самого приказывающего (ср. форму жел. повел. наклонения на *аба*).

ну хлуни велклаба «меня ты запиши»;

нуша хлуни делклаба «нас ты запиши»;

ну хлушани велклабая «меня вы запишите»;

нуша хлушани делклабая «нас вы запишите».

Повелительное наклонение в запретительной форме образуется посредством прибавления запретительного префикса *ма (мя, ме)* перед формой будущего категорического 2-го лица, как переходной так и непереходной формы:

луклад «ты напишешь» — *малуклад* «не пиши»

луклуд — *малуклуд*.

Жирков в свое время неправильно считал, что «запрещение выражается посредством специального отрицания *ма* плюс будущее II в любом лице». В действительности же будущее II с отрицанием *ма* — это не запретительная форма повеления, а своего рода отрицательное будущее II. Здесь мы имеем две формы отрицания: отрицательную форму повелительного наклонения и отрицательную форму желательного-повелительного наклонения.

Изывительное наклонение.

Изывительное наклонение имеет в даргинском языке много временных форм, как простых, так и сложных описательных. Все эти формы образуются посредством прибавления к основе различных показателей.

В отличие от других наклонений изъявительное наклонение имеет все три времени — прошедшее, настоящее и будущее. Настоящее время выражается при помощи описательных форм, состоящих из деепричастия и вспомогательного глагола. Есть также описательные формы прошедшего и будущего времени.

Изъявительное наклонение во всех временах изменяется по лицам. Все временные формы изъявительного наклонения имеют специальное оформление: показателями прошедшего времени в 3-м лице являются *и, иб, ун, уб, ур*; будущего времени: *а, у, ан, ар, ур*.

Окончания будущего времени различны по переходности или непереходности значения глагола и по тому, согласуется ли глагол в лице с субъектом или с объектом.

Следственное наклонение.

Под следственным наклонением мы подразумеваем форму, которая употребляется для выражения ряда модальных значений. Это наклонение Жирков называл так же, как и мы; Услар называл его «зависимым от условия». Как первое, так и второе названия оправдываются лишь для отдельных случаев употребления этого наклонения в прошедшем времени и частично в будущем; настоящее время от этой формы не образуется.

Общими для всех времён и лиц показателями этого наклонения являются: *иш, ес (эс)*.

Ну ваклиши (цудах. *вачлинди*) «я пришёл бы», «допустим, что я пришёл бы»;

хлу ваклиши «ты пришёл бы», «допустим, что ты пришёл бы»;

ит ваклиши «он пришёл бы», «допустим, что он, пришёл бы» (множ. число как ед.)

ну ваклиша (цуд. *вачлида*) «может быть, я приду», «в таком случае я приду»;

хлу ваклиши (цуд. *вачлиди*)

ит ваклес (цуд. *вачлиз*)

нуша даклиша

хлуша даклиша (я)

итди баклес

Белики, ну усули вишиа? «может быть, я сплю?»

Как видно, эта форма по лицам изменяется только в будущем времени, по числу изменяется лишь 2-е лицо будущего времени.

Эта форма в 3-м лице внешне совпадает с инфинитивом. Формы на *иша, иши* легко возводятся исторически к форме 3-го лица на *ес (эс)*: *ваклиша* из *ваклица*; *ваклиши* из *ваклицы*.

С другой стороны, это наклонение по смыслу связано с желательно-повелительным наклонением — эти формы взаимно дополняют друг друга. Когда нужно спросить, можно ли (или нужно ли) прийти, то в даргинском языке употребляется именно это наклонение, при чем в 3-м лице форма на *эс* заменяется формой на *аб* (жел.-пов. накл.):

ну ваклиша? «прийти ли мне?»

нуша даклиша? «прийти ли нам?»

ит ваклабу? «прийти ли ему?»

В отдельных диалектах (губденский и др.) последняя форма будет *ваклесу*. В урахинском диалекте множ. число *даклиша* отсутствует, его заменяет жел.-повел. наклонение. Урахины говорят: *нуша даклахав?*

Таким образом, желат.-повелит. наклонение и следственное наклонение — и по смыслу и по форме тесно между собою связываются.

Для выражения значения русского сослагательного наклонения в даргинском языке есть еще одна форма *несовершенного вида, совпадающая с прошедшим временем этого вида.

Следств. сослаг.

Прош. несоверш.

1 л. *баласи* «я узнал бы, знал бы»; *вашаси* «ходил бы»

баласи «я знал, знавал» — *вашаси* «я ходил, хаживал»

2 л. *балади* «ты узнал бы, знал бы»; *вашади* «ты ходил бы»

балади «ты знал, знавал» — *вашади* «ты ходил»

3 л. *бали* «он узнал бы, знал бы» — *ваши* «он ходил бы»

бали «знал» — *ваши* «ходил».

В урахинском диалекте форма 1-го лица этого времени образуется с окончанием *ира*:

ну луктира «я писал», *нуни кайсира* «я брал» и т. д.

Условное наклонение.

Мы видели, что все формы условного наклонения, за исключением сослагательного (прош. несов.), образуются непосредственно от основы. Условные наклонения, образуются от желательно-повелительного наклонения.

Ед. число

Множ. число

белкласли «если напишу»

белкхелли

лукласли «если буду писать»

лукхелли

белкладли «если напишешь»

белкладли

луккладли «если будешь писать»

луккладли

белкIалли «если напишет»
лукIалли «если будет писать»
белкIас(ли)ри «если бы я написал»
лукIасри «если бы я писал»
белкIадри «если бы ты написал»
лукIадри «если ты бы писал»
лукIад(ли)ри «если бы он написал»
лукIал(ли)ри «если бы он писал»
белкIас(ли)ра «хотя я и написал»
лукIас(ли)ра «хотя я и писал»
белкIад(ли)ра «хотя ты и написал»
лукIад(ли)ра «хотя ты и будешь писать»
белкIал(ли)ра «хотя он и написал»
лукIаллира «хотя он и написал»

(как ед. ч.)
белкIехIел(ли)ри
лукIехIел(ли)ри
белкIадал(ли)ри
лукIадал(ли)ри

(как ед. ч.)
белкIехIел(ли)ра
лукIехIели(ли)ра
белкIадал(ли)ра
лукIадал(ли)ра

(как ед. ч.)

Диалектные разновидности:

ну вакIас(вакIасли) (гапшим.)
хIу вакIад(вакIадли)
ит вакIар(вакIалли) и т. д.
ду вакIанне «если я приду» (цудах.)
эт вакIанне «если он придет»
ду вакIалле «если я приду» (бутр.)
ит вакIалле «если он придет»
вакIарле «если он придет» (усиш.)
бахарла «если он узнает»
белкIанне «если он напишет»
нуша дакIахIаали «если мы придем» (урах.)
гIуша дакIадаали «если вы придете»
гIыт вакIаали «если он придет».

Образование условного наклонения от жел.-повел. наклонения в 1-м и 2-м лицах не нуждается в объяснениях. Что касается 3-го лица, то здесь форма условного наклонения образуется от ныне неупотребительной формы на *ар*, *ан*. Это видно из диалектных примеров: *ит вакIар*, *вакIарле*, *бахарле*, *белкIанне*, *вакIанне*.

В диалектах, где чередуется *ар* и *ан*, в усиш. диалекте, отношение их чередования такое же, как и у инфинитива на *ара*, *ана*.

Следовательно, акушинские формы происходят:

белкIалли из *белкIарли*;
багьарли из *багьаллири*, *багьарлири*;
багьалра из *багьаллира*, *багьарлира*.

В акушинском диалекте *р* уподобился согласному *л*, а в урахинском он выпал, но долгота гласного перед ним компенсирует его. То же самое нужно сказать насчет двух *л* в акушинском диалекте в окончаниях мн. числа *хIелли*, *далли*:

белкIехIелли из *белкIехIерли* (*белкIехIерали*);
белкIадалли из *белкIадарли* (*белкIадарали*).

Такие первоначальные исходные формы в даргинских диалектах существуют. В мюрегинском диалекте после личного окончания буд. времени мы имеем добавленным и окончание *ра*: *лявясра* «я приду», *ляряхIра* «мы придем» (в бутринском вместо *р* мы наблюдаем *б*: *ляджьяхIеба* «придем», *лукIехIеба* «мы напишем, что дает нам возможность сказать, что *р* и *б* в личных окончаниях здесь как бы эквивалентны).

В цудахарском диалекте 1-е лицо по форме, как видим, совпадает с 3-м лицом. Это можно объяснить образованием и 1-го лица в этом диалекте от формы на *р(н)* или *ра(на)*.

В акушинском и урахинском диалектах будущее категорическое в 1-м и 2-м лицах имеет для субъекта и объекта различные окончания. В урахинском диалекте формы условного наклонения также имеют эти две разновидности окончаний.

Приведем примеры из урахинского диалекта:

ну хIуни вакьарали «если меня ты сделаешь» (окончание *ара* согласуется с объектом 1 л. *ну* «я»)

хIу нуни вакьарили «если тебя я сделаю» (окончание *ари* согласуется с объектом 2 л. *хIу* «ты»)

гьит нуни вакьасли «если его я сделаю» (оконч. *эс* согласуется с субъектом 1 л. *нуни* «я»)

гьит хIуни вакьадли «если его ты сделаешь» (оконч. *ад* согласуется с субъектом 2 л. *хIуни* «ты»).

Во второй разновидности условного наклонения *ри* является показателем прошедшего времени, в третьей разновидности *ра* — союзной частицей. Эти разновидности условного наклонения у Услара называются: 1) условным настоящим и будущим (*асли*, *адли*, *алли*); 2) условным предполагаемым (*аслири*, *адлири*, *аллири*) и 3) условным допускаемым (*аслира*, *адлира*, *аллира*). Жирков называет их иначе: условным, условным прошедшим и уступительным.

Как видно из примеров, приведенных нами выше и из примеров, приводимых Усларом, условное на *ли* всегда выражает действие, происходящее в будущем. Только глагол *виэс* «сделаться», «становиться» в форме условного наклонения употребляется как в значении будущего, так и в значении настоящего. При помощи этого глагола образуются описательные условные формы настоящего времени от остальных глаголов:

вакIили виасли «если я уже пришел»

лякьули виалли «если он идет».

Условное выражает действие, которое, если произойдет, повлечет за собой какое-то другое действие:

ахIен бархIи бакIалли, *вацIализи аркьехIе* «если хороший день придет, в лес пойдем». Условное наклонение в этом предложении служит сказуемым условного придаточного предложения.

Второе условное (*лири* «если бы») выражает какое-нибудь не происшедшее действие, являющееся условием другого действия, которое тоже не совершилось, так как первое не произошло. Это наклонение выражает как действие не происшедшее в прошлом, так и действие на которое в будущем не рассчитывают или имеют мало надежды:

ишбархли хлунни итичи кагъар белкладри, итини хлела мурад бири, «если бы сегодня ты ему письмо написал, он твое желание исполнил бы».

Как даргинское второе условное соответствует русской форме с союзом «если бы», так и третье условное совпадает с русской формой в сочетании с союзом «хотя». Это наклонение и второе условное наклонение выражают действие предполагаемое (или допускаемое) не только в прошлом, но и в настоящем и будущем.

Выражение вопроса.

Для выражения вопроса в даргинском языке к концу глагола-сказуемого прибавляется вопросительная частица. Такими частицами являются *у* (после согласного) и *в* (после гласного):

лукла «напишет» — *луклав* «напишет ли?»
луклад «напишешь» — *лукладу?* «напишешь ли?»
арякъун «ушел» — *арякъуну?* «ушел ли?»
саби «есть» — *се сабив?* «что есть?», т. е. «что такое?»
луклахъу «он заставит писать» — *се луклахъув?* «что он заставит писать?»

При наличии в предложении вопросительного слова (местоимения или наречия) после согласного ставится частица *а*, причем не обязательна, но возможна после нее частица *в*:

чина арякъуна(в)? «куда ушел?»
леб «имеется» — *се леба(в)?* «что есть?»

Когда с вопросом обращаются к нескольким лицам, прибавляется *я(в)*:

агара «нет» — *агараяв?* «нет ли?»
се сабияв? «что есть?», т. е. «что такое?»

Таким образом, вопросительная форма глагола в акушинском диалекте выражает число тех, к кому обращен вопрос.

В урахинском диалекте при наличии в предложении вопросительного слова прибавляется *а*, «причем»:

а даёт *а*
иа даёт *е*
уа даёт *ва* (с лабиализацией согласного)
либ — *каниб либа?* «где есть?»
ахлукла «не напишет» — *сен ахлукла?* «почему не напишет?»
си сабе? «что есть?»
бикъу «сделает» — *сен ахлбикъва?* «почему не сделает?»

В мугинском диалекте такой вопрос оформляется недолгим *а* только после согласного, причем как после вопросительного *а*, так и после гласного основы прибавляется *я* факультативно:

кинаб леба(я)? «где есть?»
си саби(я)? «что есть?»
сен хлеху(я)? «почему не принесет?» (*хлеху* «не принесет»).

В цудахарском диалекте вопрос выражается частицами *ай*, *уй*, *эй* и т. д.

В даргинском языке для выражения вопроса употребляются также междометия *гъу?* (с неясно произносимым *у*), *я?* *ягъ?* Можно полагать, что вопросительные частицы в конце глагола происходят от этих частиц (*гъу* дало *у*; после гласного *у* дало *в*): *лукла, гъу?* «Напишет, а? *луклау* — *луклав*; *чина арякъун, я?* «куда ушел, а?»

Для выражения вопроса с оттенком недоумения употребляется *ра*, *ара*:

аги «не было» — *агира?* «не было ли?»
леб «имеется» — *лебара?* «есть ли?».

Для выражения недоумения большею частью в придаточном предложении и для выражения зависимого вопроса прибавляется *л*, *ал* (в цудахарском диалекте *лле*): *багъи, гъари, Али хлеклибал* «ну-ка узнай, не пришел ли Али»
хъайглив чилра агарал? «нет ли дома кого?»

Вопросительный суффикс, как было сказано выше, заменяет собою связку. При вопросительной форме глагола положительная связка *сай* не обязательна: *лявкъули сай* «идет» *лявкъулив?* «идет ли?»

Нужно указать также на то, что при образовании вопросительной формы глагола ударение с первого слова часто переходит на второй от начала слова:

сай — *саю'?*
леб — *лебу'?*
ахлен — *ахле'ну?*
ваклиб — *вакли'бу?*
багъур — *багъу'ру?* и т. д.

Времена глагола.

Даргинский глагол в основном имеет три времени: прошедшее, настоящее и будущее (общее). Лишь в кубачинском диалекте, и кое-где еще, для общего времени имеется форма отличная от будущего: *билгяд* «краду» — общее со значением «я (по профессии) вору», или «я вор» *билгила* «украду» — будущее. В других диалектах одна и та же форма употребляется и для будущего и для общего времени: *итини билгя* «он украдет, будет красть» и «он ворует» (общее).

Как в русском языке настоящее время употребляется в роли общего времени, так и будущее в даргинском языке употребляется двояко: как действие, происходящее в будущем и как действие, которое происходит вообще или в настоящее время. Русские фразы «не знаю», «он знает» и т. п. на даргинский язык можно перевести в зависимости от контекста двояко — формой будущего времени: «*хлебалас*», «*итини бала*» и формой настоящего времени: *балули ахленра*, *итини балули сай*.

Как мы говорили выше, из наклонений даргинского глагола формы всех трех времен имеет лишь изъявительное наклонение. Так называемое зависимое от условия или следственное имеет только формы прошедшего и будущего; настоящее время от этой формы не образуется. Это наклонение как в прошедшем, так и в будущем имеет оба вида — совершенный и несовершенный: *белкIиши* «написал бы», *лукIиши* «писал бы»; *белкIиша* «пусть я напишу», *лукIиша* «пусть я пишу, буду писать».

Изъявительное наклонение, как мы говорили, в прошедшем имеет два вида, причем по форме несовершенный вид совпадает с сослагательным наклонением (прошедшим несоверш. временем). От совершенного вида настоящее время не образуется. Будущее совершенного вида совпадает с несовершенным.

Примеры: *белкIун* «он написал», *лукIи* «он писал» и «он писал бы, написал бы»; *лукIули сай* «он пишет»; *лукIа* «он будет писать, напишет»; *лукIар* «будет писать, т. е. займется письмом»; *вакIиб* «он пришел», *ваши* «он ходил» и «ходил бы», *лявкьбули сай* «он идет», *лявкьян* «он придет»; *вашар* «он будет ходить»; *касиб* «он взял», *кайси* «брал» и «взял бы, брал бы»; *кайсули сай* «он берет»; *кайсу* «возьмет» и «будет брать»; *арбухиб* «он унес»; *арбихи* «он уносил» и «унесил бы», *архули сай* «уносит»; *арху* «унесет», *арбиху* «унесет»; *хиб* «он принес», *бихи* «он носил, приносил» и «приносил бы, носил бы»; *багьур* «он узнал», *бали* «он знал, узнавал» и «узнал бы, знал бы»; *балули сай* «знает», *бала* «узнает, будет знать, знает».

В то время, как вид различается в основе глагола, а наклонение в окончаниях, категория времени различается и по основе и по окончаниям, в образовании временных форм принимают участие и основа и окончание. Это видно из приведенных выше примеров. Категория времени таким образом в даргинском языке переплетается с категорией вида и наклонения. Прошедшее несовершенное является как бы «будущим в прошедшем». Будущее — настоящее и прошедшее категорическое образуется от основы совершенного вида:

бацун «он вспахал»
бегIун «он посеял»

балули сай «он пашет»

белгIули сай «он сеет»

балуци «он пахал» и «пахал бы, вспахал бы»

белгIи «он сеял» и «сеял бы, посеял бы»

балуца «он вспашет» и «пашет»

белгIе «он посеет» и «сеет» (*e* вместо *a* в положении после согласного *гI*).

Перейдем к описанию всех форм времен в отдельности. Начнем с прошедшего времени.

Прошедшее время.

По своему образованию в даргинском языке формы прошедшего времени бывают простые и сложные, описательные, состоящие из деепричастия или причастия с вспомогательным глаголом. При этом возможно даже соединение двух различных деепричастий или деепричастия и причастия.

Простая форма состоит лишь из одного глагола — простого или сложного:

вакIиб «он пришел»,

вакIиши «он пришел бы»,

таманбиуб «закончено»

вакIили сай «пришедши есть» — он здесь; «оказывается, он пришел», *вакIибси сай* «приходивший есть» — он пришел; *вакIибси сайри* «приходивший был» — он приходил; *вакIеси сайри* «он придти должен был»;

ну хъайгIив агархIели, *ил вакIили кали сай* «когда меня дома не было — он, оказывается, пришел».

Как простые формы прошедш. времени, так и сложные, могут быть образованы от глаголов совершенного и несовершенного вида. По оттенкам значений все разновидности прошедшего времени различны, хотя сейчас говорящими даргинцами не всегда осознаются эти оттенки значений.

Одну из существующих в системе спряжения двух простых форм мы называем прошедшим категорическим изъявительного наклонения, другое — следственно-возможным.

Прошедшее категорическое.

Категорическим прошедшим мы называем ту форму прошедшего времени, которая выражает действие, имевшее место в прошедшем времени, передаваемое говорящим, как очевидцем или как факт, объективность которого не подлежит сомнению. Таким прошедшим в даргинском языке является форма, которую мы получаем прибавлением к одной из основ глагола (совершенного или несовершенного вида) в 3-м лице ед. числа окончаний: *и*, *иб*, *уб*, *ун*, *ур*; *кайси*, «брал», *лукIи* «писал», *бали* «знал», *касиб* «взял», *вакIиб* «пришел», *акIуб* «возник, явился», *бехъуб* «разрушил», *бацун* «вспахал», *усаун*

«заснул», *багьур* «узнал» и др. Окончание *и* прибавляется ко всем глаголам несовершенного вида.

В цудахарском диалекте окончание прош. вр. несовершенного вида *-ини*; в урахинском оно (как и совершенного вида) *иб*, для всех глаголов: *лучлини* (цудах.), *луклиб* (урах.) вместо акушинского *лукли* «писал».

Остальные четыре окончания (*иб*, *уб*, *ун*, *ур*) являются окончаниями прош. времени глаголов совершенного вида. Ни семантически, ни фонетически до сих пор не выяснены принципы распределения глаголов по этим четырем окончаниям. В любом залоге глагол может принимать любое из этих окончаний: *ваиб* «достиг» (непереходный), *кабихъиб* «положил» (переходный), *ваахъиб* «заставил достичь», *кабихахъиб* «заставил положить» (каузативы).

За небольшими исключениями во всех диалектах все глаголы имеют одни и те же окончания прошедш. времени. Примером исключения может служить глагол *аклуб*, «он родился, появился», который в урахинском диалекте в этом времени оканчивается на *ун* (*аклун*). Не во всех диалектах встречается окончание *уб*; в урахинском этого окончания нет. Глаголы, которые оканчиваются в акушин. на *уб* — в урахинском оканчиваются на *иб* (*яб*) или (редко) на *ун*.

Акушин.	Урахин.
<i>бехъуб</i>	<i>бяхъвиб</i> «разрушился, рассыпался на части»
<i>беруб</i>	<i>биръвиб</i> «высох»
<i>бигуб</i>	<i>бигъвиб</i> «сгорел»
<i>биуб</i>	<i>биб</i> «стал, совершился»
<i>игъуб</i>	<i>иръвиб</i> «бросил»

Мы сказали, что дать правило для применения окончаний прошедшего категорического пока не удастся. Можно сказать лишь то, что из этих окончаний чаще всего встречаются *иб* и *ун*, а *уб* и *ур* встречаются редко. Глаголы, в основе которых содержится *л*, оканчиваются большей частью на *ун*; но не все глаголы, которые оканчиваются на *ун*, имеют в основе *л*: *белкун* «написал», «*бацун*» (несов. *балу*), *ческун* «прилип»; *беркун*, *бергун* «покушал, съел» (последние три без *л* в основе). И наоборот, есть глаголы с *л* в основе, которые дают другое окончание: *баклиб* «пришел» (несов. *лябкъ*), *гиб* «дал» (сов. луг), *аклуб* (несов. *алкI*, в урахинском *аклун*), *бегъуб* «потратил» (несов. *белгъ*), *бехъуб* «разрушил» (несов. *белхъ*), и некоторые другие.

Жирков формы 3-го лица прош. времени называл деепричастиями. Это было вызвано у него недоразумением, возникшим благодаря неправильному убеждению в существовании «единственного глагола» в даргинском языке.

В школьной грамматике для удобства принято говорить, что: *и*, *иб*, *уб*, *ун* и *ур* — являются окончаниями 3-го лица. Но быть показателями исключительно 3-го лица они не могут, так как они сохраняются и в 1, 2 лицах; 3-е лицо этого времени специального показателя не имеет, иначе говоря, отсутствие показателей 1 и 2 лица является показателем 3-го лица «нулевой» показатель.

В окончании *иб* в 1 и 2 лицах *и* перед деепричастием на *ли*, *ла* выпадает. В цудахарской группе диалектов оно сохраняется: *вачлибда*, *ваклибда*.

Характерно, что *б* в окончании *уб*¹ не выпадает, да и в окончании *иб* оно не выпадает в сочетаниях с другим окончанием: *ваклибхлели* «когда пришел»; *ваклибси*, «пришедший» и т. п., оно выпадает лишь перед *р* и *л*.

Окончания прошедшего категорического в 1 и 3 лицах для обоих чисел одинаковы. Во втором лице множественное число принимает окончание *ира* (как в 1 лице) или *ирая*. Что касается прошедшего несовершенного, то оно изменяется и по числам и по лицам.

Примеры:

		Совершенное:	
		ед. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>ну ваклира</i> «я пришел»		<i>нуша даклира</i>
	<i>нуни багьурра</i> «я узнал»		<i>нушани багьурра</i>
2 л.	<i>хлу ваклири</i> «ты пришел»		<i>хлуша даклира (я)</i>
	<i>хлуни багьурри</i> «ты узнал»		<i>хлушани багьурра (я)</i>
3 л.	<i>ит ваклиб</i> «он пришел»		<i>итди баклиб</i>
	<i>итини багьур</i> «он узнал»		<i>итдани багьур</i>
		Несовершенное:	
1 л.	<i>ну вашаси</i> «я ходил»		<i>нуша дашехлери</i>
	<i>нуни баласи</i> «я знавал»		<i>нушани балехлери</i>
2 л.	<i>хлу вашади</i> «ты ходил»		<i>хлуша дашадари</i>
	<i>хлуни балади</i> «ты знавал»		<i>хлушани баладари</i>
3 л.	<i>ит ваши</i> «он ходил»		<i>итди баши</i>
	<i>итини бали</i> «он знавал»		<i>итдани бали</i>

Акушинский диалект здесь отличается от урахинского, цудахарского и большинства других диалектов наличием особого окончания несовершенного прошедш. в 1-м лице ед. ч. В других диалектах мы видим одинаковые окончания в формах прошедшего как несовершенного, так и совершенного вида. Приведем примеры из мугинского диалекта:

1 л. *ну вашира*, *нуша дашира* (вместо акушинского *вашаси*, *дашехлери*; ср. совершенные: *ваклира*, *даклира*); *нуни балира*, *нушали балира* (вместо акуш. *баласи*, *балехлери*; ср. *балира* для обоих чисел).

¹ В губденском диалекте *б* и здесь выпадает, говорят: *ну аклира* («куш. *аклубра*) «я родился», *хлу аклира* «ты родился».

2 л. *xлу ваклатти, вашатти* (акуш. *вактури, вашади*), *xлуша даклатта, дашатта* (я) (акуш. *дактура* (я), *дашадари*); *xлуни багъатти, балатти* (акуш. *багъурри, балади*); *xлушали багъатта* (я), *балатта* (я) (акуш. *балада* (я), *баладари*).

Не мешает напомнить о том, что употребление несовершенного прошедшего не всегда совпадает с употреблением русского прошедш. несовершенного вида. Иногда русское прошедшее несовершенного вида на даргинский язык переводится совершенным. Приведем примеры:

«Ты читал эту газету?» — *xлуни иш газета белчунрив?* (или: *белчунрив?*).

«Нет, не читал» — *юх, хлебелчунра* (или: *юх, белчи ахленра*; то-есть ожидается, что он прочитает, но он еще не читал);

«Почему не читал?» — *сен хлебелчунри?* (или: *сен хлебелчунри?*).

«Я сегодня не обедал» — *ну ишбархли хлерейс хлевкунра*, или: *уки ахленра* (также);

«Ты завтракал?» — *xлу савли укунрив? укурив?*

«Нет, не завтракал» — *юх, хлевкунра*, или: *уки ахленра*.

Вышеуказанные фразы можно перевести и несовершенным видом, но только в другом контексте. Возьмем такую фразу: «Дагправду?» Здесь речь идет не об одном номере, а о серии номеров той или иной газеты. Тогда нужно перевести так: *Дагъистайзив вирухъели, хлуни иш газета бучладив?* (несов.) или описательно: *бучлули вирадив?* (буквально: читая был? *бучлули* — деепричастие несоверш. вида).

«Нет не читал» — *юх, хлебучласи*; или: *бучлули хлейраси*.

«Почему не читал?» — *сен хлебучлади?*

«В дни путешествия мы завтракали и ужинали, но не обедали» — *путешествиела бурхназир нуша савлира бархлехъра дукехлери, амма хлерейс хлевкехлери* (*дукехлери, хлевкехлери* — формы несовершенного вида).

В этих примерах несовершенный вид выражает повторяемость, многократность действия. Несовершенное прошедшее употребляется и для выражения длительности действия:

«Что ты делал вчера?» — *даг хлу сели виркьади?* (несов.).

«Читал» — *учласи*, или описательно: *учлули калунра* (букв.; читая остался).

«Нет, ты вчера не читал, а гулял» — *юх, хлу даг учлхевчладину, умхляди* (*учлхевчлади* — несов. отрицательн. от *учлес* «читать», *ну* — союзная частица).

В этих примерах формы несовершенного вида выражают длительность действия.

Употребление даргинского прошедш. категорического вместо русского несовершенного преобладает в отрицательных формах.

не слышал — *хлебакьира*,
не видел — *чехлебаира*,
не ходил — *хлякьунра*,
не писал — *хлебелчунра*,
не спал — *усхлеунра*.

Эти и другие подобные глагольные формы могут быть переведены и несовершенным видом, смотря по тому, в каком контексте они встречаются.

Прошедшее обусловленное

Прошедшее обусловленное по лицам не изменяется. Здесь для всех трех лиц мы имеем одну форму — *иши*:

нуни белклиши «я написал бы»,
хлуни белклиши «ты написал бы»,
итини белклиши «он написал бы»,
ну луклиши «я писал бы»,
хлу луклиши «ты писал бы»,
ит луклиши «он писал бы».

В цудахарском диалекте этой форме соответствует форма с окончанием *инди*: *белчлинди* «написал бы», *луклинди* «писал бы».

Эта форма выражает действие или состояние, которое должно было бы произойти как результат другого действия или состояния, но не произошло ввиду того, что не произошло второе действие или состояние. По своему значению это почти тоже самое, что и сослагательное наклонение:

xлу ваклили виадри, нура ваклиши «если бы ты пришел, то пришел бы и я». Здесь говорящий не говорит о том, что он пришел бы непременно в случае прихода второго, но выражает обусловленность своего прихода приходом второго лица. Если мы заменим форму *ваклиши* формой *лявкьяси*, то здесь говорящий утверждает, что он пришел бы категорически, если бы пришел тот, к которому обращена речь.

Эта форма большей частью употребляется там, где отсутствием второго факта хотя бы доказать отсутствие первого: *сунес дигули виалри, ваклиши* «если бы он хотел, то пришел бы», но он не пришел, следовательно он не хотел.

Как мы увидели, значение следственной формы в будущем времени отличается от ее значения в прошедшем.

Сложные формы прошедшего времени.

Сложные формы прошедшего времени образуются посредством присоединения вспомогательного глагола к причастной, деепричастной или инфинитивной форме, причем возможна комбинация и причастия и деепричастия, двух деепричастий и т. д.

В этих формах также, как и в формах настоящего времени, вспомогательный глагол может быть опущен с заменой его

личным окончанием, связкой, вопросительной частицей, или без замены (при восклицании). В 1 и 2 лице вспомогательный глагол в большинстве случаев опускается.

Эти сложные формы не что иное, как сказуемые с глагольной связкой, служащие для выражения того или иного оттенка смысла. Когда мы говорим *вакѳили*, мы выражаем чей-то приход не основной формой, а деепричастной; когда же говорим *вакѳилри*, мы факт «прихода» выражаем как сказуемое: «*вакѳили*» является деепричастной формой вообще, а «*вакѳилри*» формой деепричастного сказуемого.

Здесь надо сказать о различных формах причастных и деепричастных сказуемых, выражающих оттенки прошедш. времени.

Приведем эти формы:

Причастные:

ну вакѳибсира или *вакѳибси сайра* «пришедший (есмь)»;
хѳу вакѳибсири или *вакѳибси сайри* «ты пришедший (еси)»;

ит вакѳибси сай «он пришедший есть».

В урахинском диалекте этим формам соответствуют: *вакѳибилла*, *вакѳибилли*, *вакѳибил сай* (урах. ил. соответствует акуш. *си*).

Эта форма у Услара не была отмечена. Ее можно назвать настоящим-прошедшим временем (перфект). Эта форма обозначает действие, результат которого существует в настоящее время, часто говорящий этой формой выражает факт не как очевидец, а как узнавший о нем из другого источника.

Ну вакѳибсири или *вакѳибси сайри* «я пришедший был»;

хѳу вакѳибсири или *вакѳибси сайри* «ты пришедший был»;

ит вакѳибсири или *вакѳибси сайри* «он пришедший был».

В урахинском этой форме соответствует: *вакѳибилли*, причем эта форма по лицам не изменяется; в третьем лице здесь можно опустить связку *сай*. У Услара эта форма называлась давнопрошедшей (плюсквамперфект).

Ну вакѳесири или *вакѳеси сайри* «мне следовало придти»;

хѳу вакѳесири или *вакѳеси сайри* «тебе следовало придти»;

ит вакѳесири или *вакѳеси сайри* «ему следовало придти».

Данной формы прошедшего времени у Услара нет. В урахинском диалекте эта форма имеет смысловой оттенок упрека: *вакѳисилли* «пришел бы, почему не пришел».

Деепричастные:

— *Ну вакѳилри* или *вакѳили сайра* «я уже пришел», «я здесь»;

хѳу вакѳилри или *вакѳили сайри* «ты уже пришел»;
ит вакѳили сай «он уже пришел».

Услар эту форму называл прошедшей несовершенной, Жирков — аористом;

— *Ну вакѳилри* или *вакѳили сайри* «я тогда, к тому времени, пришел»;

хѳу вакѳилри или *вакѳили сайри* «ты тогда пришел»;
ит вакѳилри или *вакѳили сайри* «он тогда пришел».

Услар эту форму называл «прошедшим упреждающим». Она, как видно из примеров, не изменяется по лицам;

— *Ну вакѳеслири* или *вакѳесли сайри* «было так, что можно было ожидать мой приход».

Арегѳичи хѳерѳалри, *заб дареслири* «если смотреть на погоду, было похоже, что дождь пойдет».

От причастия и деепричастия при помощи вспомогательного глагола (*вири* «был», *калун* «остался» и др.) можно образовать еще описательные формы:

ну вашуси вираси «я ходящий был», *вашули вираси* «я ходил»; *убкѳули хѳилхѳи(ла)* *калун* «умирая чуть остался», т. е. «чуть не умер».

При помощи вспомогательных глаголов *сай*, *ахѳен* два деепричастия или причастие и деепричастие образуют другую описательную форму:

лявкѳули кали сай «шел, приходил, оказывается»; (он намеревался придти или собирался, но не удалось, не пришел; он находился на пути, но с ним случилось что-то);

лявкѳуси уили сай «должен был или надо было придти» (но не пришел);

вакѳес дигули кали сай «оказывается, он хотел придти», и др.

В описательных формах с вопросительным глаголом возможны два варианта отрицания: 1) положительная основная форма, затем отрицательный глагол *ахѳен*; 2) отрицательная основная форма, затем положительный глагол-связка *сай*:

вакѳибси ахѳен «не приходил», *вакѳилекѳибси сай* «не приходил».

Такие же два варианта возможны в настоящем и будущем времени.

Настоящее время.

Настоящее время образуется посредством прибавления к деепричастию несовершенного вида вспомогательных глаголов *сай*, *ахѳен*, причем в 1-м и 2-м лице *сай* опускается, заменяясь личным окончанием:

— *ну лявкѳулри* «я иду» (или *лявкѳули сайра*)
хѳу лявкѳулри «ты идешь» (*лявкѳули сайри*)
ит лявкѳули сай «он идет».

— Ну хлякбулра «я не иду» (хлякбули сайра), льякбули ахленра «я не иду».

Хлу хлякбулри «ты не идешь» (хлякбули сайри), льякбули ахленри «ты не идешь».

Настоящее время даргинского языка в своем значении не отличается от русского; хотя в значении общего времени оно не употребляется. Такую фразу как «коров доят» на даргинский язык следует переводить формой будущего времени.

Будущее время.

Будущее категорическое время образуется прибавлением к несовершенной основе того или иного личного окончания, причем, как мы уже знаем, 3-е лицо здесь имеет два варианта окончаний — окончания переходного глагола а, у и окончания непереходного ан, ар, ур.

— Итини бала «он будет-знать, узнает»

итини кайсу «он возьмет»

ит льякбан «он придет»

ит вашир «он будет ходить»

бедира бириур «ведро наполнится водой».

— нуни ит валас «я его узнаю»

итини ну валара «он меня узнает»

хлуни ит валад «ты его узнаешь»

итини хлу валари «он тебя узнает».

Существуют, как мы говорили, и еще формы, выражающие будущее. Одна из них так называемая следственная, о которой была речь в разделе наклонений:

ну ваклиша, нуша даклиша;

хлу ваклиши, хлуша даклишая;

ит ваклес, итди баклес.

Другие две формы — описательные. Одна из них образуется от инфинитива с суффиксом прилагательного *си*, с прибавлением вспомогательного глагола или его замены:

ну ваклесира «я должен придти»

хлу ваклесири

ит ваклеси сай.

Другая форма — это причастие будущего или общего времени с вспомогательным глаголом. Значение его такое же:

ну льякбусира «я должен придти»

хлу льякбусири «ты должен придти»

ит льякбуси сай «он должен придти».

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРИЧАСТИЯ И ДЕЕПРИЧАСТИЯ.

Среди таких форм различаются две категории: неоформленные и оформленные суффиксами. В акушинском и многих других диалектах слова эти оформляются посредством спе-

циальных суффиксов. Но в цудахарском, мугинском и некоторых других диалектах, они иногда оформляются одним лишь ударением — перемещением ударения с основы на формальную часть слова — на суффикс.

Неоформленное отглагольное существительное равно чистой основе глагола, а неоформленные причастие и деепричастие равны форме 3-го лица прошедшего категорического времени совершенного вида или форме 3-го лица будущего категорического несовершенного вида.

Неоформленные причастие и деепричастие, которые часто, почти параллельно с оформленными, употребляются в цудахарском и в кайтагском диалекте и внешне совпадают с личной формой глагола, можно считать более древними образованиями, чем причастие и деепричастие с отличным от личной формы глагола, оформлением.

Характерной особенностью регулярно образуемых отглагольных существительных, причастий и деепричастий даргинского языка является то, что они наравне с глаголами, от которых они образуются, управляют падежами (т. е. при них имена ставятся в таких же падежах, в каких ставятся они при данных глаголах).

Отглагольные имена и деепричастия образуются или непосредственно от чистой основы или от формы 3-го лица прошедшего категорического или будущего категорического на *у*. Кроме того, причастие и деепричастие образуется также и от формы инфинитива.

Отглагольные существительные.

Основа даргинского глагола сама по себе может выступать как имя. Многие основы (желательное наклон.) употребляются и как существительные; они выступают в роли подлежащего, прямого дополнения, они склоняются на равных правах с другими именами.

белкI «чтобы написал» и «письмо, писание»

белчI «чтобы почитал» и «чтение, учение»

баркь «чтобы сделал» и «дело, действие».

Любая основа даргинского глагола в пожеланиях и заклинаниях употребляется в роли существительного.

иш давла (маг) хьуливли

мавшуд хьалла бахли (Батирай) «когда этот, чтоб ему добра не было, дома, не показывайся на краю дома» (маг — заклинание от *вес* «дать», *ма* запретительный префикс; *маг* значит букв.: «чтоб ему не было дано»);

чинава иш хьали буь? «где этот, чтобы дом его загорелся?»

Формы *маг* и *буь* в этих фразах употреблены в роли существительного и грамматически являются подлежащими.

Среди суффиксов, образующих отглагольные существительные, самым употребительным является *ни*. К любой глагольной основе можно прибавить *ни* и образовать имя действия:

белкI — *белкIни* «написание, грамотность»;

белчI — *белчIни* «чтение, прочтение»;

багъ — *багъни* «значение, узнавание»;

аргъ — *аргъни* «понимание»;

леб — *лебни* «существование, наличие».

В мугинском и некоторых других диалектах различаются две разновидности отглагольного существительного на *ни*: с ударением на основе и с ударением на самом суффиксе *ни* — *белкIни*, *белкIни*; *ди'гъни*, *ди'гъни*; *белчIни*, *белчIни*. Отглагольное существительное с ударением на основе является более отвлеченным, как бы более далеким от глагола. Оно не управляет падежами наравне с глаголом, в то время, когда отглагольное с ударением на суффиксе управляет падежами как глагол: *белкI* «запись, письмо», *белкIни* «написанное (кем-либо что-либо)».

В цудахарском диалекте параллельно с *ни*, или даже чаще, употребляется суффикс *ри*, ныне в акушинском и урахинском диалектах окаменевший.

Суффикс *дей* к основам глагола не прибавляется, но прибавляется к причастиям и их основам. Он является преимущественно именным суффиксом, образующим отвлеченное имя со значением действия или состояния; исключения составляют «глаголы состояния»: *леб*, *сай*, *ахIен*, *агара*; *лебдеш* «существование, имущество», *агардеш* «отсутствие», *сабдеш*, *ахIендеш*.

Редко употребляются суффиксы *ала* и *ил* (он же является и суффиксом прилагательного). Отглагольное имя на *ил* Услар считал причастием: *нуни хIу вакIибил хлебагъурра* «я не знал, что ты пришел»

бур — *бурала*, «сказание, предание, пословица»,

аргъ — *аргъала* «понимание, сознание».

Остальные суффиксы: *ри* (в акуш. и урач. диалектах), *уди*, *ари* окаменели; они встречаются лишь в немногих глаголах.

Даргинское отглагольное существительное на *ни* в своей синтаксической роли сильно отличается от существительного с нулевым суффиксом и с суффиксами, уже окаменевшими. Последние отглагольные имена не могут управлять падежами, какими управляют данные глаголы и не допускают при себе субъекта в именит. или эргативном падеже. Что же касается отглагольного имени на *ни*, то оно наравне с глаголом управляет всеми падежами, которыми управляет глагол и требует субъекта в именит. или эргативном падеже; однако, иногда субъект ставится и в родит. падеже. Таким образом отглагольное имя на *ни* от других форм глагола отличается тем, что по лицам оно не изменяется, но склоняется по падежам;

от существительного же оно отличается своими синтаксическими свойствами, совпадающими со свойствами глагола.

В этом заключается существенное различие даргинского отглагольного имени на *ни* от русского. Даргинское отглагольное имя в своей синтаксической роли соответствует русскому дополнительному придаточному предложению с союзом «что»:

ну вакIни ахIси бетаур «хорошо, что я пришел»;

хIуни урчи асни нуни багъурра «я узнал, что ты купил лошадь».

Причастие.

По своей форме причастие в даргинском языке не отличается от прилагательного. Все те суффиксы, которые образуют прилагательное, могут также образовать и причастие.

Прибавлением суффикса *си* (мн. ч. *ти*) к форме 3-го лица прошедшего времени мы получим причастие прошедшего времени:

вакIиб — *вакIибси* «пришедший; тот, кто пришел»;

багъур — *багъурси* «узнавший; узнанный»;

акIуб — *акIубси* «родившийся, рожденный»;

вякъун — *вякъунси* «посетивший; посещенный».

Прибавлением суффикса *уси* (мн. ч. *ути*) к основе несовершенного вида мы получим причастие «общего» времени:

ваш — *вашуси* «ходящий»; тот, кто ходит; тот, к которому ходят»;

бал — *балуси* «знающий»; тот кто знает; узнаваемый; тот, которого знаю»;

алкI — *алкIуси* «то, что рождается».

Прибавлением суффикса *си* (мн. ч. *ти*) или (редко) *ил* к инфинитиву мы получим причастие должностное; названное Усларом будущим:

вакIес — *вакIеси* (пишется и произносится с одним *с* — *вакIеси*) «тот, кто должен прийти: то место куда нужно прийти»;

багъес — *багъеси* «то, что нужно узнать, тот, который должен узнать»;

акIес — *акIеси* «то, что должно возникнуть»

белкIес — *белкIеси* «то, что нужно написать; тот, кто должен написать».

Прибавлением к основе несовершенного вида суффикса *ан* (*ни*, *ни*) мы получим причастие общего времени, которое выражает занятие, профессию:

лукI — *лукIан* «писарь, пишущий; тот, который занимается писанием; то, чем пишут, где пишут, и т. п.»

ручI — *ручIан* «чтец».

Акушинскому *си* (мн. ч. *ти*), в урахинском соответствует *ил*, (мн. ч. *ти*), а в причастии общего времени параллельно с ним употребляется *ани* (*яни, ени*), *багырил, аклубил, ваклибил; балани, луклани; балул, луклул*.

В цудахарском диалекте параллельно с суффиксом *се* (мн. ч. *те*) употребляется и суффикс *ай* (*яй*): *балхунсе — балхай, гьаклубсе — гьаклай, вачлибсе — ваклай*, (но: *бахисе, гьачлибсе, вачлисе* — должностное прилагательное).

В цудахарском диалекте, как мы говорили, нередко встречаются причастия (в поэзии и деепричастия), не оформленные суффиксами. Они по форме от глагола отличаются лишь местом ударения:

адим ва'члиб «человек пришел»;
вачли'б адим «пришедший человек»;
адимли ба'хур «человек узнал»;
баху'р адим «узнавший человек»;
дам дила урици и'кку «я люблю своего сына»;
икку' урици «любимый сын»;
г'ля'йкку «не любит»;
г'ляйкку' душман «ненавидимый враг».

Ударение в формах причастия стоит здесь на последнем слоге. Такие причастия встречаются в идиоматических фразах и в устной поэзии:

даркы'б дях'л (муг.) «искусственное лицо» (в смысле «щеголиха»).

Шунт'айзи иргьив иргюн «как стрела, брошенная в Цунту» (т. е. в страну цезов, дидойцев);

луклули дилкун хлубар «писанием исписанные глаза»;
лусули дилсун нудбар «плетением сплетенные брови»;
дурх'айли дихьиб дига «с детства завязавшаяся любовь».

Даргинское причастие не различает залогов. Одна и та же форма употребляется и в роли действительного и в роли страдательного залога русского языка:

ну аклубси дус «год, в котором я родился, год моего рождения»;

нуни белкунси кагъар «письмо, написанное мною»;
набчи ваклибси адам «человек, который пришел ко мне»;
ну валути адамти «люди, которые знают меня».

Причастие своим классным показателем согласуется с именем, падежом, стоящим в предложении, а своим окончанием (*си, ти*) оно согласуется по числу со словом, им определяемым:

В кубачинском классные показатели стоят и в начале и в конце причастия и прилагательного.

Существует одна сравнительно редкая глагольная форма на *ари* (*яри, ери*), которая употребляется со значением «столько чтобы...»

баари кагъар биха «дай достаточно бумаги» (от *базе* «хватить»);

иш кагъар баари леб «этой бумаги достаточно».

Деепричастие.

Даргинский язык богат деепричастными формами. По способу образования они распадаются на две категории: простые деепричастия, образованные при помощи суффиксов, и деепричастия, образованные прибавлением послелогов.

Процесс превращения послелогов в окончания деепричастий продолжается, и часть этих послелогов находится на полпути этого развития. Тем не менее, мы имеем и такие формы, относительно которых нет сомнения, и которые мы без колебания можем причислить к окончаниям или к послелогам.

Перечислим эти окончания и послелог с примерами:

-ли, ули: ваклили «пришед», *вашули* «идя», *учлули* «читая», *багылли* «узнав», *балули* «зная, узнавая»; *багьесли* «так, чтобы можно было узнать»;

-и: белкли «написав», *белчли* «почитав», *баци* «вспахав»;

-ла, ула: ваклила, ваклибла «с тех пор, как пришел», *багылла* «с тех пор, как узнал», *вашула* «с тех пор, как стал ходить», *батулла* «с тех пор, как покинул»;

-айчи (яйчи, ейчи): ваклайчи «до тех пор, пока не пришел», *багъайчи* «до тех пор, пока не узнал», *бахъайчи* «до тех пор, пока не ударил», *беглейчи* «до тех пор, пока не посеял»;

-на (наб, набад; б кл. пок.): вашна «туда, куда ходил», *чебиъна* «туда, где видно»; *вашнав* «там, где ходил», *вашнавад* «по тому пути, по которому ходил; откуда ходил»;

-хли, -йхли (хлиб, хлибад): касабихли «туда, откуда взял» (*касес* «взять»), *вак'ибихли* «туда, куда пришел», *вашуйхли* «туда, где ходит»; *касибихлиб* «там, где взял», *вак'ибихливад* «оттуда, откуда пришел»;

✓ -кад, -укад: ваклибкад «по тому пути, по которому пришел», *аркьукад* «по тому пути, по которому идет; на ходу»;

-глеб: ваклибглеб «по ту сторону, откуда пришел»; *балуглеб* «так, как знает»; *агарглеб* «хотя нет»;

-мад (мадан, маданал): ваклибмад «как только пришел», *багьурмад* (*ан, анал*) «как только узнал»;

-хлелци (хлелила, хлейс, хлейчивадал): ваклибхлели «когда пришел», *вак'ибхлелила (вак'ибхлелла)* «с того времени, когда пришел», *вак'ибхлейс* «ко времени прихода»; *вак'ибхлейчиндил* «еще с тех пор, как пришел»;

-кчи, укчи: ваклибкчи «хотя пришел», *балукчи* «хотя идет»;

✓валли: вакливалли «хотя пришел».

Гласный *у* перед суффиксами *ли, ла, кад, кзи* и согласный *й* перед *хли* исторически не являются принадлежностью суффиксов.

Окончания *-ли* и *-и*, образующие деепричастия не что иное, как окончания эргативного падежа. Вместо акушинского *и* в урахинском мы имеем *й*. Это окончание (*и*), которое прибавляется к основе глагола, имеющего прошедшее категорическое на *ун*, возводится к *ли*:

вякбун-ли дает: *вякбунни, вякбуй, вякьи*.

В положении между двумя гласными группа *ни* выпадает.

Причастие в форме эргативного падежа, как видно, приобрело наречное значение. Мы знаем, что эргативный падеж в даргинском языке имеет много значений, в том числе значение причины, средства действия и т. д.

-ла тоже является падежным окончанием; в цудахарском диалекте *ла* является окончанием исходных падежей соответствующим акушино-урахинскому *ад*: *итала* «оттуда», *хзулила* «из комнаты, из дома». Отсюда значение, указывающее время начала действия: *ваклила* «с прихода» т. е. «с тех пор, как пришел».

Окончания *-на* и *айчи* являются окончаниями направит. падежей: *на, хли, айчи*; местных: *наб, хлиб*; исходных: *набад, хлибад*.

Деепричастие на *айчи* образуется от формы инфинитива, которая в настоящее время не употребляется в акушинском диалекте, на *ара, ана*: *ваклайчи* из: *ваклараличи, вакларличи, ваклалличи, ваклаичи, ваклайчи*. Этой акушинской форме в цудахарском диалекте соответствует *ара*: *ваклара, белклара* «до прихода, до написания», в урахинском — *араши*: *ваклараша, билклараша*.

Мы видели, что *кад, мад, глев* употребляются и как префиксы и как наречия.

Послелог или окончание *хлели*, повидимому, происходит от слова *хлял* «время, положение», которое употребляется и как отдельное слово: *иш хляйзиб* «в настоящее время» (*хляйзиб* — местн. падеж от *хлял*).

Отсюда видно, что деепричастие в даргинском языке — это в сущности причастие в косвенных падежах (эргатив, местные падежи), или причастие в именит. падеже с послелогом.

Деепричастие на *-ли, -ули* мы называем общим, так как оно употребляется в различных значениях, в то время, когда другие деепричастия употребляются лишь в одном ему присущем значении. Это деепричастие выражает и образ, и причину и цель действия и др. П р и м е р ы:

вашули ваклира «идя пришел», т. е. «пришел пешком» (образ действия);

аргвесли гвайхлен «понятно говори»;

хлу хлякбули гваваклибсири «так как ты не пришел (я) пришел к тебе»; *хлу дигули ваклира* «тебя любя, я пришел» (причина);

хзули аркьяс или дуравхъунра «домой пойду сказав, (я) вышел» (цель);

ваклили арякбун «приходив ушел», т. е. «пришел и ушел» («союз»).

Деепричастие на *ли (и)* в предложении может быть сказуемым как придаточного предложения, так и самостоятельного вопросительного и восклицательного предложения, оно может быть частью составного сказуемого с вспомогательным глаголом *сай, ахлен* и т. п., может быть косвенным дополнением в роли русского творительного падежа и инфинитива:

адам хъайглев агалли, ну киноличи укьес бетхлеур «человека дома не имея, мне в кино пойти не удалось (*агалли* — сказуемое придаточного предложения причины);

хлу льякбулрив? «идешь ли ты?» (*лякбули-рив*)

хлера, бец! льякбули! «смотри, волк идет!»

дудеш льякбули сай «отец идя есть», «отец идет».

арши диршили тамандиуб «жатва (сжавши) закончилась»;

кзукзубиклухлели, ургьули ахлси бивар «когда гром гремит, хорошо чтоб дождь пошел».

Временными являются причастия на *ла, ула, айчи, мад, хлели*. Из них: *ла, ула* указывает на начало действия и продолжительность его; — *айчи* указывает на продолжительность действия и конец его; — *мад (мадан, маданал)* указывает на немедленное начало действия; *хлели* — на время действия, «когда...»

П р и м е р ы:

ну иша ваклила заб дарили ахлен «с тех пор, как я пришел сюда, дождя не было»;

ну ваклайчи, иша кайи «пока я не приду, садись здесь»;

шаллабиубмад дяв вяшбухъун «как только рассвело, бой начался»;

забли ургьухлели, ну шинкьалав сайри «когда шел дождь, я был на мельнице».

НАРЕЧИЕ.

Наречия даргинского языка исторически не что иное, как имена в том или ином падеже: именит., эргативном, родительном, дательном, или в одном из местных падежей со служебным словом или частицей. Тем не менее между именем и наречием имеется существенная разница, заключающаяся в том, что в отличие от имени наречие не может быть определяемым и склоняется частично, т. е. бывает не во всех падежах. Кроме того, в то время, как именит. падеж имени отвечает на

вопросы: *чи* «кто?»; *се* «что?» — исходная форма наречия отвечает на вопросы: *мурт* «когда?»; *чина* «куда?»; *секьяйда* «как?» Имя может быть подлежащим, прямым или косвенным дополнением, а наречие — не может.

Имеются наречия, которые встречаются как в форме именит. падежа, так и в форме косвенных падежей: *даг* «вчера», *дагла* (родит.) «вчерашний» *дагличи бикайчи* (местн.) «до вчерашнего дня» (букв.: «до вчера», *дагличибад бех* *Бихьили* (местн.) «начиная со вчерашнего дня» (букв.: «со вчера»); *жагЯл* «завтра», *жагЯйс* (дат.) «на завтра», *жагЯйчи бикайчи* (местн.) «до завтрашнего дня» (букв.: «до завтра»).

Имеются наречия, которые встречаются лишь в форме косвенных падежей, что же касается формы именит. падежа, то она уже в роли наречия не встречается, а встречается лишь в роли аффикса; например: *гьала* (направ. пад. от *гьа* «вперед, впереди»; ср. форму направ. п. *кьакьала* «на улицу»); *гьаб* (местн. п. от *гьа*, кл. показ.) «вперед».

Наречия места и частью наречия времени большею частью встречаются во всех трех местных падежах: направ., местн. и исходном; эти три падежа в наречиях образуются при помощи тех же показателей, которые мы имеем в местных падежах имен:

Направ.	Местн.	Исходн.
<i>гьала</i> «вперед, около»	<i>гьалаб</i> «впереди, раньше, в прошлом»	<i>гьалабад</i> «спереди»
<i>урга</i> «между, в середине»	<i>ургаб</i> «в середине»	<i>ургабад</i> «из середины»
<i>гьела</i> «назад»	<i>гьелаб</i> «позади»	<i>гьелабад</i> «сзади»

Такие наречия в форме именительного падежа не встречаются; их исходной формой является направит. падеж, от которого регулярно образуются местн. и исходн. падежи. Эти наречия семантически характеризуются тем, что они большею частью показывают место, и частично время, относительно другого предмета или времени:

- школала гьала* «перед школой» (направ.)
- школала гьалаб* «около школы» (местн.)
- школала гьалабад* «мимо школы» (исходн.)
- хъа гьела* «за дом»
- хъа гьелаб* «за домом»
- хъа гьелабад* «из-за дома» и др.

Такие наречия могут показывать место или время и вообще, т. е. как бы безотносительно к тому или иному предмету: *нуша гьалар сарра* «мы впереди»

гьалаб вайгя бири «раньше (в прошлом) было плохо» и т. д.

Но в этих случаях, в сущности, подразумевается предмет или момент, относительно которого наречие показывает место или время.

Возникает вопрос — как рассматривать в школьном преподавании такие формы наречий, как *гьала*, *гьалаб*, *гьалабад*? Являются ли они местными падежами от единой формы именит. падежа *гьа*, ныне неупотребительного, и мы имеем здесь дело с одним наречием в различных падежах или же они все являются самостоятельными наречиями, произведенными от *гьа*?

Такие наречия в своих грамматических значениях ничем не отличаются от местных падежей имен (о том, что они вообще семантически отличаются от имен, сказано выше) и их формы совпадают с формами местных падежей. Ввиду такого совпадения, при морфологическом разборе, в частности тогда, когда учащемуся дается задание выделить окончания, он выделяет и эти суффиксы наречий, и преподавателю бывает очень трудно объяснить, почему они не являются окончаниями, тогда, как например: в слове *кьакьала* «на улицу», *кьакьалаб*, *кьакьалабад* они — окончания. Преподавателю остается лишь один ответ, он говорит, что *гьала*, *гьалаб*, *гьалабад* — наречия, а наречия окончаний не имеют, окончания могут иметь лишь имена и глаголы. На вопрос о том, почему они не имена, а наречия, можно ответить тем, что их исходная форма отвечает на вопрос наречия «куда?», в то время, как исходная форма имени (именит. падеж) отвечает на вопрос «кто?» или «что?» Имя может быть и с окончанием и без окончания, что же касается наречий типа *урга* «в середину», *дура* «наружу», *бухйна* «внутри», *гьала* «вперед», которые без показателей направ. падежа *а*, *ла* и т. п. не встречаются, нужно ответить, что эти показатели «окаменели» (в отличие от показателей местн. и исходн. падежей этих же наречий). Такое объяснение, естественно, не всегда удовлетворяет учащегося, ибо встречаются и такие наречия, основа которых (форма именит. падежа) совпадает с тем или иным именем: *дила мякьла* «около меня» (*мякь* «бок, основа»), *дила шулги* «около меня» (*шулги* направ. п. от *шали* «бок»).

Мы не можем отрицать того факта, что наречия вообще имеют частичное склонение. Они могут быть: в эргативном падеже: *хгьерели* «днем», *дугели* «ночью», *жявли* «рано», *кьанни* «поздно», *сагЯтли* «в час, за один час, в течение одного часа», *душли* «в один год, в течение одного года»; или в родит. падеже: *дагла* «вчерашний», *савлила* «утренний», *бахъИила* «длинный», «старинный»; или в дательном падеже: *клина* «длинным» *клинайс* во второй раз, потом; *гьур* «после»,

«еще» *гурлис* «на следующий раз»; или, наконец, в местных падежах.

Таким образом, склонение наречий в даргинском языке явление обыкновенное, почти все наречия частично склоняются. Эта особенность даргинских наречий сближает их с именами, показывает их именное происхождение; их можно называть именами с частичным склонением.

Застывшие формы направ. падежа считать за падеж и выделять *ла* как окончание, по нашему мнению, не следует, это явление в языке историческое. По форме же *гылаб, гылабад, глелаб, глелабад* и т. п. следовало бы считать за падежи от наречий *гыла, глела*; и в школьных грамматиках нужно говорить о частичном склонении наречий, давая образцы их склонения.

Наречия образа действия не склоняются, так как они в своей основной форме исторически являются эргативными падежами. Количественное наречие может принимать окончания *ли, и* — причем тогда получается новое наречие со значением «за столько-то раз, в такой-то раз»: *гычамли* «одним разом», *клинали* «в два раза» и т. д. Количественные наречия в дательном падеже дают значение: *гычамлис* «пока», *клинайс* «потом, во второй раз», *хляйнайс* «в третий раз».

Местная форма количественного наречия дает другое наречное значение: «больше (или меньше), чем столько-раз»: *гычамличиб иццали ахли* «не больше, чем один раз», *клиналичиб камли* «меньше, чем два раза» и т. д.

Наречия времени встречаются в родит., дательном и во всех местных падежах: *даг* «вчера» — *дагла* «вчерашний», *жагЯл* «завтра» — *жагЯйс* «на завтрашний день»; *мурт* «когда» — *муртлис* «к какому времени»; *дагличи бакайчи* «до вчерашнего дня»; *дагличиб ишбархли буцлалли саби* «сегодня жарче, чем вчера», *дагличибад бехлбихили* «начиная со вчерашнего дня» и т. д.

Наречия места, как мы видели, встречаются в трех падежах. Часть местных наречий в своей основной форме является эргативами, но и они принимают формы местн. и исходн. падежей. Исключение составляют наречия места, приводимые нами ниже, которые никакой падежной формы не принимают.

Наречия подразделяются на качественные, наречия образа действия или состояния, которые иногда употребляются и в роли наречий цели или причины, количественные («сколько раз?, по скольку»), наречия времени и наречия места. Наречия места в свою очередь подразделяются на наречия со значениями исхода, покоя, удаления и направления. Что касается наречий времени, то они также подразделяются, и значения: «с тех пор», «до таких-то пор» выражаются или описательно, или же путем образования соответствующего местного падежа (направ. или исходн.) от соответствующего имени или наре-

чия. В наречиях времени мы имеем другого порядка деление: наречия со значением «в продолжение такого-то времени», наречия со значением «в такое-то время»: *дуги* «в прошлую ночь», *сагЯли* «за один час, в течение одного часа».

Наречия образа действия и качественные наречия по своей форме одинаковы: это — имя в эргативном падеже. Все наречия этого типа являются производными, они могут быть образованы от всех тех слов и основ, от которых можно образовать прилагательное. Исключение составляет несколько слов, по всей вероятности, заимствованные из других языков, которые производными не являются: *Гябас* «напрасно» (оно скорее всего ближе к наречию цели, а не образа действия), *мажхЯт* «едва ли». Есть наречие со значением «даром», образованное не при помощи суффикса эргатива, а при помощи суффикса *кчи* — *иткчи* «даром».

Таким образом, качественные наречия и наречия образа действия характеризуются тем, что их форма едина; при помощи показателя эргатива можно образовать качественное наречие от любой части речи, от любой основы, от которых можно образовать прилагательное.

Количественное наречие образуется от числительных и от вопросительных местоимений *чум* «сколько», *чуйна* «сколько раз» (при помощи суффиксов *на, найс*).

Среди наречий времени встречаются простые и производные, при чем производные большей частью образованы при помощи показателей местных падежей и эргатива. Кроме того, любое имя со значением времени (год, месяц, день, час и т. п.) может употребляться в роли наречия, если оно имеет при себе определение: *ца сагЯт калуна* «пробыл один час»; *вай замана ваклади, дила хлурхбан Батирай!* «в плохое время ты пришел, мой Урахинский Батырай! (Батырай).

Наречия места и направления все без исключения являются производными; и большинство их образовано при помощи показателей местных падежей, или эргатива, причем показатель направления в этих наречиях «окаменел».

Перечислим некоторые наречия образа действия и качества:

<i>дуцли</i> «бегом»	— от <i>дуц</i> «бег»
<i>касли</i> «галопом»	— от <i>кас</i> «галоп»
<i>багьлали</i> «медленно»	— от основы <i>багьла</i>
<i>дугли</i> «напрасно»	— от <i>дуг</i> «вон, без известного направления куда-то»
<i>ити</i> «так просто; даром»;	— от <i>ит</i> «тот, он»
<i>иткчи</i> «даром» (матай).	
<i>цлакьли</i> «сильно»	— от <i>цлакь</i> «сила»
<i>мурили</i> «сладко»	— от <i>мури</i> (<i>муриси</i> «сладкий»).

Кроме того, среди наречий образа действия и качества встречаются и такие, которые состоят из имени и служебного слова или частицы: *итван* «так, как он», *итцад цлакьси* «настолько сильный». Такие наречия, образуемые при помощи частиц, наречиями являются лишь по смыслу, синтаксически, поскольку они отвечают на вопросы наречия. Морфологически же они являются словосочетаниями. Это видно из того, что такие частицы, как *ван* и *цад* могут прибавляться к имени, образуя как бы наречия, но имя при них остается именем, мы можем заменить местоимение в *итван* и *итцад* именем существительным, определяемым другим словом. Примеры: *нушала Аливан узен хлура* «ты работай так, как наш Али», *хив виш-тлал дурхляла бекцад лебри* «орех был большой, как голова младенца».

Простыми наречиями образа действия являются: *ити*, *или*, *икли*, *ихи* с общим значением «так, таким образом»; оттенки значений приведенных наречий определяются их происхождением от соответствующих местоимений.

Ряд наречий образован при помощи частицы *ван* в эргативном падеже; *ван* когда-то склонялось. В этом мы легко убедимся, если сравним диалектные разновидности этих наречий: *ити*-муг. *гытей*, *урах*, *гытвой* (из *гытгонли*), *цудах*. *итанне* (из *итванне*), *усиш*. *гытитле*, *муир*. *гытвай*); *акуш*. *итванли*, *итанни*, *итай*.

Перечисляем некоторые количественные наречия:

гьачам «один раз»
клина «два раза»
чуйна? «сколько раз?»
чуйнара «много раз»
чуйна-дигара «сколько угодно раз» и т. п.

Некоторые наречия времени:

даг «вчера»
дуги «прошлой ночью»
савли «утром»
бархлехъ «вечером»
приъ «в прошлом году»
жаглял «завтра»
царахлел «послезавтра»
мурт? «когда?»
мурталра или *сикъилра* «всегда»
жявли «скоро»
кьанни и *кьи* (из *кьий*, из *кьанли*) «поздно»
дугели «ночью»
хлерели «днем»
итхлели «тогда»

итцадхли «столько время»

бахъхли «долго»

итала иша «с того времени, до сих пор»

бархилис-бархли «с каждым днем»

бахъили «все время, без остановки»

хлерейс «к полудню» и др.

Слово *дуги* бывает и существительным в значении «ночь», слова *савли*, *бархлехъ* тоже иногда употребляются вместо *савлила* «утро», *бархлехъла* «вечер».

Наречие *царахлел* происходит от *цара* и *хлели* (ср. вариант этого слова *цархлели*); сочетание этих двух слов дает буквальное значение «в другое время, на другой день» (т. е. на завтра, а на другой день — «послезавтра»); Слово *архлели* «позавчера» этимологизируется так же.

Что касается слова *хлели*, которое в даргинском языке образует много наречий и деепричастий, то оно происходит от *hle*, *хли*, *гле*, *гли* и элемента *ли*. За это говорит то, что в некоторых диалектах, например, в мекегинском, вместо *хлели* говорят *hle*: *ваклибhle* «когда пришел»; *итхлели* значит «в то время, тогда»; *итцадхли* значит «столько времени, так долго»; *сецадхли* «до каких пор, сколько времени».

Элемент этот мы встречаем в окончаниях местных падежей в роли показателя места: *хли* отвечает на вопрос «куда?», *хлиб* — на вопрос «где», *хлибад* — на вопрос «откуда»; *хлерк* *башуйхли* «туда», где течет река», *кьунбахли* «в сундуки».

Таким образом, мы видим, что показатель места *hle* изменил значение и стал показывать не только место, куда направлено действие, но и время. Принимая окончание *ли*, он стал показывать время действия, отвечая на вопрос: «когда?».

В цудахарском диалекте этот элемент получил другое звуковое оформление: *кьалла* «тогда», в кайт. диалекте этому соответствует *кьалла*. В даргинском языке *кьал*, *кьел*, *кьил* значит «черта, линия», но оно употребляется и в значении срока, времени. Говорят *кьел* (*кьил*) *байли саби* «срок настал; время пришло».

Можно полагать, что *кьи* (ср. *иткьи* «даром», *ваклиб-кьи* «хотя и пришел») происходит от этого слова *кьел*, *кьил*. За это говорит мугинское соответствие элемента *кьи*: мугинцы говорят *кьила*: *ваклибкьила* «хотя и пришел».

Несмотря на то, что *хлели* происходит из двух окончаний, суффиксов *hle* и *ли*, считать его суффиксом, пожалуй, нельзя, оно является служебным словом, образованным от слова со значением места (потом времени) и суффикса *ли*. Оно прибавляется к именам в различных падежах: *итхлели* «тогда, в то время», *итавхлели* «тогда, когда (он, я, ты) был там», *илихлели* «раз так», *сунелакхели*, «поскольку эта вещь его» и т. д.; оно является наречием места (потом времени), потерявшим самостоятельность в употреблении и превратившимся

В послелог; управляя предыдущим именем в именительном падеже, чаще всего оно прибавляется к архаической форме причастия.

Среди наречий времени имеются и такие, которые состоят из двух слов: *итала иша* (букв.: «оттуда сюда», т. е. «с тех пор»), *гьар даим* «всегда», *гьар бархли* «каждый день» и пр.

Особое наречие времени образуется также при помощи служебного слова *мад* (*мадан*): *итмадан* «с того же момента, с тех пор».

Перечисляем наречия места:

направ.	местн.	исходн.
<i>дура</i> «наружу»	<i>дураб</i>	<i>дурабад</i>
<i>бухна</i> «внутри»	<i>бухнаб</i>	<i>бухнабад</i>
<i>урга</i> «в середину»	<i>ургаб</i>	<i>ургабад</i>
<i>гьала</i> «вперед»	<i>гьалаб</i>	<i>гьалабад</i>
<i>гела</i> «назад»	<i>гелаб</i>	<i>гелабад</i>
<i>уди</i> «вниз»	<i>удиб</i>	<i>удибад</i>
<i>чеди</i> «вверх»	<i>чедиб</i>	<i>чедибад</i>
<i>чина</i> «куда»	<i>чинаб</i>	<i>чинабад</i> (<i>чинад</i>)
<i>гьамли</i> «близко»	<i>гьамхлиб</i>	<i>гьамхлибад</i>
<i>гьаракхли</i> «далеко»	<i>гьаракхлиб,</i> <i>гьаракхлибад</i>	<i>гьаракхлибад</i>
<i>гьяшли</i> «низко»	<i>гьяшхлиб</i>	<i>гьяшхлибад</i>
<i>ита</i> «туда»	<i>итаб</i>	<i>итабад</i> (<i>итад</i>)
<i>иша</i> «сюда»	<i>ишаб</i>	<i>ишабад</i> (<i>ишад</i>)
<i>икла</i> «туда вверх»	<i>иклаб</i>	<i>иклабад</i> (<i>иклад</i>)
<i>иха</i> «туда вниз»	<i>ихаб</i>	<i>ихабад</i> (<i>ихад</i>)
<i>ила</i> «туда», ко 2-му л	<i>илаб</i>	<i>илабад</i> (<i>илад</i>)

Во всех исходных формах наречий может факультативно прибавляться элемент *ли*: *дурабадли*, *бухнабадли*, *итабадли*, *итадли* и т. д., как в исходных падежах существительных.

Другие наречия места имеют по два падежа: направ. и местный, исходного же у них нет, за исключением наречия *архляли*:

Направ.

шер «замуж»
хьулкнад «на кражу»
сукни «с предложением выдать или выйти замуж»
гьяяр «на охоту»
умцес «искать» (что-либо)

Местн.

шерир «замужем»

архляли «(куда-нибудь) «в путь» («с какой-то целью»), *архлялив*, *архляливад*,
гечли «кочуй»
шадив «гуляя».

Как видно из этих примеров, некоторые из этих наречий напоминают по значению наречия цели, но в даргинском языке все они отвечают на вопрос «куда» (*чина?*), а не на вопрос «зачем» (*сен?*). На вопрос: *сен арякьуна?* «зачем (почему) ушел» нельзя ответить, например: *сукни*, *хьулкнад* и т. п.

Наречиями направления можно называть такие наречия, которые выражают лишь направление вниз, вверх, и т. п., но не выражают то место, куда направившийся дошел, как это выражено в наречиях места в направит. падеже. Такими наречиями являются:

лаг «вверх»
катхлел «вниз»
бетхлел «туда (горизонтально)»
сатхлел «сюда (горизонтально)»
дул «вон, прочь»
дугли «зря, напрасно».

Эти наречия не имеют ни местного, ни исходного падежа, за исключением слова *дул*, которое употребляется и в роли существительного в значении прогулки: *дугличив калунра* «я был на прогулке», *дугличивад* «с прогулки».

Характерной особенностью даргинских наречий нужно считать то, что многие из них принимают классные показатели и согласуются с тем существительным, к действию (или состоянию) которого они относятся. Таковыми являются все наречия, образованные от основы с классным показателем. Кроме того, все наречия в местном и исходном падеже тоже содержат классный показатель:

баххли, *ваххли*, *раххли*, *даххли*, «долго»;
бацли, *вацли*, *рацли*, *дацли*, «пусто»;
гьалаб, *гьалав*, *гьалар* «впереди»;
ургабад, *ургавад*, *ургарад* «из середины» и др.

Изменение по классу, даргинских наречий и согласование их по классам и числам (поскольку классный показатель выражает и число) аналогично изменению прилагательных. Однако, в прилагательных число выражается и окончанием (суффиксом), чего нет в наречиях.

ПОСЛЕЛОГИ.

Послелогом называется такое служебное слово, которое управляет предшествующим именем, находящимся в синтаксической связи с ним.

В даргинском языке имеются такие наречия места и времени, которые обыкновенно употребляются только в сочетании

с тем или иным именем в определенном падеже. Если такие наречия употребляются и без такого имени, то часто в таких случаях все же подразумевается имя, управляемое этим наречием. Такие наречия мы называем послелогоми. Таковыми являются например:

эргэи «после, за» — *итала эргэи* «после этого»; *итис эргэи* «за ним, после него»;

дураб «вне, наружу» — *хэа дураб* «вне комнаты»;

бухнаб «внутри, в» — *хэа бухнаб* «внутри комнаты, в комнате».

ургаб «между, в середине, посреди» — *гулгери ургаб*, *гулгэрала ургаб* «между деревьями, среди деревьев».

гьалаб «вперед, до, впереди, около» — *школала гьалаб* «около школы»; *итис гьалаб* «впереди него, до того».

гьелаб «за, позади» — *хэа гьелаб* «за домом, позади дома»; *ну итис гьелав сайра* «я позади него».

удиб «внизу» — *столла удиб* «под столом».

чедиб «на, над, сверху» — *столла чедиб* «над столом, на столе».

алав «вокруг» — *хэайс алав* и *хэали алав* «вокруг дома».

дахли «напротив» — *бархли дахли* «напротив солнца»;

бархьли «напротив» — *галгаличи бархьли*, *галга бархьли* «напротив дерева».

кьадин «за, вместо, взамен» — *итис кьадин* «за него, вместо того».

багьандан «для, ради, за, из-за, ввиду» *ити багьандан* «ввиду того, ради того, для него»; *вакни багьандан* «из-за прихода, ввиду того что пришел»; *беклес багьандан* «для того чтобы написать».

барх «вместе, с» — *итичил барх* «вместе с ним».

сабабли «по причине, ввиду» — *ит сабабли* «по той причине, ввиду того».

шулгиб (мякьлаб) «около, рядом» — *дила шулгиб*, *дила мякьлаб* «около меня, у меня».

гьамли «близ, близко» — *шараличи гьамли* «близко к озеру».

кэаршили «против» — *набчи кэаршили* «против меня».

дурабадра «кроме» — *илала дурабадра* «кроме того, помимо того».

гьанни «из-за, за, ради (букв.: «помня») — *вацгализир беци дучар*, *дубрир мукьара гьанни* «волк воет в лесу из-за ягненка на горе» (песня).

Кроме наречий, в роли послелогов употребляются и другие слова: деепричастия, имя в местн. падеже и др.

кьел «время» — *дусла кьел* «в продолжение года».

барили «согласно» (букв.: «сделав») — *хлукмуличи барили* «согласно постановлению».

хлехлеили «несмотря» — *итичи хлехлеили* «несмотря на то».

хлехлизиб «о, про» (букв. «об истине») — *колхозла хлехлизиб* «о колхозе».

мерла, *мерлаб* «вместо» — *итала мерлаб* «вместо того».

Как видно из примеров, некоторые послелогои (*эргэи*, *гьалаб*, *гьелаб*, *ургаб*, *алав*, *бархьли*, *багьандан*) употребляются то с одним, то с другим падежом, причем значения послелогов *эргэи*, *гьалаб*, *гьелаб*, *багьандан* с различными падежами различны. Послелогои *ургаб*, *алав*, *бархьли* употребляются то с родит., дат. или направит., то с именит. падежом в одном и том же значении.

Послелог *багьандан*, когда перед ним стоит отглагольное имя, выражает причину «ввиду, по причине», а когда употребляется с инфинитивом, он выражает цель «для того, чтобы, с целью». Когда же он стоит после не отглагольного имени, он может выразить и то и другое в зависимости от контекста:

вакни багьандан «ввиду прихода, ввиду того что пришел»;

ваклес багьандан «для того чтобы придти»;

ит багьандан «ввиду того; ради него».

Кроме послелогов, являющихся совершенно отдельными словами, иногда употребляемыми и без дополняющих их значение имен, в даргинском языке есть послелогои, примыкающие своей формой к окончаниям и словоизменительным суффиксам.

Таковыми являются:

кад(ли) «по, вдоль» — *кьадакад* «по долине», *гьуникад* «по дороге»;

шал «по, в отношении» — *рангашал ити ахиси саби* «по цвету это лучше»;

сун «по» — *суналасун* «по-своему, по своей манере»;

бах(ли) «в», «на», «к» — *итабах(ли)* «в ту сторону», *дудешличивях(ли)* «к отцу, в сторону отца»;

гьел(ли) «в» — *итгьел шурбатес* «повернуть в ту сторону»;

гьебли «в стороне, за, с» — *Китай нушагьебли саби* «Китай с нами»;

хлели «когда» *ваклубхлели* «когда пришел», *итхлели* «тогда»;

мад, *мадан*, *маданал* *ваклубмад* «как только пришел»;

кэци «хотя» — *ваклубкэци* «хотя пришел», *балукэци* «хотя знает» (*иткэци* «даром; без цели»).

СОЮЗ.

Даргинский язык союзами не богат. Это объясняется, с одной стороны тем, что в большинстве случаев подчинительная и частично сочинительная связь между членами пред-

ложения и между предложениями осуществляется посредством глагольных форм сказуемого. Эти-то формы в даргинском языке и играют роль союзов. Вместо русского подчинительного союза «что» в даргинском языке мы имеем форму отглагольного существительного на *ни* или вопросительного наклонения на *а*, которые выступают как сказуемые в придаточных предложениях дополнения. «Русские союзы» «когда», «как только», «с тех пор как», «хотя», «если» и др. даргинский язык выражает глагольными окончаниями на *хлели*, *мад*, *ла*, *кзи*, *алли* и др.

Причинность в дарг. языке выражается большей частью формой отглагольного существительного на *ни* с послелогом *багъандан* «по причине, ввиду»; цель выражается формой инфинитива с прибавлением, или без прибавления послелога *багъандан*. Здесь приведем некоторые примеры:

хлу хъайгъив агни нуни багъурра «я узнал, что тебя дома нет»;

ну ваклибхлели, *ил арякъун* «когда я пришел, он ушел»;
шаладикибмад, *нуша датдихъира* «как только рассвело, мы отправились»;

июль баз бехлбихъила, *забли ургъули саби* «с тех пор, как начался июль, дожди идут»;

балукъи, *хлуни бурули ахленри* «хотя знаешь, ты не говоришь»;

хлу аркъядли, *нура аркъяс* «если ты пойдешь, то и я пойду»;

хлянци таманхлебиъни багъандан, *ну ишбархлира арукъес вирули ахленра* «так как работа не закончена, я и сегодня не могу выехать»;

ит араварес багъандан, *тухтурли дебали къайгъибариб* «для того чтобы вылечить его, врач очень постарался»;

Амир ваклили аракъун «Амир пришел и ушел» и др.

Подобные формы, являющиеся одновременно и членами предложения и союзами, нужно считать союзными словами. Но кроме того, в даргинском языке мы имеем и настоящие союзы, и союзные частицы, или суффиксы сочинительные и подчинительные. Сочинительные союзы подразделяются на соединительные, разделительные и противительные.

Соединительными союзами являются: «*ра* (суффикс) «и»; *ва* «и»; *биаб* (букв. «будь») «как... так и...»; *я* «или-или, ни-ни»:

хурра, *жарра*, *пьялягра нушачир имцали* *къаришидиркур* «липа, ива и осина у нас часто встречаются»;

нушала халкъанала узидеш нушала партияла бархъси политикаличи делиунги сари «дружба наших народов зиждется на правильной политике нашей партии»;

хур биаб, *жар биаб нушачир имцали къаришидиркур* «как липа, так и ива у нас встречаются часто»;

я заб агара, *я дахли агара* «нет ни дождя, ни снега».

Особенностью союзного суффикса *ра* является то, что он повторяется при каждом соединяемом слове.

Другой особенностью *ра* является то, что он прибавляется лишь к именам и наречным словам, к глаголу в личной форме он не прибавляется, а прибавляется к первой части сложного глагола, которая является именной частью, основой или префиксом, причем после *ра* глагол повторяется полностью: *председатель вакIра вакIиб*, *арра арякъун* «председатель и пришел и ушел».

Когда союзным суффиксом *ра* соединяют целые предложения, он находится всегда в середине этих предложений, а не в конце: *забра дариб*, *хлуркIбира кадухъун* «и дождь пошел и речки потекли».

Союз *ра* в сложно-сочиненном предложении иногда употребляется в роли подчинительного союза. При этом первое предложение выражает причину второго — главного:

итра арякъун — *нушала ацIбукъунира вайтIадикиб* «и он ушел и наши дела расстроились», т. е. по причине его ухода наши дела пострадали. В разговорной речи это значение *ра* подчеркивается особой интонацией. В письме целесообразно ставить между предложениями тире.

Союз *ра* иногда переводчиками употребляется вместе с союзом *ва*. Таким образом, они сочетают два союза одного и того же значения. Это объясняется тем, что *ва* для даргинского языка является новым заимствованным союзом. В разговорной речи он почти не встречается. Он был заимствован из кумыкского языка уже после того, как даргинцы начали писать на родном языке.

Союз *ва* своим значением от *ра* не отличается; при помощи *ва*, соединяют как члены предложения, так и сами предложения. Обыкновенно, при перечислении он ставится только перед последним членом перечисления.

Наличие двух союзов-синонимов в даргинском языке создает большое стилистическое удобство при построении сложных предложений.

Разделительными союзами являются: *я-я* «или-или», *гъачам-гъачам* «то-то»:

я кайи, *яра арукъен* «или садись, или уходи»;

гъачам ургъули саби, *гъачам дагIбикIули саби*, «то дождь идет, то ветер дует».

Разница между разделительными и соединительными союзами *я-я* заключается в том, что *я-я* для соединения употребляется только с отрицанием в то время, как разделительный союз *я-я* употребляется и без отрицания. Кроме того, при разделительном союзе ко второму союзу факультативно прибавляется *ра*: *я-яра*.

Противительными союзами являются: *амма, вамма, ваамма-ки* «но»; *ну* «а»; *гу* «но»:

ваклуб, амма селра хлеиб «пришел, но не сказал ничего»;
иш галга пянляг ахленну, махъ саби «это дерево не осина, а береза»;

ваклубгу, жявли арякьун «пришел, но скоро ушел».

Союзные суффиксы *ну* и *гу* в отличие от суффикса *ра* прибавляются только к глаголам и к другим словам в роли сказуемого. Эти два союза даргинского языка употребляются и для подчинительной связи: *ну* — для придаточного предложения причины, *гу* для уступительного:

нуни ибсилличи лехлехъирину, хлечи къян баклуб «так как ты не слушал меня, то тебя настигла беда»;

хлеб садаиллигу, гъачам ванабиубли ахлен «хотя весна настала, но еще не тепло».

Подчинительными союзами также являются наряду с союзами *ну, гу*

— *сенкун* «потому что», *хьалли, или, къи* «хотя», *или* (букв. «сказав»), *эгер* «если», и другие формы, употребляемые в роли союзов:

иш хлела хлянчи ахленну, бати «это не твое дело, оставь» (союз *ну* выражает, что *хлела хлянчи ахлен*, служит причиной для *бати* «оставь»);

неш раклубгу селра хлехиб «хотя мать приехала, но не привезла ничего»;

ну хлеклира, сенкун хлебагурра «я не пришел потому, что не знал»;

урьгули хьалли, дашес агнили саби «хотя дождь идет, но ехать надо»;

хяса хлешахъес или, нуни улкъай къяндарра «для того, чтобы пыль не летела, я закрыл окно» (букв. «чтобы не дать пыли входить — сказав, я закрыл окно»);

эгер нушани къасбарехлелли, нуша бархлехълис хъябличи дурадэркехе «если мы решимся, то к вечеру доедем до перевала».

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА И ЧАСТИЦЫ.

Под служебными словами мы подразумеваем послелоги и союзы. Частицами мы называем такие служебные слова, которые не являются ни послелогами, ни союзами. Большею частью они почти потеряли облик отдельных слов и превратились как бы в составные части других слов, но аффиксами они не являются.

Какая же разница между служебными словами, частицами и аффиксами?

Служебные слова употребляются для характеристики, для оттенения другого слова или целого предложения, они служат

для осуществления связи между членами предложения. Такие слова от самостоятельных слов отграничиваются без особых трудностей. Но очень трудно найти границу между служебными словами и частицами, с одной стороны, и аффиксами и окончаниями, с другой. Очень трудно также провести точное размежевание внутри самих служебных слов и частиц.

Почему отдельные служебные слова в даргинском языке с таким трудом разграничиваются с аффиксами? Например, в русском языке отличить предлог от приставки не представляет трудности: между предлогом и именем, к которому относится предлог, можно вставить определяющее слово, относящееся к тому же имени, и предлог, стоящий перед определением остается в том же отношении с именем, в каком он был до введения предлога.

Таким способом мы в русском языке устанавливаем, что предлог — это отдельное слово, а не часть его. Иначе обстоит дело с приставкой в русском языке: ее нельзя отделить от глагола. Предлог здесь является принадлежностью имени, при глаголе предлога не бывает; это помогает отличить предлог от приставки.

В даргинском языке не так. Здесь мы имеем дело не с предлогами, а с послелогами, стоящими за именем, как и суффиксы и окончания. Послелоги так тесно примыкают к именам, что между ними нельзя вставить другого слова, послелог есть как бы часть предыдущего слова, с которым он дает лексическое целое: *хлянчилашал* «в отношении работы, по работе»; *сунеласун* «по-своему» (*хлянчила* родит. от *хлянчи* «работа»; *сунела* — родит. от *сай* «сам, он», согласно принятой орфографии *шал* и *сун* пишутся слитно с предыдущим именем).

Такое положение могло бы заставить нас называть подобные послелоги и другие служебные слова аффиксами, тем более, если сочетание такого послелога и имени путем прибавления суффикса прилагательного дает прилагательное (*хлянчилашалси* «относящийся к работе»; *большевикуналасунси* «то, что по-большевистски», если бы это не было общим свойством служебных слов, в том числе и тех, относительно которых мы не сомневаемся в том, что они отдельные слова, а не части слов, как *гъала* «вперед», *глена* «назад», *ахъ* (дубур) «высокая гора»; *ахъ* — неоформленное прилагательное.

Метод вставления постороннего слова между служебным словом и именем для доказательства того, что оно действительно является отдельным словом, а не частью слова, для даргинского языка не годится, поскольку и явно отдельное слово нельзя отделить вставлением другого слова от имени, к которому относится это слово. Если вставить такое слово, то служебное слово (или неоформленное прилагательное) будет относиться по смыслу к этому вставленному слову.

Для разграничения послелогов и других служебных слов и частиц от аффиксов нам необходимы другие основания:

Что касается словообразовательных аффиксов, то их можно отличить от служебных слов и частиц тем, что они (аффиксы) изменяют значения слов, к которым они прибавляются, а служебное слово или частица не изменяет; в основном служебные слова и частицы связывают слова между собою.

Возьмем суффикс *кьяна* и послелог *кад*. Если мы прибавим *кьяна* к слову *гьуни* «дорога», то мы получим имя со значением «путник» — *гьуникьяна*; если же мы присоединим к нему *кад*, — *гьуникад* — то получим значение «по дороге». Значение «дорога» здесь не изменилось. Мы можем говорить *ахлси гьуни* «хорошая дорога» и *ахлси гьуникад* «по хорошей дороге», и в обоих случаях *ахлси* относится к *гьуни* в отдельности, а не к *гьуникад* в целом.

Иначе будет, если мы сопоставим *ахлси гьуни* «хорошая дорога» и *ахлси гьуникьяна* «хороший путник». Здесь мы прилагательное *ахлси* относим к двум различным словам, а не к одному и тому же, как в предыдущем случае. Следовательно, *кьяна* сливается в единое целое со словом *гьуни*, а *кад* не сливается. В первом случае (*гьуникьяна*) от слова *гьуни* образуется другое производное слово, составленное из *гьуни* и *кьяна*.

Таким образом, словообразовательные суффиксы как бы выполняют семантические задания в то время, как окончания (или словоизменятельные суффиксы), служебные слова и частицы — выполняют синтаксические и модальные функции и не являются частями слов. Правда, есть частицы, которые очень близко примыкают к суффиксам и окончаниям и по функции, и по форме. Их можно пожалуй признать за части слов. Тем не менее они не являются суффиксами, так как они не меняют семантику слова, они не являются также окончаниями, т. к. они прибавляются к имени в любом падеже, к наречиям и глаголам. Но среди частиц имеются и такие, которые могут стоять только после имени или наречного слова (союзная частица *ра*), или после сказуемого (союзные частицы *чу*, *гу*).

Разница между частицами и послелогом заключается в том, что частицы не управляют именем, стоящим перед ними, а послелог управляет. Что касается союзов, то в даргинском языке мы имеем союзные частицы, и союзы, являющиеся самостоятельными словами. Из служебных слов послелог служит для подчинительной связи слов в предложении в то время, как союзы и частицы служат, как для подчинительной, так и для сочинительной связи.

ЧАСТИЦЫ.

В даргинском языке имеется много частиц, со многими и самыми разнообразными значениями. Группировать их по значению и по роли их в речи удается лишь с трудом, причём можно наметить следующие группы некоторых из них:

Второстепенная частица, которая сопровождает вопросительное предложение: *гьатли* «разве»: *мар сабира, гьатли?* «разве это правда?»

Звательные частицы: *эй* — при обращении к одному мужчине: *эй, Али!* «О Али!» *Эйхъали* — при обращении к многим мужчинам; обычно при слове *эйхъали* имена людей, к которым обращается говорящий не называются: *эйхъали, даширая, аркьяхлену* «эй, давайте пойдём»;

жав (цуд. *гьуй*) — при обращении к женщине: *жав, Разият!* «О Разият! жей (цуд. *гьей*) — при обращении к женщине и мужчине: *жей, Али!* (Что касается цуд. *гьей*, то эта частица употребляется как женщинами, так и мужчинами).

Утвердительные частицы: *гле* «да», *гьайгъай* «конечно».

Отрицательные частицы: *юх* «нет» (когда говорящий возражает собеседнику); *гьеч*, *сеналра*, *бекли* «никак».

Усилительные частицы: *клун* «же, ведь» — ставится только после имен и наречных слов: *ит клун будеш сай* «ведь он отец». Частица *клун* в сочетании с местоимением *сен* «почему» даёт подчинительный союз причины: *сенклун* «потому что» (пишется слитно); *кьалли* «оказывается, то, же» и др. (в различных диалектах употребляется для выражения различных оттенков значений); *ахтен кьалли* «оказывается, нет»; *ит кьалли виклули сай, хлу сен или виклусири* «он-то говорит, а ты почему так говоришь?» *Либакку кьалли* (муир.) «ведь нет, нет же» и др.; *гу* «же» — *вашигу!* «иди же!» *ишгу ишаб* «вот же здесь»; *балли, бархли* «даже» — *дурхлни бархли (балли) дурабухъун* «даже дети выступали, дети и то выступали».

Частица (*а*)*л* имеет много значений, которые вскрываются в следующих примерах:

— для усиления отрицания: *архлякьян* «не пойдёт» — *арал хлякьян* «ни шагу не возьмет»;

— для выражения значения: «еще» в таких случаях как: *даг* «вчера» — *дагал* «еще вчера», *итхлели* «тогда» — *итхлелил* «еще тогда»; *итаб* «там» — *итабал* «еще там»;

— для выражения значения: «собственный»: *дила* «мой» — *дилал* «собственный мой»; *сунела* «свой» — *сунелал* «собственный свой»;

— для выражения: «бывший» (в мугинском диалекте):

Алила урчи «лошадь Али» — *Алилал урчи* «лошадь, принадлежащая Али»;

— для выражения косвенного вопроса:

ваклиб «пришел» — *ваклибал* «пришел ли».

Уподобляющие частицы: *гвуна* «подобный». *Гвуна* имеет множественное число; иногда имя, к которому относится эта частица и сама частица принимает суффикс мн. числа: *ишегунана* (пишется слитно) «такой, как это» — *ишидиггунти* «вот такие, как эти» (*гвуна* прибавляется к имени в любом падеже и само по себе склоняется).

Ван (урах. *он*, цудах. *ванне*) «как», в акушинском диалекте упрощается, причем остается лишь *ан*, или просто *н*: *итан* «так как он», *Алин* «как Али». Частица *ван* с ее упрощенными формами употребляется и с глаголом, выражая незначительность, кратковременность действия; употребляясь с деепричастием, она выражает значение «как только»: *ваклибмадван*, *хлянчилизи вехлихьиб* «как только приехал, взялся за работу»;

тяп «как раз, точно» — *ишра тяп итгбуна сай* «и этот как раз такой же, как тот»;

гьалли «как будто, словно» — *гьалли ургьусиван чебушли саби* «словно как будто дождь идет».

Частица неопределенности *ца* «некий» (букв. «один»): *ца адам ваклиб* «пришел один человек» (т. е. неизвестный или же такой, о котором говорящий не хочет говорить, кто именно он).

Частица равняющая: *цад* «столько, так» — *Алицад* «столько, сколько Али» (по величине, росту и т. п.), *итцад халал* «столь большой».

В даргинском языке имеются и еще частицы с различными значениями, имеются также самостоятельные слова, которые употребляются в роли частиц: *гву* «ну», *гвари* «ну-ка», *белики* «авось, может быть»; *секгал* (букв.: «вещь»): *кьацI-секгал хлебукаду?* «не покушаешь ли хлеба и т. п.?»; *мага: чаймага агарав?* «нет ли чая и т. п.?» *гвари* — выражает возмущение: *я гвари, вашигу?* «иди же наконец»; *сера* «около, такой»: *вецIалра-сера* «около десяти», *хIура-сера итаб бажардихIебирар* «такой как ты и подобные там не справятся»; *имцIа* «больше»; *вецIалра-имцIа* «больше десяти» и др.

Мы коснулись здесь значений лишь некоторых частиц, поскольку подробный анализ частиц должен быть дан, с одной стороны, в синтаксисе, с другой — в словаре.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
От редакторов	3
Введение	5
Из истории даргинского письма	15
Звуки даргинского языка и буквы даргинского алфавита	23
Краткие и долгие гласные	30
Слог	34
Чередование гласных	35
Выпадение гласных	38
Дифтонги	47
Ассимиляция гласных	48
Усиленные согласные	49
Лабиялизация согласных	51
Чередование согласных	54
Выпадение согласных	55
Ассимиляция согласных	58
Диссимиляция согласных	60
Метатеза	61
Ударение	61
Морфология.	
Классы и классные показатели	72
Имена в даргинском языке	79
Существительное	84
Первичные и вторичные падежи	116
Прилагательное	126
Числительное	133
Местоимение	139
Глагол	
Общая характеристика даргинского глагола	143
Классные показатели в глаголе	145
Инфинитив	146
Основы глагола и её состав	148
Глагольные префиксы	158
Согласование глагола по лицу	162
Глаголы утверждения и отрицания	164
Глаголы-связки	165
Переходность и непереходность глагола	167
Наклонения и времена	172
Причастие	190
Деепричастие	195
Наречие	197
Послелоги	205
Союз	207
Служебные слова и частицы	210

ми
ча
на
та
жи

те
«т
ны
чи
пр
ва
бо

раз

саб

ада
же
но

ко,
«ст

знач
упо
«ав
хте
ага
я г
цгал
«так
ше»

л
поск
ной

Редактор С. М. Гасанова

Сдано в набор 6/VII-1954 г. Подписано
к печати 25. X. 1954 г. С 02971. Формат
60×92/16. Объем 13,5 п. л., бум. л. 6,75.
Тираж — 800; зак. № 877.

Типография Дагестанского филиала
АН СССР, г. Махачкала, Комсомольская, 14.

О П Е Ч А Т К И

стр.	строка	напечатано	следует читать
29	11 сверху	тоже	то же
30	3 сверху	формой	фонемой
47	4 сверху	'ест'	'сест'
48	17 сверху	бах-бах	бахъ-бахъ
57	17 сверху	хекиб	хекиб
72	4 снизу	в-ебкIуб	в-ебкIиб
89	20 сверху	диха	дихъа
101	в начале страницы пропущено: дев		
102	3 снизу	адамличи	адамличил
106	4 снизу	тот больной умер	он умер от болезни
125	18 сверху	оплачивание	оплакивание
135	2 сверху	при чем	причем
145	19 снизу	определить	опередить
157	25 сверху	сделаться	дойти
160	3-я табл. сверху	балкIан	бадкIен
178	7 сверху	если бы он написал	если бы ты писал
201	25 сверху	при чем	причем